

ISSN 2072-8530 (print)
ISSN 2310-7227 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

Ф ИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ

О ПОЭТИКЕ ОБНОВЛЯЕМОЙ ФИЛОСОФИИ

КОНВЕНЦИОНАЛИЗМ И КОНСЕНСУАЛИЗМ
КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ
НАУЧНОГО ПЛЮРАЛИЗМА

ДЕВИАЦИИ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА
ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

2021/ № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8530 (print)

2021 / № 1

ISSN 2310-7227 (online)

серия

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 09.00.01 – Онтология и теория познания (философские науки); 09.00.03 – История философии (философские науки); 09.00.08 – Философия науки и техники (философские науки); 09.00.11 – Социальная философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) on the following scientific specialities: 09.00.01 – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 09.00.03 – The history of philosophy (philosophical sciences); 09.00.08 – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2072-8530 (print)

2021 / № 1

ISSN 2310-7227 (online)

series

PHILOSOPHY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета:

Серия: Философские науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Бондарева Я. В. – д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. – д. ф. н., проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. – д. ф. н., проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. – д. ф. н., проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации

Виноградов А. И. – д. ф. н., проф., Мурманский арктический государственный университет

Дёмина Л. А. – д. ф. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина

Евстифеева Е. А. – д. ф. н., проф., Тверской государственный технический университет

Ильин В. В. – д. ф. н., проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана

Кондаков А. М. – д. п. н., проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС)

Костадинович Даниэла – доктор наук, доц., Университет Ниша (Сербия)

Кравченко В. В. – д. ф. н., проф., Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Купц Томаш – доктор философии, проф., Университет Николая Коперника (Польша)

Курабцев В. Л. – д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Лебедев С. А. – д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Митио Микосиба – доктор наук, почётный профессор, Университет Тиба (Япония)

Михалкин Н. В. – д. ф. н., проф., Московский государственный психолого-педагогический университет

Песоцкий В. А. – д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет, научный руководитель журнала

Сафонов А. Л. – д. ф. н., доц., Московский государственный областной университет

Синенко В. Я. – д. п. н., проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Янич Марина – доктор наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам истории философии, онтологии и теории познания, социальной философии и методологии науки.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73345.

Индекс серии «Философские науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40724

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2021. – № 1. – 138 с.

© МГОУ, 2021.

© ИИУ МГОУ, 2021.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University». Series: Philosophy
Moscow Region State University

Issued 4 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya.V. Bondareva – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

Deputy editor-in-chief:

B.L. Gubman – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Doctor of Philosophy, Mytishi Branch of Bauman Moscow State Technical University

Members of Editorial Board:

V.P. Berkut – Doctor of Philosophy, Professor, Military Academy of strategic missile forces named after Peter the Great of the Ministry of defence of the Russian Federation

A.I. Vinogradov – Doctor of Philosophy, Professor, Murmansk Arctic State University

L.A. Demina – Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State Law University

E.A. Evstifeeva – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State Technical University

V.V. Ilyin – Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University

A. M. Kondakov – Doctor of Education, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems

Danijela Kostadinović – PhD, Associate Professor, the University of Niš (Serbia)

V. V. Kravchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Tomas Kupsch – Doctor of Philosophy, Professor, Nicolaus Copernicus University (Poland)

V.L. Kurabtsev – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

S. A. Lebedev – Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University

Michio Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan)

N.V. Mikhalkin – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Psychology and Education

V.A. Pesotsky – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University, Scientific Consultant

A. L. Safonov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow Region State University

V. Ya. Sinenko – Doctor of Education, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute

Marina Janjić – Doctor of Philology, Professor, the University of Niš (Serbia)

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about the history of philosophy, ontology and the theory of perception, social philosophy and the methodology of science.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, PhD students and anyone interested in philosophy.

The series «Philosophy» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС 77 – 73345.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 407248

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy. – 2021. – № 1. – 138 p.

© MRSU, 2021.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2021.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

<i>Майкова В. П., Молчан Э. М.</i> Проблема отчуждённого труда в творчестве Ф. М. Достоевского	6
<i>Микосиба М., Бондарева Я. В.</i> «Русский странник по духовным мирам», или Творчество Ф. М. Достоевского в контексте русской религиозной философии	16

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Ильин В. В., Сапегина О. П., Яловенко Я. В.</i> О поэтике обновляемой философии	23
<i>Мякинников С. П.</i> К гипотезе о духе как пантеистическом продолжении материи и различные интерпретации экологического мировоззрения	31

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Кононов С. В.</i> Модель социальной безопасности в отражении дискурсов социальной философии и регионалистики	43
<i>Кравченко В. В.</i> Трансформация диалогизма культурного поля в условиях пандемии (в аспекте этно-энергетической концепции)	53
<i>Лонский Я. А.</i> Поликонфессиональный подход в деятельности транспортной отрасли современной России	65
<i>Обухов А. А.</i> Предпосылки и причины формирования межгосударственных интеграционных объединений в исторической ретроспективе	75
<i>Сопов В. В., Ярославцева А. В.</i> Историческая традиция как фактор объединения и развития российского общества	83
<i>Тимофеев А. В., Комолов А. А.</i> Киберпреступность как социальная угроза и объект правового регулирования	95
<i>Ян Пэн Тао, Калинина Г. Н.</i> Аксиология китайской культуры одежды и «модной индустрии» в парадигме «традиция – новаторство» (авторская рефлексия)	102

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Гурьянов Н. Ю., Коротаева Т. В.</i> Девиации когнитивных способностей человека под воздействием информационных технологий	111
<i>Лебедев С. А.</i> Конвенционализм и консенсуализм как эпистемологическая легитимация научного плюрализма	119

РЕЦЕНЗИИ

<i>Губанов Н. Н., Губанов Н. И.</i> Позитивно-диалектическая концепция философии науки. Рецензия на книгу: Лебедев С. А. Философия науки: позитивно-диалектическая концепция. М.: Проспект, 2021. 448 с.	130
---	-----

CONTENTS

ON THE 200TH ANNIVERSARY OF F. M. DOSTOEVSKY'S BIRTH

- V. Maikova, E. Molchan.* The Problem of Alienated Labor in the Works of F. M. Dostoevsky 6
M. Mikosiba., Ya. Bondareva. "Russian Wanderer in the Spiritual Worlds",
 or F. M. Dostoevsky's Creative Activity in the Context of Russian Religious Philosophy 16

ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY

- V. Ilyin, O. Sapegina, Ya. Yalovenko.* On the Poetics of the Renewed Philosophy 23
S. Myakinnikov. On the Hypothesis of Spirit as a Pantheistic Continuation of Matter
 and Various Interpretations of the Ecological Worldview 31

SOCIAL PHILOSOPHY

- S. Kononov.* A Model of Social Security in Reflecting the Discourses of Social Philosophy
 and Region Studying 43
V. Kravchenko. Transformation of the Cultural Field Dialogism in the Context
 of the Pandemic (In the Aspect of the Ethno-energy Concept) 53
Ya. Lonsky. Poly-confessional Approach in the Activities of the Transport Industry
 in Modern Russia 65
A. Obukhov. Preconditions and Reasons for the Formation of Interstate Integration
 Associations in Historical Retrospective 75
V. Sopov, A. Yaroslavtseva. Historical Tradition as a Factor in the Integration
 and Development of the Russian Society 83
A. Timofeev, A. Komolov. Cybercrime as a Social Threat and an Object
 of Legal Regulation 95
Yang Peng Tao, G. Kalinina. Axiology of the Chinese Clothing Culture
 and "Fashion Industry" in the Paradigm "Tradition – Innovation" (Author's Reflection) 102

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

- N. Guryanov, T. Korotaeva.* Deviation of Human Cognitive Abilities
 under the Influence of Information Technologies 111
S. Lebedev. Conventionalism and Consensualism as Epistemological Legitimation
 of Scientific Pluralism 119

REVIEWS

- N. Gubanov, N. Gubanov.* Positive-dialectic Concept of Philosophy of Science.
 Review of the Book: Lebedev S. A. Philosophy of Science: Positive Dialectical Concept.
 M., Prospect Publ., 2021. 448 p 130

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

УДК 101

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-6-15

ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЁННОГО ТРУДА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Майкова В. П., Молчан Э. М.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследовать проблему отчуждённого труда в творчестве Ф. М. Достоевского.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Методологией исследования выступают историко-философский подход к проблеме отчуждённого труда в творчестве Ф. М. Достоевского, а также социально-философский анализ духовно-нравственных портретов героев, сюжетных линий произведений писателя-философа.

Результаты. Проведённый анализ показал, что посредством освобождения от трудовой деятельностью своих героев, Ф. М. Достоевский раскрывает проблему отчуждённого труда, которая влечёт за собой самоуничтожение, саморазрушение человека, ведёт к расколотости мира, превращая его в страдание. В современных условиях роботизации производства, создания искусственного интеллекта проблема отчуждённого труда в творчестве Ф. М. Достоевского актуализируется.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён материал по исследуемой теме. Результаты исследования вносят вклад в методологическую базу социальной философии и обусловлены внедрением цифровых технологий, сужающих пространство трудовой деятельности человека, что создаёт опасность возникновения диссипативного расстройства идентичности личности. Авторы статьи приходят к выводу, что в произведениях писателя заключено предупреждение о необходимости труда как духовной природы человека.

Ключевые слова: труд, личность, духовная ценность, страдание, человек, саморазрушение, саморазвитие

THE PROBLEM OF ALIENATED LABOR IN THE WORKS OF F. M. DOSTOEVSKY

V. Maykov, E. Molchan

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the problem of alienated labor in the works of F.M. Dostoevsky.

Methodology. The body of texts is analyzed. The methodology for the research is the historical and philosophical approach to the problem of alienated labor in the works of F. M. Dostoevsky, as well as the socio-philosophical analysis of spiritual and moral portraits of characters, plot lines in the works of the writer-philosopher.

Results. The research showed that by not burdening the labor activity of his characters, F. M. Dostoevsky reveals the problem of alienated labor, which entails a person's self-annihilation and self-destruction,

© CC BY Майкова В. П., Молчан Э. М., 2021.

leads to a split world, turning it into suffering. In modern conditions of production robotization and creation of artificial intelligence the problem of alienated labor in the works of F. M. Dostoevsky is actualized.

Research implications. The material on the theme of the research is generalized. The results of the study contribute to the methodological basis of social philosophy and are stipulated by the introduction of digital technologies that narrow the space of human labor activity, which creates the risk of dissipative identity disorder. The authors of the article come to the conclusion that the writer's works are a warning about the need for labor as a spiritual nature of a person.

Keywords: work, personality, spiritual value, suffering, man, self-destruction, self-development

Введение

Современные трансформационные процессы в духовной и культурной сферах создали предпосылки для переосмысления традиционных ценностей. Их унификация и открытость сопровождаются активными процессами установления новых ценностных оснований, несвойственных России, но привнесённых посредством цифровых технологий из массовой культуры Запада и США. Происходит переосмысление ценностно-смысловой доминанты общества и самосознающей личности. Вопрос Р. Раскольникова «Тварь ли я дрожащая или право имею?» из романа «Преступление и наказание» становится лейтмотивом жизни [5, с. 144]. Кто мы – всё ещё личности или рабы виртуальности? К чему приведём мир? Что лежит в основе нашего сознания? Не происходит ли дискредитация разума человека, породившего глобальные проблемы? Сохранит ли планету Земля человек, потерявший духовную суть ценностей своим отчуждением от веры и труда? Ответы на эти и другие вопросы современности можно найти в творчестве писателя и философа Фёдора Михайловича Достоевского, психолога-романиста второй половины XIX в., классика русской литературы.

Творчество Ф. М. Достоевского в русской философии

Творчество Ф. М. Достоевского в разные времена интересовало исследователей разных гуманитарных наук: психологов и лингвистов, филологов и историков, религиоведов и социологов и других учё-

ных. Многие стремились осмыслить философскую концепцию, которая лежит в основе его художественных и публицистических сочинений. М. М. Бахтин в своей концепции о поэтике творчества Ф. М. Достоевского обращает внимание на философское и религиозное противоречие писателя-романиста, который, по мнению автора работы «Философия поступка», своими воззрениями разделяет кантовскую теорию [1]. В. В. Соловьёв обращает внимание на драму чаяний Ф. М. Достоевского как на реальное, онтологическое переживание мирового зла. Для Льва Шестова творчество классика-литератора является феноменом философского знания, ориентированного на утверждение пост-философского мышления как преодоление самого себя через «пафос гносеологического трагизма». По мнению философа Сергея Булгакова, творчество Ф. М. Достоевского наполнено идеей русского религиозного экзистенциализма. Павел Флоренский видел в страданиях героев Ф. М. Достоевского отражение напряжённых отношений между философией, ставящей на первое место разум, и богословием, осмысливающим мир с помощью веры. Д. С. Мережковский рассматривал творчество Ф. М. Достоевского с точки зрения философии трагедии [20, с. 86–118]. С негативных позиций изучал произведения Федора Михайловича австрийский философ З. Фрейд в работе «Достоевский и отцеубийство» [27, с. 289]. Трагическая мысль Родиона Раскольникова накануне преступления: «Тварь ли я дрожащая или право имею» – сходна с идеей сверхчеловека Ф. Ницше [21, с.573]. Но не в пре-

восходстве человека над другими людьми цель и смысл человеческой жизни, подчёркивает Ф. М. Достоевский, оно в христианских мотивах любви, прошедшей через муки совести, очищенной страданием, пониманием неотвратимости наказания, но не Божьей кары, а самонаказания. В этом видит «оптимистический трагизм» Вяч. Иванов. Проблема человека является центральной в ярком и самобытном творчестве Ф. М. Достоевского.

Труд как духовная ценность

XIX в. для России – начало промышленного переворота и новой формации. Многие исследователи злободневность проблем того времени переносятся на современную трансформацию общества, жизни, мира, а мир, по мысли С. Н. Булгакова, есть хозяйство, «объект и продукт труда». «Это напряжённая активность человеческой жизни во исполнение Божьего слова: в поте лица своего добывать хлеб свой, и притом всякий хлеб, т. е. не только материальную пищу, но и духовную: в поте лица, хозяйственным трудом не только производятся хозяйственные продукты, но и создается вся культура» [2, с. 123]. На этом фоне заостряется пророчество Ф. М. Достоевского о новом мироустройстве. Признаком, устанавливающим миропорядок, по Евангелию, а также, по мнению многих философов русских и западных, является наличие труда. Говоря словами С. Н. Булгакова, «труд есть та ценность, которую приобретаются блага, поддерживающие жизнь. Эта истина как тёмное предчувствие лежит в основе так называемых трудовых теорий ценности в политической экономии». По мнению Г. В. Ф. Гегеля, человек отличается от животных возможностью трудиться, трудом очеловечивать мир и созидать себя как человека, в труде он обретает себя, потому что к трудовой деятельности способен лишь человек, это и есть его самореализация. «Именно труд обеспечивает бытие человека в качестве диалектического, самосовершенствующегося существа» [14, с. 65–68]. По мысли К. Маркса, труд делает человека человеком, является жизнеутверждающим

[17, с. 98–103]. Ф. Энгельс труду ставит в заслугу появление сознания как наивысшей формы психики, что способствовало превращению обезьяны в человека [18, с. 486–499]. Трудовая необходимость, его успешность заложена в духовной природе человека как заповедь, данная Адаму Господом, возделывать эдемский сад. «И если какому человеку Бог дал богатство и имущество, и дал ему власть пользоваться от трудов своих, то это дар Божий» (Еккл. 5: 18–19). Из труда следует человеческая природа и человеческая суть – такова логика философов и богословов.

Однако к середине XIX в. труд начинает терять свою духовную сущность, происходит отчуждение труда. Позднее К. Маркс выделил четыре типа отчуждения труда: от продукта труда, от процесса труда, от родовой человеческой сущности и отчуждение человека от человека [18, с. 90–96].

Отчуждённый труд как причина страдания

В состоянии отчуждения индивид становится неспособным к восприятию труда как самой природы человека, как духовной его сущности. Одним из первых, кто обратил внимание на этот факт, был Ф. М. Достоевский, хотя тема отчуждения труда в его произведениях не прослеживается явно. Она актуализируется через отсутствие труда. В его произведениях каждый из героев не работает или находится на незначительной службе, например, статский советник из произведения «Двойник», на профессионализме которого автор не останавливается вообще. Так писатель подчёркивает, что объективно теряет свою актуальность смыслопорождающая функция труда, что приводит к деструктивному эффекту. В психической раздвоенности героя Ф. М. Достоевский видит отражение произведённого продукта как продолжение, «удвоение» самого себя в создаваемом им предметном мире. Производитель-созидатель прекращает осознавать свою «творческую» связь с произведённым продуктом, опредмечи-

вающим мир, и остаётся недоволен самим собой. «Продукт труда, являющийся овеществленным, опредмеченным, т. е. закреплённым в предмете трудом, становится чужим и чуждым относительно производителя, поскольку, – как пишет Маркс, – присваивается лицом, непосредственно не занятым в производственном процессе, но владеющим средствами производства (и здесь присвоить = отнять)» [17, с. 20]. Отчуждение Ф. М. Достоевский воспринимает как потерю духовной ценности в труде, равную утрате чести, целомудрия, любви. Единственная из героев романа «Преступление и наказание», кто зарабатывает деньги, – Соня Мармеладова, но как она это делает? Деятельность, не ограниченная нравственными принципами, переходит в бездну, толкающую в пропасть преступления. В просвещённом веке отчуждение от труда приводит человека к одиночеству, страданиям. Как пишут М. Хоркхаймер, Т. Адорно, «отчуждение – своего рода расплата или наказание» [30, с. 127]. У М. Хайдеггера отчуждение ассоциировано с *Das Man*, неподлинным бытием в противовес подлинному – *Dasein* [29, с. 187]. Родион Раскольников из романа «Преступление и наказание», нищий студент, рационально и хладнокровно обдумывает убийство, захотев стать «наполеоном»: одно убийство тянет за собой другое [5, с. 257]. Отчуждение здесь представлено как расплата за рациональность мышления, за использование её как блага или искушение пользоваться ею, подмена подлинного бытия неподлинным. В результате «просвещённый человек» становится не «новым», «творческим» человеком, а человеком одиноким, отчуждённым, утилитарно действующим в сконструированном им понятийном, «тождественном» мире. Выйти из этой «тождественности», поглощающей любые формы протестной активности, индивид не в состоянии и может довольствоваться только эрзац-компенсацией своего одиночества и отчуждённости посредством, например, убийства [3, с. 99].

Отчуждение от трудовой деятельности ведёт к распаду личности, и мир «как хозяй-

ство» превращается в мир как страдание. Для «русского человека трудовое начало жизни соотносится с духовным началом личности» [15, с. 87]. Осознание особой значимости труда в возделывании человека есть в каждом из романов, повестей и рассказов Ф. М. Достоевского: устройство человека без понимания преобразующей роли труда равно безнравственному пути. Проблема отчуждения понимается им онтологически фундаментально. Отчуждение равно состоянию человека одинокого, ощущающего бессмысленность своей жизни, потерю собственного достоинства, сопровождающемуся агрессивным конформизмом или мученичеством. Мир, представленный не как объект труда, есть мир страданий – таков лейтмотив всего творчества Ф. М. Достоевского. Человек начинает любить свои страдания, и страдание становится трудом. О Настасье Филипповне из романа «Идиот» автор пишет, что «она полюбила страдания», хотя ей предлагалось идти работать. Что она могла делать? Стирать белье. Однако выбирает страдания.

Отчуждение труда порождает духовный кризис, искажающий или разрушающий природу человека, когда он осознанно или неосознанно перестаёт быть тружеником, деятельностной личностью. «...Почему я даже и насекомым не сумел сделаться. Скажу вам торжественно, что я много раз хотел сделаться насекомым. Но даже и этого не удостоился. Клянусь вам, господа, что слишком сознавать – это болезнь, настоящая, полная болезнь», – так определяет своё состояние главный герой из повести «Записки из подполья» [9, с. 237]. Подпольный человек, углублённый в свой внутренний духовный мир, начинает любить в себе унижение и даже любоваться им. Он даже не задумывается о труде как средстве выхода из тёмного подполья, куда он сам себя загнал без какой-либо созидательной деятельности. Человек без труда не бытийствует. Такова внутренняя, не лежащая на поверхности идея писателя-классика. Отчуждение углубляется. Мир становится сном как небытие небытия. Во «Сне смешного человека» Ф. М. Достоевский,

обращаясь к вечной теме философии об идеальном государстве, как это делали Платон в «Государстве», Т. Мор в «Утопии», раскрывает идеал как иллюзию. Отчуждение труда и мечту делает смешной, сводит мир к имитации как всеохватывающей фиктивности.

Интерпретируя проблему отчуждения, Ф. М. Достоевский ещё в середине XIX в. как бы предваряет философию М. Фуко о дисциплинарной власти и биовласти в сфере отчуждаемого [28, с. 91]. Автор произведения «Записки из мёртвого дома», как впоследствии и М. Фуко, в этом рассказе выводит функции дисциплинарной власти к навязыванию, требованию подчиниться, а за биовластью видит контроль за физиологией человека и населения в целом. Два этих типа власти создают социально обусловленную объективную норму бытия, в соответствии с которой должен быть объект, отчуждая труд, делая его товаром. Отклоняется от этой нормы Александр Петрович Горянчиков из повести «Записки из мёртвого дома». Труд для него не отчуждается, а сохраняет статус духовной ценности, его собственного желания, неотчуждённый труд становится его спасением. Другой герой, повар Осип, принимает нормы отчуждённого труда, для него труд – товар. Дальнейшая судьба Осипа – мучение на каторге. Таким образом, психическая девиация понимается здесь как состояние отчуждения от «истинной» сути человека, которой является труд [8, с. 188].

В романе «Братья Карамазовы» отчуждение труда является чем-то уже изначально присущим действительности – естественным её атрибутом. Парадоксальным образом лишь для старца Зосимы характерен неотчуждённый труд, свободный, «нормальный», труд как духовная ценность. Он молитвенник, поэтому единственный сохраняет способность понять, что на самом деле происходит в окружающей его действительности, однако и он умирает как последний из могикиан. Алёша Карамазов принимает навязанные «правила игры» в социуме, потому что, как о нём пишет Ф. М. Достоевский, он «человеко-

любец», а не боголюбец, хотя избрал путь служения Богу – монашество, «моно» – одному Богу, но на деле изменил Ему. Осознавая противоречивость и абсурдность отчуждения труда, писатель вопиет: «Мир же духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью. Провозгласил мир свободу, в последнее время особенно, и что же видим в этой свободе: одно лишь рабство и самоубийство! Ибо мир говорит: «Имеешь потребности, а потому насыщай их, ибо имеешь права такие же, как у знатнейших и богатейших людей. Не бойся насыщать их, но даже приумножай». И что же выходит из сего права на приумножение потребностей? У богатых уединение и духовное самоубийство, а у бедных – зависть и убийство» [7, с. 267].

Для автора повести «Белые ночи» отчуждение является негативным феноменом, действующим разрушительно в отношении всех значимых аспектов жизнедеятельности человека. Мечтатель, главный герой данного произведения, так и остаётся мечтателем, а не деятелем. «В реальности юноша очень одинок, и его угнетает собственная «затхлая, ненужная жизнь», – пишет о нём Ф. М. Достоевский. Он никому не нужен, потому что отчуждён от труда, а в работе человек обретает чувство необходимости этому миру. Писатель здесь отождествляет степень труда и степень любви. Мечтатель занят незначительным трудом, и этот, пусть и малый, труд сохраняет в нём некоторые человеческие черты, ту же способность мечтать о любви. Каков труд, такова и способность любить – такую параллель проводит автор. Любовь и труд – духовные ценности, равные по своей значимости. Отчуждение труда он приравнивает к потере в труде духовного смысла, равного возможности настоящего любить [13, с. 172].

В романе «Неточка Незванова» писатель даёт решение проблемы отчуждения, которое может идти двумя путями. Первый путь связан с существованием некой «истинной», объективной неотчуждённой чело-

веческой природы, которой соответствует «нормальная» (неотчуждённая) форма труда. Этот путь выражен образом скрипача Б., который «страстно любил своё искусство, хотя знал при самом начале своего пути, что большего ему не дано, что он будет, в собственном смысле, чернорабочий в искусстве; но зато он гордится тем, что не зарыл, как ленивый раб, того, что ему дано, а, напротив, возматил сторицу, и если хвалят его отчётливость в игре, удивляются выработанности механизма, то всем этим он обязан неусыпному труду, ясному сознанию своих сил, добровольному самоуничтожению и вечной вражде к заносчивости, к раннему самоудовлетворению и к лени как естественному следствию этого самоудовлетворения». Второй путь – это представление о «нормальной» природе и форме труда, где деятельность заменяется абстракцией, представлением, обдумыванием. Неотчуждённость труда здесь искусственна и поэтому приводит к гибели и мучениям. Одарённый Ефимов так и не стал профессионалом, любимое дело – а он любил и умел талантливо играть на скрипке – осталось в мыслях, воображении, хотя и имел скрипач и великолепную скрипку, и тех, кто хотел ему помочь. Ефимов погибает, уничтожая того, кто его любил. Даже наделённый талантом человек не может противостоять отчуждённому труду, существующему лишь в воображении, а не в реальности. Неотчуждённый труд деятелей, свободен, конструктивен, выражен в образе скрипача Б., в отличие от отчуждённого труда как зависимого, несвободного, «ненормального», ведущего к гибели [13, с. 321].

Прогностическая значимость творчества Ф. М. Достоевского

Тема отчуждения труда в творчестве Ф. М. Достоевского малоизученная, в наше время становится актуальной, поэтому интерес к наследию писателя не просто сохраняется, но возрастает. Безусловно, не следует идеализировать труд в большей мере, чем он представляет собой, так же, как и менталитет русского человека в целом, во всей

его сложности и невысказанности. Задача здесь состоит не просто в анализе трудного и неоднозначного понимания писателем отчуждённости труда, когда ни один из героев не выписан тружеником, а в выявлении тех существенных сторон отчуждения человека от трудовой деятельности, которые трансформируют природное и духовное начало человека [23, с. 132].

В эпоху цифрового преобразования мира проблема отчуждения ещё более заостряется. В. В. Розанов писал: «русские писатели подвергали сомнению научно-технический прогресс, способный положительно повлиять на развитие цивилизации» [25, с. 42]. Цивилизация унизила труд, уничтожив в нём духовное содержание, придав ему отчуждённый характер. Только неотчуждённая труд делает человека нравственным, свободным. Степень неотчуждённости в середине XIX в. писатель отождествил с копеечкой, которую сунула одна барыня мальчику в рассказе «Мальчик у Христа на ёлке». [10, с. 457]. Да и та пропадает, человек отчуждается от труда, лишённого духовного содержания. Если во главу угла человеческих взаимосвязей ставятся товарно-денежные отношения, расчёт, эгоистический интерес – это ведёт к гибели духовной и физической, потому что влечёт к подмене Бога ложными кумирами и бездушными идолами. С утратой идеи труда и идеалов труда, духовно опустошаясь, искореняется и семья. Когда нет фундаментально-глубинной духовной опоры, скрепляющей семейный очаг, семья неизбежно становится ненадёжной, зыбкой, «случайным семейством» – по определению Ф. М. Достоевского. Мир без труда – вечное страдание, отмечает писатель.

Труд в своей имманентной, духовной основе, как чувство усилия, направленного вовне, не поддаётся никакому определению, хотя он известен из опыта и самонаблюдения каждому как актуальность [24, с. 57]. Способность к труду есть одно из свойств живого существа. В нём обнаруживается острота жизни. Только тот живёт полной жизнью, кто способен к труду и действительно трудится. «Нации живут великим чувством и великою, всё освеща-

ющей снаружи и внутри мыслью, а не одной лишь биржевой спекуляцией и ценою рубля», – пишет Ф. М. Достоевский в своих записных книжках [11, с. 235].

Философское мировоззрение писателя формировалось в тесном единстве с его глубоко религиозным мировоззрением. Гармония разума и веры была для него естественна и в жизни, а не только в творчестве. Он делал всё, «что можно бы сделать трудом и любовью, неустанной работой над детьми и с детьми, всё, чего можно было бы достигнуть рассудком, разъяснением, внушением, терпением, воспитанием и примером».

Прогностическая сила произведений Ф. М. Достоевского оказалась реализована и в советской России, когда труд стал характеризоваться как повинность или даже смерть (помните фразу: от работы кони дохнут – появилась в советской России). Результат – разрушение страны. Сегодня процессы развития мира таковы, что человеческий труд всё более сужается, и труд, создающий, говоря словами Ф. М. Достоевского, «бытие для всех и бытие для себя» и потому являющийся «бытием для всех и бытием для себя», претерпевает ещё большие трансформации, чем в XIX в. Поклонение «золотому тельцу» влечёт за собой духовно-нравственное одичание и вырождение. Благо труда состоит в том, что он становится добродетелью для себя и окружающих, а не в идеализации материальных ценностей, «деньги ради денег». Если трудовая деятельность осуществляется для преумножения материальных ценностей, накопления капитала, обогащения в ущерб природе, обществу, происходит нравственная деградация человека. Цифровизация современного общества, создание искусственного интеллекта, замена человека роботом указывают на опасность углубления проблемы отчуждения труда [16]. В связи с этим возникает необходимость совершенствования и пересмотра концептуальных основ философского понимания труда. Ведущее значение в современной ситуации должна иметь неотчуждённая духовная сущность труда как

предупреждение о реальной опасности полной её утраты человечеством с соответствующими разрушительными последствиями для цивилизации.

Заключение

Таким образом, творчество Ф. М. Достоевского – предупреждение миру, зеркало, сквозь которое выступает объективная реальность, лишившаяся человеческого труда. Кто мы сейчас и кем будут наши дети? Униженные и оскорблённые? Или бесы? А может, будущий человек не постчеловек, а идиот? Или мир – это дядюшкин сон, а мы в нём игроки или братья? И страданием для человека станут времена, когда лишь ночи будут для него белыми, потому что реальный мир может стать «мёртвым домом» или подпольем. Тогда мир станет пещерным, холодным и убогим местом, куда попал чиновник, проглоченный крокодилом, в рассказе Ф. М. Достоевского «Крокодил» [12, с. 235]. Даже находясь там, в животе у крокодила, человек нелепо рассуждает об открывающихся для него новых перспективах и возможностях.

Философ-романист Ф. М. Достоевский даёт свою философскую концепцию отчуждения труда. Мир, где нет созидательной деятельности, обречён на страдание. Сохранение и создание новых трудовых мест, минимизация безработицы, трудовое просвещение – не только выход из кризиса, но, исходя из анализа творчества Ф. М. Достоевского, выход из мира страданий. Лишь понимая и принимая труд как духовную ценность, неотчуждённый, свободный как естественное желание человека, нормальный, человек может одержать победу над пандемией и глобальными проблемами.

Статья поступила в редакцию 18.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 7–68.
2. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Юрайт, 2020. 282 с.
3. Буренков С. В. Феномен неотчужденного труда: дис. ... канд. филос. наук. М., 2017. 149 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. Т. 1. М. Институт философии АН СССР: Мысль, 1970. С. 306.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. Преступление и наказание: роман в 6 ч. с эпилогом. Л.: Наука, 1973. 423 с.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 8. Идиот: роман. Л.: Наука, 1973. 511 с.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. Братья Карамазовы. Л.: Наука, 1976. 508 с.
8. Достоевский Ф. М. Записки из Мёртвого дома. Ч. 1, 2. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1875.
9. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Записки из подполья. Зимние заметки о летних впечатлениях. Л.: Наука, 1973. 407 с.
10. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений // Достоевский Ф. М. Мальчик у Христа на ёлке: в 12 т. Т. 12. М.: Правда, 1982. С. 457–462.
11. Достоевский Ф. М. Сила и правда России. М.: РИПОЛ классик, 2018. 834 с.
12. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т.4. Л.: Наука, 1972. 326 с.
13. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т.2. Л.: Наука, 1972. 527 с.
14. Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля. М.: Логос, 1998. 208 с.
15. Лоргус А., прот., Лучанинов В., Первозванский М., прот. Благословенный труд. Карьера, успешность и вера. М.: Никея, 2016. 60 с.
16. Майкова В.П. Труд как духовная ценность // Экология внешней и внутренней среды социальной системы: материалы 9-й Международной научной конференции по проблемам экологического мировоззрения, 29–30 марта 2018 г., Москва, Мытищи, МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2019. С. 68–71.
17. Маркс К. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2. М.: Политиздат, 1955. С. 3–230.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. Анти-Дюринг. Диалектика природы. М.: Издательство политической литературы, 1961. С. 486–499.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. М.: Издательство политической литературы, 1974. 570 с.
20. Мережковский Д.С. Пророк русской революции. М.: Книга по требованию, 2016. С. 86–118.
21. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцкы и др. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.
22. О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов: сборник статей М.: Книга, 1990. 429 с.
23. Петрий П.В., Майкова В.П., Молчан Э.М. Духовное взаимодействие как энергийно-информационная трансформация ценностного основания социальных систем // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3 (64). С. 130–136.
24. Пряжников Н. С. Морально-психологическое самочувствие работников высшей школы в условиях «стабильного» реформирования системы образования // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2018. № 1. С. 56–64.
25. Розанов В. В. Собрание сочинений. Т. 12. Апокалипсис нашего времени. Под общ. ред. А. Н. Николюкина М.: Республика, 2000. 429 с.
26. Толочек В. А. Профессиональный отбор как научная и научно-практическая проблема. Ч. 2. // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4. № 3. С. 4–37.
27. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Ренессанс, 1995. С. 289.
28. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
29. Хайдеггер М. К Философии (о событии) / пер. с нем. Э. Сагетдинова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020. 640 с.
30. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения: философские фрагменты. М., СПб.: Медиум: Ювента, 1997. 312 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. [On the philosophy of an action]. In: *Sobr. soch.: T. 1* [Coll. works. Vol. 1]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2003, pp. 7–68.
2. Bulgakov S. N. *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of economy]. Moscow, Yurait Publ., 2020. 282 p.
3. Burenkov S. V. *Fenomen neotchuzhdennoogo truda: dis. ... kand. filos. nauk* [The phenomenon of inalienable labor: PhD thesis in Philosophy Science]. Moscow, 2017. 149 p.
4. Hegel G. W. F. *Raboty raznykh let. T. 1* [Works of various years. Vol. 1], Moscow, Institute of Philosophy of RAS Publ., Mysl' Publ., 1972. pp. 306.
5. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. T. 6. Prestuplenie i nakazanie* [Collected works. Vol. 6. Crime and Punishment]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 423 p.
6. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 8. Idiot* [Collected works. Vol. 8. Idiot]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 511 p.
7. Dostoevsky F. M. *Polnoe. sobranie. sochinenii. T. 14. Brat'ya Karamazovy* [Collected works. Vol. 14. Brothers Karamazov]. Leningrad, Nauka Publ. 1976. 508 p.
8. Dostoevskii F. M. *Zapiski iz Meertvogo doma. Ch. 1, 2* [Notes from the Dead House. Pt. 1, 2]. St Petersburg, Typography of the Panteleevs brothers Publ., 1875.
9. Dostoevsky F. M. *Polnoe. sobranie. sochinenii. T. 5. Zapiski iz podpol'ya. Zimnie zametki o letnikh vpechatleniyakh* [Complete collection of works. Vol. 5. Notes from the Underground. Winter notes on summer experiences] Leningrad Nauka Publ., 1973. 407 p.
10. Dostoevsky F. M. *Rasskazy Malchik u Khrista na elke* [Stories. The boy at the Christ's party]. Moscow, Pravda Publ., pp. 457–462.
11. Dostoevsky F. M. *Sila i pravda Rossii* [The power and truth of Russia]. Moscow, Ripol klassik Publ., 2018. 834 p.
12. Dostoevsky F. M. *Sobranie sochinenii. T. 4* [Collected works. Vol. 4]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 326 p.
13. Dostoevsky F. M. *Sobranie sochinenii. T. 2* [Collected works. Vol. 2]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 527 p.
14. Kozhev A. *Ideya smerti v filosofii Gegelya* [The idea of death in Hegel's philosophy]. Moscow, Logos Publ., 1998. 208 p.
15. Lorgus A., prot., Luchaninov V., Pervozvansky M., prot. *Blagoslovennyi trud. Kar'era, uspehnost' i vera*. [Blessed Labor. Career, success and faith]. Moscow, Nikeya Publ., 2016. 60 p.
16. Maikova V. P. [Labor as a spiritual value]. In: *Ekologiya vneshnei i vnutrennei sredy sotsial'noi sistemy: materialy 9-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam ekologicheskogo mirovozzreniya, 29–30 marta 2018 g.* [Ecology of the External and Internal Environment of the Social System: materials of the 9th International Scientific Conference on the Problems of the Ecological Worldview, 29–30 March 2018], 2019. pp. 68–71.
17. Marx K. [Holy family]. *Marks K., Engel's F. Sochineniya. T.2*. [K. Marx, F. Engel's Works. Vol. 2]. Moscow, Politizdat, Publ., 1955, pp. 3–230.
18. Marx K., Engels F. *Sochineniya., T. 20. Anti-Dyuring, Dialektika prirody* [Works. Vol. 20. Anti-Duhring, Dialectics of Nature]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1961. pp. 486–499.
19. Marx K., Engels F. *Sochineniya. T. 42* [Works. Vol. 42]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1974. 570 p.
20. Merezhkovsky D. S. *Prorok russkoi revolyutsii* [Prophet of the Russian revolution] Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2016. pp. 86–118.
21. Nitsshe F. *Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vseh tsennostei* [The will to power. Experience of reassessment of all values]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2005. 880 p.
22. O Dostoevskom. *Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoi mysli 1881–1931 godov* [On Dostoevsky. Dostoevsky's Creativity in Russian Thought of 1881–1931]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 429 p.
23. Petrii P. V., Maikova V. P., Molchan E. M. [Spiritual interaction as an energy-informational transformation of the value basis of social systems]. In: *Filosofskaya antropologiya, filosofiya kul'tury Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kultura* [Philosophical anthropology, philosophy of culture. Caspian region: politics, economy, culture], 2020, no. 3 (64), pp. 130–136.
24. Pryazhnikov N.S. [Moral and psychological well-being of employees of higher education in the conditions of "stable" reform of the education system.]. In: *Vestnik Omskogo universiteta, Seriya: Psikhologiya* [Omsk University Bulletin, Series: Psychology], 2018, no. 1, pp. 56–64.
25. Rozanov V. V. *Sobranie sochinenii. Vol. 12. Apokalipsis nashego vremeni* [Collected Works. Vol. 12. The apocalypse of our time]. Moscow, Respublika Publ., 2000. 429 p.

26. Tolochek V. A. [Professional selection as a scientific and scientific-practical problem. Part 2]. In: *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology]. 2019, vol. 4, no. 3, pp. 4–37.
27. Freid Z. *Khudozhnik i fantazirovanie* [Artist and fantasy]. Moscow, Rennessans Publ., 1995. pp. 289.
28. Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of a Prison]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 480 p.
29. Khaidegger M. K *Filosofii (o sobytii)* [Towards Philosophy (about the event)]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ., 2020. 640 p.
30. Khorkkhaimer M., Adorno T. *Dialektika prosveshcheniya: filosofskie fragmenty* [Dialectics of Enlightenment: Philosophical Fragments]. St. Petersburg, Medium, Yuventa Publ., 1997. 312 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Майкова Валентина Петровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: valmaykova@mail.ru

Молчан Эдуард Михайлович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentina P. Maikova – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: valmaykova@mail.ru

Eduard M. Molchan – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Майкова В. П., Молчан Э. М. Проблема отчуждённого труда в творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 6–15.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-6-15

FOR CITATION

Maikova V. P. Molchan E. M. The Problem of Alienated Labor in the Works of F. M. Dostoevsky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no 1. pp. 6–15.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-6-15

УДК 1(09)

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-16-22

"RUSSIAN WANDERER IN THE SPIRITUAL WORLDS», OR F. M. DOSTOEVSKY'S CREATIVE ACTIVITY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY"

M. Mikoshiba¹, Ya. Bondareva²

¹*Chiba University*

1-33 Yayoi-cho, Inage-ku, Chiba-shi 263-8522, Japan

²*Moscow Region State University*

24 Very Voloshinoy ul. Moscow region, Mytishchi 141014, Russian Federation

Abstract

Aim. In the year of the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky's birth to consider his place in the Russian religious and philosophical tradition, to analyze the distinctive features of his philosophical views and the impact on the formation of the neo-Christian tradition.

Methodology. The body of texts is analyzed. The research was carried out using the methods of historical and philosophical reconstruction and comparative analysis.

Results. It was established that F.M. Dostoevsky realized Christianity in a new way and developed the Slavophil consciousness in a revolutionary way. His ethical personalism is based on an existential solution to the question of God, that is, through a person and his final, borderline states - a state of free choice of good and evil, associated with a deep spiritual crisis. Dostoevsky's theodicy, based on the separation of God from the underlying Freedom of the world, and his Christian irrationalism are also very important. In addition, speaking about the new, overall and universal Christianity, F.M. Dostoevsky is both a reformer of Orthodoxy from positions close to neo-Christianity, and a critic of rationalized Catholicism.

Research implications. The results of the study contribute to deepening the content of courses on the history of philosophy, cultural studies, religious studies and philosophical anthropology.

Keywords: mysticism, irrationalism, new religious consciousness, freedom, personality, spirit

«РУССКИЙ СТРАННИК ПО ДУХОВНЫМ МИРАМ» ИЛИ ТВОРЧЕСТВО Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Микосиба М.¹, Бондарева Я. В.²

¹*Университет г. Тиба (Япония)*

263-8522, преф. Тиба, г. Тиба, р-н Инагэ, ул. Яёй, д. 1-33, Государство Япония

¹*Московский государственный областной университет*

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. В год 200-летия со дня рождения Ф. М. Достоевского рассмотреть его место в русской религиозно-философской традиции, проанализировать отличительные черты его философских взглядов и влияние на становление неохристианской традиции.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Исследование проводилось с использованием методов историко-философской реконструкции и сравнительного анализа.

Результаты. Проведённый анализ показал, что Ф. М. Достоевский по-новому осознал христианство и революционно развил славянофильское сознание. Его этический персонализм основан на экзистенциальном решении вопроса о Боге, т. е. через человека и его конечные, пограничные

состояния – состояние свободного выбора добра и зла, сопряжённое с глубоким духовным кризисом. Очень важны и теодицея Достоевского, заключающаяся в отделении Бога от лежащей в основе мира Свободы, и его христианский иррационализм. Кроме того, говоря о новом, вселенском и универсальном христианстве, Ф. М. Достоевский является как реформатором православия с позиций, близких неохристианству, так и критиком рационализированного католицизма.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования способствуют углублению содержания курсов по истории философии, культурологии, религиоведению и философской антропологии.

Ключевые слова: мистицизм, иррационализм, новое религиозное сознание, свобода, личность, дух

Introduction

Domestic religious philosophy is deeply rooted in the philosophical and theological past of the Russian Middle Ages: in the extra-church mysticism of the 19th century, in the writings of the holy fathers, who created fertile ground for the philosophizing of the Slavophiles (A. S. Khomyakov, I. V. Kireevsky, Yu. F. Samarin and K. S. Aksakov), philosophical and literary research of “pochvennichestvo” (F. M. Dostoevsky), the system of all-unity of Vladimir Solovyov and the religious and philosophical renaissance of the late XIX – early XX centuries [18].

Of course, it was the Slavophiles who preceded the religious and philosophical research of this era. N. A. Berdyaev, calling them “fathers” and “grandfathers”, noting them to be touching, and naively old-fashioned, urged them to be honored as their fatherland, as one of the spiritual sources of Russian thought, as the first attempt at Russian identity, and, most importantly, as the first independent ideology that determined the direction of development of Russian spiritual thought [6; 1; 2].

Slavophiles as Dostoevsky’s Forerunners

Historians of philosophy note the independence of the theological thought of the Slavophiles from official theology and the so-called «historical Christianity». But the main thing that needs to be highlighted in their heritage is the overcoming of European rationalism, the recognition as the epistemological basis of a person not of an abstract mind, not of an abstract intellect, but of an integral spirit. Thus, Kireevsky and Khomyakov, hav-

ing experienced the influence of Hegel and Schelling, nevertheless transformed this influence into an original philosophy, which became the basis of the Russian philosophical tradition – a concrete philosophy of a holistic spirit, and not an abstract philosophy of abstract reason. Overcoming Hegelianism and rationalism in general became a fundamental task formulated precisely by the Slavophiles.

The basis of Slavophilism was the doctrine of the church, which was very thoroughly developed by A. S. Khomyakov and very highly appreciated by subsequent religious and philosophical thinkers. Khomyakov, calling him «the stone of Slavophilism», «granite rock», the discoverer of the path of free, secular philosophizing on the basis of Orthodoxy [5].

The same can be said about I. V. Kireevski, an equally brilliant exponent of church consciousness, who recognized Christianity as the ultimate truth. Like all Slavophiles, Kireevsky saw rationalism, rational and logical consciousness as the main enemy of the moral personality. He tried to redirect the efforts of the human person to comprehend the highest truth associated with God and his relationship with man. Certainly, such truths are not comprehended by logical methods, the way to them lies through «living consciousness», contemplation of the inner world. At this moment, the relationship of man to God is no longer logical, but essential, it is then that this higher knowledge becomes faith. This position was quite in the spirit of the Slavophiles: logical thinking in itself, taken out of the context of all cognitive forces, becomes a sign of a mind that has fallen away from integral knowledge.

There was another important point that united the Slavophiles: a dislike for individualism, a

desire to dissolve humanity in church collegiality, and to subordinate everything individual to the interests of the church. This explains the dislike of the Slavophiles and Catholicism, in which they saw the embodiment of the vices of Western civilization. It is for this that they were criticized by such philosophers as N. A. Berdyaev, who proposed to see in the church not just spiritual collegiality, but the beginning of a divine-human process, a synergistic combination of two wills – divine and human [8].

Development of Christian ideas by F. M. Dostoevsky

Subsequently, the prophetic spirit of the Slavophiles manifested itself in the works of F. M. Dostoevsky, who understood Christianity not only as a sacred object that must be tremulously preserved, but also as an idea in need of development [1–4].

In his religious philosophy, Dostoevsky is much closer to the mature philosophical teachings of the 19th century – to Vladimir Soloviev and his followers. It is known that Dostoevsky had a significant influence on N. A. Berdyaev, this is evidenced by the book of the latter, «Dostoevsky's Worldview», published in Prague in 1923. «In Dostoevsky, – wrote Berdyaev, – the Slavophile consciousness developed in a revolutionary way ... he lived in a different cosmic atmosphere ... belonged to a new religious era» [7, c. 28–29]. It was not without reason that Dostoevsky became the personification of the ideological movement of “soil culture”, the basis of which was the realization, as among the Slavophiles, of their national and cultural identity. However, unlike the Slavophiles, he was both a metaphysician and a brilliant dialectician [9].

Dostoevsky's entire ideological life, all his quests were based on his religious quest. However, Dostoevsky is more an anthropologist (and even an anthropocentrist) than a theologian, and his philosophical worldview can be called ethical personalism, where the question of God, which tormented Dostoevsky all his life, was paradoxically resolved through a person. «Indeed, the question of God, wrote N. A. Berdyaev, is

a human question. The question to man is a divine question, and maybe the mystery of God is better revealed through the mystery of man ... You should be less a theologian and more an anthropologist» [7; 20; 21].

Dostoevsky presents man not as a phenomenon of the natural world or as a phenomenon in a number of other phenomena. Man here is a riddle of world life, and this judgment makes Dostoevsky a Christian writer. However, his philosophy differs in many respects from traditional philosophizing, but, as Berdyaev notes, he can teach it a lot [10; 11].

Dostoevsky's religiosity is in its type opposite to authoritarian religiosity, and this is the most valuable thing for his followers. Dostoevsky's doctrine of freedom occupies a central place; it is most consonant with the philosophy of total-unity. Freedom for Dostoevsky is an attribute of a new period in Christianity, in which Christianity is understood not as an exclusively transcendent teaching, but contains a powerful charge of immanence. This happens through a new understanding of personality as an area of meeting of two worlds - divine and human [12; 13].

For Dostoevsky, freedom appeared in two forms: «freedom to» (freedom to choose good or evil), and «freedom in» (freedom in good). The path of the first freedom is very dangerous: if a person is not aspiring to God, he can lead to self-will and ruin. However, even such a falsely directed freedom, according to Dostoevsky's thought, should not be suppressed, since without this “test of freedom” world harmony cannot be fully realized. Dostoevsky is generally against any compulsory order of harmony, since faith must be tempered in the furnace of doubts. But if it is not faith that wins, but the freedom of willfulness, rebellion and passions, then this path can turn out to be fatal both for freedom and for the individual. In anger and rebellion, a person is in the illusion and dream of creating a better world, free from evil and suffering. And then he rejects the world created by God due to the fact that in such a world there is a lot of injustice and

untruth (remember Ivan Karamazov from the novel «The Brothers Karamazov»). And so, an attempt to impose on humanity its own version of a prosperous and happy society leads to the death of freedom itself: «rebellious freedom leads to the denial of the very idea of freedom» [7, c. 84].

Therefore, free choice, which determines further destiny, is the main existential state of a person. For Dostoevsky, this state, coupled with a deep spiritual crisis, seems to be the most interesting and even fateful, since it is at this moment that discoveries about the human are possible [14].

Reflections on freedom lead Dostoevsky to a kind of theodicy that transfers the burden of responsibility for evil and suffering to their foundation and cause – Freedom, which simultaneously contains all the dignity of man and the world. Yes, in denying freedom one can achieve the eradication of evil and suffering, create a compulsively happy and kind world. But it would be a world without God, «God is precise because there is evil and suffering in the world, the existence of evil is a proof of the existence of God» [7, c. 86]. Indeed, in such an exceptionally good world, God would probably no longer be needed, since what kind of world would already be God himself ...

Quite expectedly, thoughts about freedom lead Dostoevsky to a new understanding of Christ (recall the «Legend of the Great Inquisitor»). He identified this image with freedom of the spirit, which becomes possible only because Christ renounces all power over the world, overcoming the temptation of power. Otherwise, the realized will to power may deprive «freedom of both those who rule and those over whom they rule».

Dostoevsky's philosophical legacy turned out to be very valuable for the entire Russian religious and philosophical culture. Religious philosophers made Dostoevsky's work the subject of numerous literary articles, philosophical essays, and fundamental monographs. Analyzing his work, Russian authors in their philosophical works often presented him as one of the forerunners of such a philosophical trend as «new religious

consciousness». Lev Shestov considered Dostoevsky's main merit to raise the authority of idealism in Russian social thought. For D. S. Merezhkovsky, Dostoevsky is the herald of freedom of spirit in the struggle between Christ and Antichrist. For S. N. Bulgakov, Dostoevsky is a reformer of Orthodoxy and a strict critic of Catholicism, professing a kind of universal Christianity. By the way, Dostoevsky considered socialism to be a consequence and creation of Catholicism. Socialism for him was the ideal of a purely mechanical, rationalistic structure of society, built on faith in the omnipotence of public and state institutions. Dostoevsky contrasts this state machine with Russian Orthodoxy, which brings to the fore the spiritual life of the individual and its spiritual development.

After the 1905 revolution, this neo-Christian thesis formed the basis of the doctrine of the spiritual revolution, which was opposed in the minds of thinkers to the social revolution. The neo-Christians correctly grasped the contradictions of the revolutionary impulse: a revolution containing only economic incentives, devoid of any moral content, can lead to disastrous consequences for the entire Christian culture. S. N. Bulgakov once said that in its foundations the Russian revolution is not only extra-Christian, but even anti-Christian.

So N. A. Berdyaev, agreeing with S. N. Bulgakov, believes that Dostoevsky correctly pointed out that it was Catholicism that pushed the people onto the path of socialism. Yes, for the writer, Catholicism was the heir to the Roman forced universality, the forced unification of people and the arrangement of their lives. The Vatican and socialist ideas, from the point of view of Dostoevsky, pursue in many ways a common goal – both seek to forcibly arrange an earthly paradise.

For Berdyaev, Dostoevsky is the prophet of the Russian revolution, who in his works indicated its main features, revealed its deceptive nature and utopianism, since it cannot put its ideas into practice, since in it the Antichrist replaces Christ. Dostoevsky recognized mystical collegiality as the only

salvation for humanity, but not revolution. This idea became central to all subsequent religious and philosophical thought in Russia [19].

Conclusion

Thus, the Slavophiles for the first time set the task of overcoming the rationalism of German philosophy and created a philosophy of an integral spirit, based on the concept of an integral mind and inseparable from the Christian faith. Basically, the doctrine of the Church, the philosophy of the Slavophiles contained criticism of European (Catholic) ecclesiastical rationalism; affirmed the unity of faith and reason; for the first time raised the question of freedom in the church in personality and collegiality; for the first time posed the problem of East and West associated with the task of Russia in Christian culture and civilization. Slavophiles, due to their opposition to Catholicism, certainly could not rise to the mysticism of a single Christianity, outside of its division into denominations. And yet the Slavophiles are an

old religious consciousness that presupposes the dissolution of the personality in the church, the denial of individualism, the lack of understanding of the divine-human process and eschatological problems, the absence of religious cosmology [20].

Fyodor Dostoevsky understood Christianity in a new way and developed the Slavophil consciousness in a revolutionary way. His ethical personalism is based on an existential solution to the question of God, that is, through a person and his final, borderline states – a state of free choice of good and evil, associated with a deep spiritual crisis. Dostoevsky's theodicy, based on the separation of God from the underlying Freedom of the world, and his Christian irrationalism are also very important. In addition, speaking about the new, overall and universal Christianity, F. M. Dostoevsky is both a reformer of Orthodoxy from positions close to neo-Christianity, and a critic of rationalized Catholicism.

Статья поступила в редакцию 02.02.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алёхина Е. В. Концепция смысла жизни в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX века. М.: Издательство МГОУ, 2011. 280 с.
2. Алёхина Е. В. Актуальные проблемы философии: природа человека и смысл его существования. Человек в системе философского знания. М.: Издательство МГОУ, 2018. 436 с.
3. Алёхина Е. В. Человек в мире: русские религиозные философы о смысле мирового бытия // Философия и культура. 2011. № 2 (38). С. 30–41.
4. Алёхина Е. В. Космологический аспект смысла жизни в русской религиозной философии (конец XIX – первая половина XX века) // ВВ: Философские исследования. 2013. № 6. С. 545–589.
5. Архангельская Н. О. Эволюция взглядов А. Д. Кантемира и «Письма о природе и человеке» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 2 (52). С. 124–137.
6. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. М.: Товарищество типографии А. Мамонтова, 1912. 253 с.
7. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. Прага: YMCA PRESS, 1923. 238 с.
8. Буренков С. В. Феномен неотчуждённого труда: дис. ... канд. филос. наук. М., 2017. 149 с.
9. Колесниченко Ю. В. Личность в русской философии 1920–1930-х годов: биография идеи. М.: Издательство МГОУ, 2018. 416 с.
10. Курабцев В. Л. Идентичность русской души // Ценности и смыслы. 2013. № 6 (28). С. 101–105.
11. Курабцев В. Л. Ангелы и бесы (Лев Шестов и философия Ф. М. Достоевского) // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2003. № 4. С. 3–17.
12. Левицкая А. А., Архипова У. О. Религиозное сознание: основные теоретико-методологические подходы к изучению // Социальная политика и социология. 2015. Т. 14. № 6 (113). С. 190–198.
13. Левицкая А. А. Основные характеристики современного этапа развития религиозного образования в российском обществе // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. Т. 1. № 4 (117). С. 24–30.

14. Майкова В. П. Творчество как вектор развития личности // Гуманитарный вестник. 2015. № 2 (33). С. 107–109.
15. Мирошкин М. С. Идея бессмертия в философии хозяйства С. Н. Булгакова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 2. С. 153–158.
16. Мирошкин М. С. Правовой аспект философии хозяйства С. Н. Булгакова // Актуальные проблемы философии: история и современность: сборник научных статей по итогам Международной научной конференции, проведённой в рамках III Международного фестиваля науки / под ред. В. А. Песоцкого. 2018. С. 94–102.
17. Мирошкин М. С. Философия хозяйства: «духовное» vs «животное» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 2 (52). С. 161–170.
18. Молчан Э. М. Трансформация образовательной деятельности как социокультурный феномен // Методология в науке и образовании: материалы Всероссийской конференции университетов и академических институтов РАН. 2017. С. 210–212.
19. Родичкин Д. В., Буренков С. В. К вопросу о влиянии культуры на формирование национальной идентичности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 4 (54). С. 167–179.
20. Philosophical and pedagogical aspects of career guidance policy for learners and students / E. V. Alekhina, A. L. Zolkin, R. N. Parkhomenko, A. I. Pirogov, A. L. Safonov, V. S. Zapalatskaya, O. G. Krasnoshlikova // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2020. Vol. 8. № 1. P. 175–181.

REFERENCES

1. Alekhina E. V. *Kontsepsiya smysla zhizni v russkoi religioznoi filosofii kontsa XIX – pervoi poloviny XX veka* [The concept of the meaning of life in Russian religious philosophy at the end of the 19th and the first half of the 20th century]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2011. 280 p.
2. Alekhina E. V. *Aktual'nye problemy filosofii: priroda cheloveka i smysl ego sushchestvovaniya. Chelovek v sisteme filosofskogo znaniya*. [Actual problems of philosophy: the nature of man and the meaning of his existence. Man in the system of philosophical knowledge]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2018. 436 p.
3. Alekhina E. V. [Man in the World: Russian Religious Philosophers on the Meaning of World Life]. In: *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture], 2011, no. 2 (38), pp. 30–41.
4. Alekhina E. V. [The cosmological aspect of the meaning of life in Russian religious philosophy (late 19th – first half of the 20th century)]. In: *NB: Filosofskie issledovaniya* [NB: Philosophical Studies], 2013, no. 6, pp. 545–589.
5. Arkhangel'skaya N. O. [The evolution of the views of A. D. Kantemir and “Letters about Nature and Man”]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2020, no. 2 (52), pp. 124–137.
6. Berdyaev N. A. *Aleksei Stepanovich Khomyakov* [Alexey Stepanovich Khomyakov]. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A. Mamontova Publ., 1912. 253 p.
7. Berdyaev N. A. *Mirosozertsanie Dostoevskkogo* [Dostoevsky's worldview]. Praga: YMCA PRESS Publ., 1923. 238 p.
8. Burenkov S. V. *Fenomen neotchuzhdenного труда: diss. ... kand. fil. nauk* [The phenomenon of unalienated labor: PhD thesis in Philosophy sciences]. Moscow, 2017. 149 p.
9. Kolesnichenko Yu. V. *Lichnost' v russkoi filosofii 1920–1930-kh godov: biografiya idei* [Personality in Russian Philosophy of the 1920s – 1930s: Biography of an Idea]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2018. 416 p.
10. Kurabtsev V. L. [Identity of the Russian soul]. In: *Tsennosti i smysly* [Values and meanings], 2013, no. 6 (28), pp. 101–105.
11. Kurabtsev V. L. [Angels and demons (Lev Shestov and the philosophy of F. M. Dostoevsky)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7: Philosophy], 2003, no. 4, pp. 3–17.
12. Levitskaya A. A., Arkhipova U. O. [Religious consciousness: basic theoretical and methodological approaches to the study]. In: *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social policy and sociology], 2015, vol. 14, no. 6 (113), pp. 190–198.
13. Levitskaya A. A. [The main characteristics of the current stage of development of religious education in Russian society]. In: *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* [Scientific notes of the Russian State Social University], 2013, vol. 1, no. 4 (117), pp. 24–30.
14. Maikova V. P. [Creativity as a vector of personality development]. In: *Gumanitarnyi vestnik* [Humanitarian Herald], 2015, no. 2 (33), pp. 107–109.

15. Miroshkin M. S. [The idea of immortality in the philosophy of the economy of S.N. Bulgakov]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2017, no. 2, pp. 153–158.
16. Miroshkin M. S. [The legal aspect of the philosophy of the economy S. N. Bulgakov] In: *Aktual'nye problemy filosofii: istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh statei po itogam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, provedennoi v ramkakh III Mezhdunarodnogo Festivalya nauki* [Actual problems of philosophy: history and modernity: collection of scientific articles on the results of the International Scientific Conference, held within the framework of the III International Festival of Science], 2018, pp. 94–102.
17. Miroshkin M. S. [Economy philosophy: “spiritual” vs “animal”]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2020, no. 2 (52), pp. 161–170.
18. Molchan E. M. [Transformation of educational activity as a sociocultural phenomenon]. In: *Metodologiya v nauke i obrazovanii: materialy` Vserossijskoj konferencii universitetov i akademicheskix institutov RAN* [Methodology in science and education: materials of the All-Russian Conference of Universities and Academic Institutes of the Russian Academy of Sciences], 2017, pp. 210–212.
19. Rodichkin D. V., Burenkov S. V. [On the question of the influence of culture on the formation of national identity]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2020, no. 4 (54), pp. 167–179.
20. Alekhina E. V., Zolkin A. L., Parkhomenko R. N. et al. Philosophical and pedagogical aspects of career guidance policy for learners and students // *Journal of Environmental Treatment Techniques*, 2020, vol. 8, no. 1, pp. 175–181.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Michio Mikoshiba – Cand. Sci. (Philosophy), Prof. Emer., Chiba University

Yana V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Departmental Head, Department of Philosophy, Moscow Regional State University;

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Митио Микосиба – доктор философских наук, почётный профессор Университета Тиба.

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета;

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

FOR CITATION

Mikosiba M., Bondareva Ya. V. "Russian Wanderer in the Spiritual Worlds" or F. M. Dostoevsky's Creative Activity in the Context of Russian Religious Philosophy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no 1. pp. 16–22.

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-16-22

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Микосиба М., Бондарева Я. В. «Русский странник по духовным мирам», или Творчество Ф. М. Достоевского в контексте русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 16–22.

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-16-22

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 101.1:316

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-23-30

О ПОЭТИКЕ ОБНОВЛЯЕМОЙ ФИЛОСОФИИ

Ильин В. В., Сапегина О. П., Яловенко Я. В.

*Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
(национальный исследовательский университет) (Калужский филиал)
248000, Калужская обл., г. Калуга, ул. Баженова, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Конституировать философию теории философии как метафилософскую дисциплину, озабоченную исследованием природы философствования в модусе поисковой деятельности.

Процедура и методы. Исследование осуществлено на основе структурно-компонентного анализа.

Результаты. Проведённый анализ показал, что консолидация усилий в направлении решения поставленной задачи позволяет сосредоточиться на выяснении отличительных способов исполнения философского творчества, имеющего аутентичные особенности в виде реализации таких процедур, как рефлексия, интенсивная теоретизация, голографизация, гомогенизация, универсализация и др.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты способствуют прояснению принципов самостроения философствования как историческо-мегаисторического, контекстуально-надконтекстуального продуктивного изыскания.

Ключевые слова: поэтика, философия, метафилософия, рефлексия, практически-духовное производство

ON THE POETICS OF THE RENEWED PHILOSOPHY

V. Ilyin, O. Sapagina, Ya. Yalovenko

*Bauman Moscow State Technical University (National Research University) (Kaluga Branch)
2 Bazhenova ul., Kaluga region, Kaluga 248000, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To constitute the philosophy of the theory of philosophy as a metaphilosophical discipline concerned with the study of the nature of philosophism creative process in its direct search manifestation.

Methodology. The study was carried out on the basis of a component-structural analysis.

Results. The consolidation of efforts in the direction of reaching the aim of the research allows us to focus on clarifying the distinctive ways of performing philosophical creative activity as having authentic features in the form of implementing such procedures as: reflection, intensive theorization, holography, homogenization, universalization, etc.

Research implications. The results obtained contribute to clarifying the principles of self-constructing the philosophism as a historical-megahistorical, contextual-supercontextual productive investigation.

Keywords: poetics, philosophy, meta-philosophy, reflection, practical-spiritual production

Введение

Освободить живую, ищущую душу философии от тяжёлого наследия прошлого – вульгарного социологизма (пережитки которого проявляются и сегодня), порочной идеологизации, предосудительной индоктринации духовного творчества; вывести его из-под ферулы партийного прессы, затхлых, заскорузлых теснин директивных политических указаний на свежий простор вселяющего веру в собственные силы всеокрылённого лишь профессиональной работой поиска.

В этом – категорический императив настоящей жизни, нашего времени.

Возвратить философии её высокое служение не кружковым интересам, конъюнктуре, но человеку, человечеству, – её незаменимое умение устремлять пылкие сердца, её способность быть путеводной звездой, находить верные, точные слова, обеспечивающие жизнь «судьбоносной тревогой», – нет дела важнее.

Стихия свободы

Философия должна иметь смелость быть сама собой.

Фронтальная дискредитация монополии марксистско-ленинской методологии на вершение судеб отечественной философии ставит на повестку дня реабилитацию философствования как суверенного – исполненного истинного величия – самостоятельного процесса со своими тектоническими сдвигами в автономном былом, гаммой самочинных (не в чёрно-белой оправе) тонов и полутонов.

«Вы можете победить, но убедить вам не удастся», – говорил Унамуно диктатору Франко.

Философия взыскует стихии свободы.

В мрачный советский период просматривались два типа историй профессиональной деятельности. Один – официальная летопись; другой – глубинное повествование. В одной – ложь, произносимая как «Отче наш», проходила по части публичной псевдоправды; в другой – донкихотская честность откровений прозор-

ливых одиночек проходила по части фрондирующих камерных маргиналий.

Взять скучную, как чёрствый хлеб, избитую тему двух линий в философии. Её нельзя передавать как капитал, «не подлежащий дальнейшему увеличению» [5, с. 92]. Автор дихотомии – Гельвеций, характеризуя противоположные типы философской сценографизации действительности «материализм – идеализм», сближает их с двумя системами – Демокрита и Платона: «Первый постепенно поднимается от земли к небу, второй постепенно снижается с неба на землю» [4, с. 161].

Речь – о характерных (технических) приёмах конструирования картины мира из отправных существенных универсалий – капитальных суперначал. Доктринальная сверхпроблема одного – вывод духовного из плотского (восхождение от земного к небесному); доктринальная сверхпроблема другого – вывод плотского из духовного (нисхождение с небесного к земному).

Выделение двух линий по основанию организации философствования оправдано. Совершенно иной коленкор – представление их (линий) как стратегических манифестантов идейной борьбы, якобы стягивающей на себя всю полноту силового поиска. Для доказательства обратного достаточно принять в расчёт лишь следующее:

– философские системы самоценны – глубиной тематизации того, что не «зрят равнодушные очи» (Гоголь), нетривиальностью трактовок определённости мироздания, озарением панорамы сущего, демонстрацией «грозной вьюги вдохновенья» (Гоголь);

– философствование складывается как умственная проработка возводимых в «перл создания» (Гоголь) абстрактных исходов, получаемых как естественный продукт заинтересованного непредвзятого обследования логически возможных миров. С данного угла зрения поощряются любая плюрализация, полифундаментализация, пролиферация сущего на взаимодействующие – в том числе взаимоисключающие – начала. Единственность, привилегиро-

ванность пикировки линий Платона – Демокрита упраздняется понятием допустимости (эвристичности) обособления иных пикирующихся линий, – например, линий Платона – Диогена, где образу эйдетического мира ментальных универсалий оппонирует образ профанического мира перцептуальных уникалий. Реальная ценность философских конструкций высвечивается не близорукой абсолютизацией, но дальнорочкой релятивизацией продуктов деятельности, демонстрирующих свою значимость в единстве многообразия.

Литература – не фактофиксаторство; Байрон завещал в стихотворстве «держаться дальше от фактов». Подобно литературе, сторонясь фактофиксаторства, философия застрахована от предательства вещей. Однако в отличие от литературы философия концептуально проигрывает (разбивкой целого на контрарные части) в перспективе объективируемые вариации.

Участливая беллетристика вполне довольствуется сугубым вымыслом (баллада Жуковского «Людмила», выводящая «общение» героини с покинувшим юдоль земную суженым, – не говоря о позднейших нереальнейших экспериментах *in mente* Гоголя, Одоевского, Сомова, Погорельского, Белого и др.) без, так сказать, претензий на обмирщение; она движется в отрешенной сфере, где

... всё блистает

Нетленной славой и красотой,

Где чистый (! – *авт.*) пламень пожирает

Несовершенство бытия...

(Пушкин)

Осуществляя однопорядковый модельный марш, – занимаясь измышлением «паранормальной» смыслозаданной реальности (непостижимое «единое», «эманация», «чувство жизни», «экзистенция» и пр.), реагируя на вечную потребность «духовной природы человека» (Белинский), философия тем не менее берёт практическую ответственность за судьбы людей, мира.

Литература (искусство) – «укрепляет ... очищает наши привязанности, открывает простор воображению... одухотворяет...» [8, с. 428]; философия сверх того – отвеча-

ет за совершенствование существования воплощением преобразующего «неограниченного» метода мыследействования.

Организация философствования

Осуществлению сказанного способствует прояснение принципов самостроения философствования как историческо-мегаисторической, контекстуально-надконтекстуальной продуктивной деятельности. Последнее составляет предмет особой критики философского разума, толкующей философствование как сомкнутую, в себе консолидированную, по отношению к плоскости духовного фона выпуклую – рельефообразную порождающую структуру.

Ближайшие аналоги критики философского разума – со-слагаемые развёрнутого синтагматического ряда – метафилософия, теория философского процесса, поэтика философии, – предметно и поисково самоопределяющиеся как критико-аналитические, сравнительно-сопоставительные осмысления интимного тока философствования, освещаемого потенциалом не исторического, но структурно-функционального подхода.

Достоинства обозначенной фокусировки – возможность избежать просмотра зыбких, скользких, одномоментных, ситуативных связей, замыкать ход мысли не на условности, но на безусловности, довольствоваться не отвлечёнными рассуждениями, но реально удостоверяемыми обобщениями.

Западное (метафилософское) самознание философии давно и успешно (усилиями Геру, Гуйе, Ломбарди, Ромбаха, Голдштейна и др.) разрабатывает сюжетику философии истории философии, озабоченной реконструкцией социокультурной привязки действий в философии [10].

Вполне респектабельная программа, однако, по-нашему, должна быть дополнена философией теории философии – исследованием философского действия в его аутентичном проявлении безотносительно персонально-исторических преломлений.

Речь – о рефлексивном воссоздании способа генерации специфического продукта, получаемого причастными цеховой корпорации специалистами, отправляющими sui generis службу по профессиональному назначению.

На заре активного формирования «словоного» эстетического самосознания в художественной литературе Карамзин озадачивался духовной экипировкой встроеного в творческий процесс писателя. На вопрос: что нужно автору? – давался ответ: предпосылки успешной самореализации в созидании духовных ценностей – высокие человеческие качества: знание жизни; острота, пронзительность ума; оригинальность; живость воображения; искренность [6].

Нехитрая группировка признаков подводит к капитальному: востребуются способность и талант; – природная одарённость и склонность к новаторству. Оба достоинства обеспечивают инноватику, обслуживают созидательную возможность.

В случае философии показателем способности будет количество задаваемых самому себе вопросов, показателем таланта – качество даваемых ответов.

Прямая демонстрация одного и другого – яркое заявление авторства – самостоятельное разворачивание потенциала самости. Не нищеты духа, как странно мнилось В. Соловьёву, – а именно глубины его – основательности, солидности собственных исключительных качеств.

Радикальное условие философии – не нищета, но богатство духа. Нищета духа влечёт нищету философии.

Философию делают личности – самодостаточные, незаурядные, одарённые, внутренне раскрепощённые, свободные.

«Всему под небом есть место – и предателю, и насильнику, и убийце, а вот эстету – нет!», – эпатировала Цветаева.

Томно карамельная продукция не нужна жизни. Отрешённое шармирующее созерцание, уходящее в плоские точки и пустые слова, не нужно действенному философскому представлению жизни.

Очистительное покаяние, отчаянная ярость, содрогающее сочувствие, дальновидная прозорливость, расточительная щедрость в обустройстве духа – формирующая линза философской мысли, нацеленной на предотвращение ударов судьбы, всемерное служение человеческому.

Всемерность человеческого служения! – ответственная – ответственнейшая, благодатная – благодатнейшая забота, востребующая с терпением неизбежности переноса давления условий граждански мужественного лица, исполненного пылкого стремления не ронять себя в глазах потомков.

Сломаюсь, но не согнусь! – вот девиз, вот программа, лишаящая возможности предаваться «лучшей науке» [1]; утратившим чуткое достоинство жить человеческой болью «модным ничтожеством» (Бестужев) – пособникам, приспособленцам, посредственностям всех мастей – вопреки опрометчивому, невяверенному жесту Сальери из шефферовского «Амадея» – нельзя отпустить их неотпускаемых вековых грехов.

Быть философом означает в первую очередь оставаться человеком. Уточним эвристическое поле поэтики философии.

Поэтика философии

Поэтика философии – метафилософская дисциплина, изучающая способы отправления (осуществления) философской деятельности, специализирующаяся на рассуждениях о том, что такое философские рассуждения. Исчерпывающая (в идеале) характеристика особенностей философствования, составляя генеральную задачу данного вида исследования, располагается в пределах рефлексивного уяснения общих правил, принципов организации философского процесса в богатстве его исторических проявлений. Непреходящий интерес поэтики философии

- со стороны производства – типичские акты творчества;
- со стороны результатов производства – универсальные каноны созидания профессиональных трудов.

Поскольку материал поэтики философии – «единое во многом», ядро её систематического выстраивания образует фиксация инвариантов порождающих процедур, проясняющая вопрос принадлежности неких фактов (данностей) практически-духовного специализированному роду занятости.

Философия берётся поэтикой философии под фирмой консолидированного философствования, позволяющего изучать кажущееся целым явление, – явление с активированной «корпоративной памятью», сквозной генетической связью, устойчивой содержательностью изменчивых форм. Столь продуктивный угол зрения даёт возможность «представить нашему взору всю целостность (философского – *авт.*) мира и его состояний» [3, с. 450].

Предметное поле поэтики философии (иначе – теории философствования) – структурированные формо-содержательные единства – тематически, композиционно, стилево, сюжетно, идейно оформленные конструкции (программы, платформы), имеющие концептуальную (зачастую и художественную) значимость.

В более кратком и ёмком виде: задача поэтики философии – изучение действий, системы действий по исполнению философской работы; объект её, – используя слог Веселовского, – философское предание; метод реализации – анализ, синтез данных, их генерализация, интерпретация.

Поэтика философии (как и история философии) – доктрина не филологическая (ср.: Гаспаров: история философии – дисциплина филологическая, «разъедающая (!)» философию с тыла) [2, с. 148], но философская. Сугубо философская. Даже не философско-ведческая, а метафилософская. Нацеленная на интенсивное теоретическое критико-аналитическое рефлексивное постижение характера выделяемого исходного материала не художественным (эстетность), а исключительно концептуальным (ноэтность) – дискурсивным способом.

У литературной поэтики (теория словесности) и поэтики философской (теория философствования) – разные законно обославливаемые сферы рассмотрения в виде преимущественного сосредоточения на несходных видах инструментально-символической обработки предметности ресурсами эстеты и ноэты.

Литературная поэтика поглощена исследованием стихии языка – установка на «выражение»; философская поэтика поглощена исследованием стихии мышления – установка на «выражение глубины». Словесная «изящность» и мыслительная «капитальность» – два репера, две сопряжённые, но несовместимые доминанты. Литература упивается «словом», философия – «идеями». И там, и тут – логос. Однако в одном «логос – изречение», в другом – «логос – измышление». Разность доминант – разность мотивировок, оправданий факторов, введения целей, задания внутренних значений, смысловых интенций, реконструкции и конструкции реалий.

Водораздел форм «души в поиске» – между ареалами «языка» и «мышления», «слова» и «идеи» проходит по основанию придания самоценности «словесной формулировке» и «идейной линии». В первом случае идёт созидание литературных текстов (произведений), во втором – философских. Нарочитость, позиционность заявления потенциалов духовности (продуктивных актов) позволяет дифференцировать:

– литературу как текстовое оформление (закрепление) (со стадии письменности) самоценной фиксированной речи [7, с. 23]. Релевантно и суждение Якубинского: творческое гротескосоочетание имеет «самостоятельную (! – *авт.*) ценность», независимо от практической цели, которую оно могло бы осуществить [9, с. 12];

– философию как текстовое оформление (закрепление) (с той же стадии) самоценной фиксированной идеи.

Словесная экспозиция и идейная экспликация как два модуса духовных импровизаций востребуют специфических воплотительных видоопределений. В ва-

рианте «литература» повсеместно центрируется «слово», «сюжет»; в варианте «философия» с той же необходимостью центрируется «идея», «система».

Не только поэтика философии исследует природу философствования. Последним озабочивается история философии – философведение. Философоведческий ракурс изучения философии – оценка профессиональных трудов как целостных миропонимательных единств – репрезентантов персонального наследия, которое находит подобающее ему место в совокупном философском наследии. Философовед устанавливает роль, значение выполняемого философом творческого задания в консолидированной эволюции философии (корпусе философского знания); он вводит квалифицирующие качественные суждения, позволяющие детализировать статус философских построений в профессиональных традициях, уточнять степень самобытности агентов философии в вершении «общего дела».

Совершенно иная последовательная систематичность в отпращивании поэтико-философских занятий. «Философские явления» здесь расцениваются сквозь призму «явления философии» – с позиций соответствия канонике философствования, причастности универсальной культуре освоения предметности, касательства профессии. Фикс-пункт рассмотрения тут – созидательная телеология философствования как продуктивного поиска.

В литературоведении различают историческую поэтику – доктрину генезиса приёмов, процедур исполнения художественных произведений (текстов) – и общую поэтику – доктрину статуса художественного арсенала в обеспечении художественности конечных изделий.

В метафилософии подобное различие избыточно: целесообразное использование эффективного инструментария опирается на предварительное понятие его (инструментария) оформления. Сказанное лишает смысла разведение исторического и теоретического; в поэти-

ке философии предзаложена историческая точка зрения. Аналогичное – по части обособления нормативной поэтики, выполняющей регулятивную функцию в отношении средств, способов достижительной самореализации. Если держаться того, что в предписательной части нормативная поэтика озадачивается тиражированием адептов, её эвристический запал крайне беден; – в философской практике существуют школы, течения, направления, исповедующие какие-то рамочные кредо (кодексы, манифесты, декларации), – впрочем, достаточно мягкие, чтобы не сковывать свободы исканий. Втискивать же философствование в прокрустово ложе наперёд принятых догм – значит, упразднить философствование. Прекрасное свидетельство – судьбические линии психоанализа (времен немецкого психоаналитического общества) и диалектического материализма (времен советского строя), определяемые кружковой борьбой за «чистоту рядов». Более распространённый феномен – преодоление традиции выходом за направленные «аутентичные» рамки, утверждение собственного мировидения, – перекрывший гуссерлианство Хайдеггер.

В своём деонтологическом устремлении поэтика философии – нормативна, но не в охранительном отношении корсервации идеалов, а в побудительном отношении их (идеалов) культивации.

Целостное освоение философствования как эвристического процесса предполагает формулировку каких-то прикладных правил: что, собственно, надлежит делать, чтобы осуществлять философствование. Естественная задача сталкивает с необходимостью приподнять завесу тайны над мыслительными приёмами, складывающимися в профессиональный породительный порядок действий. Если последнему придавать формообразующее значение, приводит к твёрдой поисковой нормирующе ритмической традиции, готовая методическая палитра (совокупность воплощённых инструментов) для философа выглядит так.

Заключение

Нелёгкий путь философской мысли моделируется концепционным моделированием реалий (в отличие от пути литературной мысли, выкладываемого образным прочувствованием), ориентированным на а) тематизацию предельных, пограничных оснований осваиваемого человечеством сущего; б) проекцию разысканий на субъект-объектную оппозицию с обоснованием характера связи её членов применительно к запросам и «малого», и «большого» времени.

Средовые параметры налаживания, отправления философствования исключают проведение формализации, алгоритмизации его и его составляющих. Последовательность, структура релевантных философствованию ответственных действий (как в литературе) не может быть передана единообразной строгой чередой шагов, гарантирующих достижение стандартных материализуемых результатов. Крайне сложно выразить, как конкретно следует поступать, чтобы быть философом. Но всё же возможно.

Подобно иным отсекам духовного и практически-духовного в философии вычленяются определённые черты постоянства и непрерывности, нечто инвариантное, находящее воплощение во всех заявлениях философского. Именно это легализует допущение известной унитарной канвы производства идей в самореализации философов. Речь – о множестве весьма стабильных интеллектуальных навыков, фигур профессиональной логики, типических приёмов освоения предметности, образующих орудийный базис философствования.

В явном виде это – ёмкий, многочленный механизм духовного мирозидания, где активируется ресурс таких изощрённых интеллектуальных действий, как рефлексия, анализ, синтез, гомогенизация, голографизация, универсализация, интенсивная теоретизация и др., культивирующие навыки философствования.

Статья поступила в редакцию 24.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 550 с.
2. Гаспаров М. Л. Филология как нравственность: о прошлом и будущем, об интеллигенции, о культуре, о школе, о жизни: статьи, интервью, заметки. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 283 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. Т.3. М.: Искусство, 1971. 620 с.
4. Гельвеций К. А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1974. 688 с.
5. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М.: Мысль, 1964. 799 с.
6. Карамзин Н. М. Что нужно автору? Кн. 1. Аглая. М.: Университетская типография, 1796. 144 с.
7. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Пресс, 1999. 334 с.
8. Шелли П. Письма. Статьи. Фрагменты. М.: Наука, 1972. 536 с.
9. Якубинский Л. О поэтическом глоссемосочетании. Поэтика. Петроград: Государственная типография, 1919. 166 с.
10. La philosophie de l'histoire de la philosophie. Roma, Paris, 1956. 328p.
11. Etudes sur l'histoire de la philosophie. P., 1964.
12. Rombach H. Die gegenwart der Philosophie. München, 1962. 243 s.
13. Ильин В. В. Философия. М.: Проспект, 2018. 480 с.
14. Ильин В. В. Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках causa finalis. М.: Проспект, 2017. 272 с.
15. Ильин В. В. Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания. М.: Проспект, 2017. 184 с.
16. Ильин В. В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М.: Проспект, 2018. 173 с.

REFERENCES

1. Aristotle. *Sochineniya. T. 1.* [Aristotle. Compositions. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1975. 550 p.
2. Gasparov M.L. *Filologiya kak nravstvennost: o proshlom i budushchem, ob intelligentsii, o kul'ture, o shkole, o zhizni* [Philology as morality: on the past and the future, on the intelligentsia, on culture, on school, on life]. Moscow, Fortuna EL Publ, 2012., 283 p.

3. Hegel G. V. F. *Estetika*. T. 3. [Aesthetics. Vol. 3]. Moscow, Art Publ., 1971, 620 p.
4. Gel'vetsii K. A. *Sochineniya*. T. 2 [Compositions. Vol. 2]. Moscow, Mysl Publ., 1974. 688 p.
5. Kant I. *Sochineniya*. T. 3 [Compositions. Vol. 3]. Moscow, Mysl Publ., 1964. 799 p.
6. Karamzin N. M. *Chto nuzhno avtoru? Kn. 1*. [What does an author need? Book 1. Aglaya]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1796. 144 p.
7. Tomashevsky B. V. *Teoriya literatury. Poetika* [Literature theory. Poetics]. Moscow, Aspect-Press Publ., 1999. 334 p.
8. Shelley P. *Pis'ma. Stat'i. Fragmenty* [Letters. Articles. Fragments]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 536 p.
9. Yakubinskii L. *O poeticheskom glossemosochetanii. Poetika* [On poetic gloss semantic combination. Poetics]. Petrograd, Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1919. 166 p.
10. La philosophie de l'histoire de la philosophie. Roma-Paris, 1956.
11. Etudes sur l'histoire de la philosophie. P., 1964.
12. Rombach H. *Die gegenwart der Philosophie*. München, 1962.
13. Plyn V. V. *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow: Prospect Publ., 2018. 480 p.
14. Plyn V. V. *Teoriya poznaniya. Filosofiya kak opravdanie absolyutov. V poiskakh causa finalis* [Theory of knowledge. Philosophy as a justification for absolutes. In search of causa finalis]. Moscow, Prospect Publ., 2017. 272 p.
15. Plyn V. V. *Teoriya poznaniya. Gernenevticheskaya metodologiya. Arkhitektura ponimaniya* [Theory of knowledge. Hermeneutic methodology. The architecture of understanding]. Moscow, Prospect Publ., 2017, 184 p.
16. Plyn V. V. *Teoriya poznaniya. Evristika. Kreatologiya* [Theory of knowledge. Heuristic. Creatology]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 173 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ильин Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук Калужского филиала Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета);
e-mail: vvilin@yandex.ru

Сапегина Ольга Петровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных наук Калужского филиала Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета);
e-mail: sapegina1@mail.ru

Яловенко Яна Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных наук Калужского филиала Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета);
e-mail: yana2307@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktor V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Social Sciences Kaluga Branch Bauman Moscow State Technical University (National Research University);
e-mail: vvilin@yandex.ru

Olga P. Sapegina – Cand. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Department of Social Sciences Kaluga Branch Bauman Moscow State Technical University (National Research University);
e-mail: sapegina1@mail.ru

Yana V. Yalovenko – Cand. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Department of Social Sciences Kaluga Branch Bauman Moscow State Technical University (National Research University);
e-mail: yana2307@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ильин В. В., Сапегина О. П., Яловенко Я. В. О поэтике обновляемой философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 23–30.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-23-30

FOR CITATION

Plyn V. V., Sapegina O. P., Yalovenko Ya. V. On the Poetics of the Renewed Philosophy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no. 1. pp. 23–30.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-23-30

УДК 111

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-31-42

К ГИПОТЕЗЕ О ДУХЕ КАК ПАНТЕИСТИЧЕСКОМ ПРОДОЛЖЕНИИ МАТЕРИИ И РАЗЛИЧНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Мякинников С. П.*Кузбасский государственный технический университет**650000, Кузбасс, г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выдвинуть гипотезу пантеистической неразделимости духа и материи как предпосылки формирования экоцентрической картины мира.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ понятий «материя», «материальное», «материальность», «дух», «духовное» или «нематериальное», «духовность», «сознание», «душа».

Результаты. На основе изучения материала, исходя из выдвинутой гипотезы, позиционированы основные разновидности экологического мировоззрения, соответствующие картины мира и сценарии развития личности и общества. По заключению автора наиболее экологизированным, перспективным мировоззрением и сценарием развития оказывается экоцентризм.

Теоретическая и/или практическая значимость. Введена авторская редакция понятия «материя», в интересах исследования уточнено смысловое содержание понятий «материальное», «материальность», «дух», «духовное», «духовность», «сознание», «душа», а также предложен термин «иноматерия». Автору удалось обновить проблематику пантеизма и экософии, экологических аспектов социальной философии. В заключение статьи предложено в дальнейших исследованиях фундаментально обосновать гипотезу о духе как пролонгации материи в корреляции с развитием концепции экоцентрического мировоззрения.

Ключевые слова: материя, дух, пантеизм, экологическое мировоззрение, экоцентризм

ON THE HYPOTHESIS OF SPIRIT AS A PANTHEISTIC EXTENSION OF MATTER AND VARIOUS INTERPRETATIONS OF THE ECOLOGICAL WORLDVIEW

S. Myakinnikov*Kuzbass State Technical University**28 Vesennyya ul., Kemerovo 650000, Kemerovo region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To put forward the hypothesis of the pantheistic inseparability of spirit and matter as a prerequisite for the formation of an ecocentric picture of the world.

Methodology. The main content of the research is the analysis of the concepts "matter", "material", "materiality", "spirit", "spiritual" or "non-material", "spirituality", "consciousness", "soul".

Results. In the course of the research, based on the hypothesis put forward, the main varieties of the ecological worldview, the corresponding worldviews and scenarios for the development of the individual and society were positioned. According to the author, ecocentrism is the most ecologized and promising worldview and development scenario.

Research implications. The author's version of the concept "matter" is introduced, the semantic content of the concepts "material", "materiality", "spirit", "spiritual", "spirituality", "consciousness", "soul" is clarified in the interests of the research. The term "other matter" is proposed. The author managed to update the problems of pantheism and ecosophy, as well as the ecological aspects of social philosophy.

In conclusion, it is proposed to thoroughly substantiate the hypothesis of spirit as a prolongation of matter in correlation with the development of the concept of ecocentric worldview in further research.

Keywords: matter, spirit, pantheism, ecological worldview, ecocentrism

Введение

Развивающаяся современная человеческая цивилизация усложняется и умножает, усложняет свои отношения с природой, которая также изменяется по своим законам. Современная глобальная экологическая проблема предстаёт как проблема устойчивого развития общества и природы в рамках некоего единого целого. Где под последним понимается особое экоциальное системное вещественное целое космопланетарных масштабов, пронизанное единством энергоинформационных процессов в рамках биосферы Земли и за её пределами. Такая постановка экопроблемы требует обязательного учёта всей динамики изменений, процессов, происходящих не только на макроуровне организации материи планеты, но и в известных людям сферах мегамира и микромира. По причине небольшого объёма статьи ограничимся исследованием некоторых основных корреляций и особенностей организации объектов природы на различных уровнях, а также важнейших аспектов взаимозависимости физического, духовного и человеческого бытия в Универсуме. Так как думается, что экологическая проблематика преимущественно определяется не деятельностью людей, а объективными процессами на различных уровнях, в различных измерениях организации природы. А духовные и телесные измерения самого человека представляют частный случай этих измерений, встроены в общую архитектуру космоса и функционируют в ней как часть в целом, подчиняясь единым законам мироздания.

Авторская редакция категории «материя»

Уточним представление о материи, начав анализ понятия материи с её определения. В знаменитой работе В. И. Ленина

«Материализм и эмпириокритицизм» сформулировано ставшее классическим определение материи, в котором акцент делается на таком существующем независимо от человека, что постигается им [5, с. 125]. Но он же, будучи воинственным материалистом и атеистом, утверждает, что «электрон также неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна...» [5, с. 257]. На первый взгляд, с позиции первичности, бесконечности, объективности и единственности материи – центральных тезисов материализма – всё верно.

Но если занять мировоззренческую позицию пантеизма, то нематериальное также получает объективный статус. В таком случае оказывается возможным использовать потенциал понятий духа, духовного, духовности, не объяснённых материалистами, которые сводят их к свойствам материи и представляют пустыми абстракциями или физикалистскими проявлениями материального. Пантеист не исключает материи, а лишь объединяет её с нематериальным, подчиняя в некоторых случаях первое второму (в идеалистическом монистическом пантеизме), или признавая второе зависимым от первого (в материалистическом монистическом пантеизме).

В связи с этим предложим альтернативную классической интерпретацию материи, уточняющую и дополняющую её. *Материя – объективная дискретно-корпускулярная и континуально-волновая реальность, существующая независимо от сознания и деятельности человека, которая может лишь в малой степени отображаться через органы чувств человека (а также не только фиксироваться сознанием, но и ощущаться бессознательным).* В нашем определении материи (дифференцируемой на виды) больший упор делается не на способность постижения её человеком, а на независимость существования от его сознания. При этом дискретно-кор-

пускулярная реальность представляется в постигаемом, так называемом материальном мире «грубо» структурируемых вибраций энергии. «Грубо материальное» есть формы выражения телесного и низкочастотных проявлений энергии, заключённых преимущественно в веществе. Примем позицию А. Эйнштейна, считавшего частицы и волны энергии в определённый момент времени одним и тем же [19, с. 612–613; 3]. Вещественное или телесное (корпускулярное) есть отчасти фиксируемая органами чувств человека материя, которая обладает свойством дискретности. Дискретность присуща не только веществу, но и отдельным микрочастицам, квантам поля (например, электрического), которые также проявляются в «грубо-физическом» измерении материи. Однако этому измерению свойственна и континуальность, непрерывная протяжённость в пространстве-времени. Чаще всего здесь континуальность обнаруживается в волновой природе звука, света, электричества, магнетизма, гравитации, которые вполне ощущаются человеком. Так непрерывные волны пронизывают прерывное вещество, образуя физические измерения макромира и мегамира.

В «тонко» структурируемых материальных измерениях высокочастотных энергетических вибраций имеют место те же виды реальности: дискретно-корпускулярная и континуально-волновая, полевая. Но, вероятнее всего, объекты этих реальностей будут отличаться от объектов материи более «грубо» структурируемой, низкочастотной, прежде вещественной материи. Так, дискретно-корпускулярная материя в этом «тонко-физическом» мире (микромире) представлена условно выделяемыми отдельными частицами – сгустками энергии, не образующими конкретного вещества или тела. Континуально-волновая реальность представлена волновыми образованиями, плотно покрывающими всё пространство, формирующими непрерывное поле особой сущности (вероятно, сплавленное из полевых субстанций различного рода на «бране» трёхмерного

пространства) [15, с. 935–938; 1], которое может отчасти проявляться в измерениях психики посредством специфических потоков энергии и информации. По причине различий этих двух полностью не разделённых видов реальностей условно назовём преимущественно телесно-вещественное классической материей, а по преимуществу энерго-полевое – иноматерией, иным бытием, инобытием классически понимаемой материи.

Выдвижение гипотезы об универсуме как Едином Целом

Наличие в разных измерениях материальной реальности дискретно-корпускулярной и континуально-волновой составляющих подтверждает их единство, общую природу. Выдвинем гипотезу о том, что Вселенная, или природа в широком смысле слова, не только едина, но и, более того, представляет собой Единое Целое. Чтобы показать правомерность этой гипотезы, следует уточнить понятия «материальное», «материальность», «дух», «духовность», «психика», «сознание», «душа». Обоснование самой этой гипотезы требует отдельного исследования.

Материальное в некотором смысле есть то, что состоит из выше эксплицируемой нами материи. Материальна вся природа от познаваемых человеком объектов макромира, едва известных объектов мегамира и микромира. К последнему, за неимением названия, для ещё более детально вычленяемого, глубинного пласта природной реальности отнесём объекты так называемой «тонкой материи» с размерностью выше 10^{-16} – 10^{-19} см, или особой иноматерии, сущности сверхвысоких частот энерговибраций (например, эфир, акаша, пра-на, ци, тёмная материя, тёмная энергия).

Соответственно, материальность есть атрибут, характеристика всего материального, что делает его таким. Тело есть то, что образовано из материального – материала и энергии грубо физического свойства (вещества и электромагнетизма, образующего поле). Материальное в таком

понимании есть целое, состоящее из частей. Природная реальность, Вселенная, будучи Целым, является материальной. Однако существует ещё некое духовное, в том числе сознание, душа, дух, психика человека.

Занимая мировоззренческую платформу пантеизма, мы допускаем обожествлённость природы, а значит, вводим в картину мира нечто, отличающееся от материи в ленинском понимании. Мы допускаем наличие в мире духовного, которое не есть материя и не противостоит материальному, не отделено от него, а дополняет его. Хотя не служит его особой разновидностью, не входит в понятие материи, но есть его продолжение в глубинах природы. Возможно, что такое духовное есть то, что пребывает за горизонтом нематериального (материи микрообъектов) в микромире. Не исключено, что оно есть проявление особых не квантифицируемых энергетических сущностей «полевого мира» или «(супер)струн», как сейчас принято говорить. Такое духовное как «постинематериальное» отличается от материального не по природе, а по сущности.

Духовное – это особая область вселенской природы, микромира (в современной интерпретации), в которой, в отличие от материального, действуют специфические закономерности не преимущественно вещественно-энергетического дискретно-корпускулярного, а особого энергоинформационного континуально-волнового характера. Иными словами, природа материального и духовного одна, а сущность различна и зависит от тонкости структур бытия (плотности, величины и других свойств частиц и скорости, высокочастотности энергетических вибраций в особом поле и др.), из которых сплавлены функционирующие объекты вещественной материи (тела) и квантово-полевой реальности.

Следует констатировать, что до сих пор недостаточно исследовано как духовное, так и материальное. Любые теории квантового мира правильнее было бы назвать гипотезами, т. е. материя не менее известна, чем дух. Тем не менее, материальное отча-

сти воспринимается человеком, а духовное в человеке присутствует в виде психики. Психика – совокупность явлений, состояний, процессов совместного функционирования мозга, сознания и «души» личности человека (включая бессознательное). Личность понимается как результат самоидентификации индивида, как «личное я», оформленное в ходе социализации посредством множества факторов (наследственности, физико-географической среды, культуры, социального и индивидуального опыта), несущих информацию на грубофизических и тонкоматериальных планах в ходе межличностной, социальной коммуникации, обмена с физической средой естественной и искусственной природы.

Духовное можно условно признать пролонгацией нематериального за горизонт очевидного для человека бытия, которое не является целым. Его суть составляет одна сплошная, бесконечная, не квантифицируемая непрерывность, имеющая в нашем современном понимании особую полевую организацию (или организацию, которая лежит в основе (супер)струн) [6; 7]. Поэтому главное, сущностное отличие духовного от материального в том, что оно не целое, а единое. Такое единое легче всего представить в виде неизвестного людям происхождения универсального поля Вселенной, вероятно, имеющего тонкоэнергетический характер. Особые энергии (и силы поля, совершающие некую работу) являются носителями неких условно выделяемых квантов и источниками не только энерго-волновых, но и особых информационных взаимодействий. Как особый нематериальный тонкий план бытия, «дух пребывает» в материи, начиная с уровня квантово-волновых составляющих электронов, фотонов, нейтронов, позитронов, нейтрино и других микрочастиц, с уровня «излучающих» кварков. Где и рождаются высокочастотные вибрации энергоинформационного поля Природы, распространяющие атрибутивную информацию глубинных измерений материи.

Уточним, духовное есть пролонгация особого нематериального бытия при-

роды, представленного в человеке психикой, а в физическом мире специфическим глубоким планом структурно-функциональной организации бытия энергоинформационного свойства. Условной реальностью, сакрализуемой (по причине малой изученности) людьми в виде субстанции бытия, выделяется Дух – носитель всего духовного, надмировой Дух называется Богом, а человеческий дух чаще всего заключается в понятиях сознания, мышления и души. В нашем случае термин «Бог» оказывается обобщённым, собирательным названием единомировой квазиструктуры, обеспечивающей своим функционированием согласованность, упорядоченность, направленную динамику и развитие всех частей бытия как Целого. Дух рядоположен материи, природе, сосуществует с физическим миром, неразрывен с ним – такова авторская версия дуалистического пантеизма.

В марксистско-ленинской философии главное свойство материи – объективность бытия. Но и у «Бога» есть такое же атрибутивное свойство. В плане познания у (нео)марксистов материя и «Бог» различаются лишь тем, что первая фиксируется органами чувств человека, а вторая нет. Из чего и делается вывод, что существует только материя, а «Бога», т. е. сугубо духовного, нет. Не следует ли усомниться в весомости и корректности такого аргумента?

Сознание – субъект (носитель, актор) энергии и информации преимущественно грубо-материального плана бытия человека как личности, а душа есть субъект в первую очередь энергии и информации тонкоматериального плана её жизни. Через сознание и душу реализуются корреляции с духовным измерением Природы. Сознание и душа не разделены, слиты. Они есть единое одного человека – психика личности. Но в нашем мире (макромире) более актуализировано сознание, обеспечивающее адаптацию человека к физическим измерениям бытия посредством ограниченной, дозированной силы универсального Духа. Этот Дух представлен в психике человека инстру-

ментом ослабленной духовности, призванной, с одной стороны, не позволить ему быть «животной» частью материи, а с другой – не позволить быть и высокодуховной сущностью. Душа же есть особый психический потенциал, необходимый для взаимодействия тонкоматериальной природы человека с глубинными духовными пластами бытия мира. Но она в целях выживания человека гораздо более заглублена, завуалирована в его психике, чтобы не препятствовать сознанию адекватно ориентироваться в физическом окружении. Подобно тому, как квантитативное, составленное из частей материальное (Целое) и квалитативное, неделимое духовное мира (Единое) естественной Природы образуют Единое Целое мира, так и тело (целое) и психика (единое) образуют единое целое человека. Воистину, человек есть микрокосм, который оказывается выражением макрокосма, а точнее, мегакосма.

Как известно, психика связана с телом через мозг. В рамках психики сознание и душа не обособлены, но функционируют различным образом, на разных уровнях проявленности материи (частотных диапазонах) для данной личности. Духовное есть нематериальное и надматериальное, которое требует специфической экспликации и лишь гипотетически представляется сверхчеловеческим и человеческим бытием, отличающимся по сути и по свойствам от известной людям грубо-физической материи в формах вещества и энергии.

Пантеистическая обожествлённость природы в данном случае понимается как духовность позиционируемого авторой особого непостижимого тонкоматериального. Духовность в данном смысле предстает как атрибут, важнейшая характеристика духовного, которая выражает специфическую сущность духа. Таким образом, Природа есть Единое Целое, образованное сплавленными, нерасторжимыми материей и духом, представленными разными измерениями одной мировой среды во всём и в каждом.

Образование материально-духовного Единого Целого Природы в различных интерпретациях экологического сознания

Применим всё выше рассмотренное к реальности экологических отношений человека и природы, показав актуальность и значение выше обоснованных теоретических положений. Экологическая мысль ориентирует не просто на взаимодействие и со-бытие живых организмов, а на взаимно толерантное функционирование био-видов (включая человека) между собой и в согласии с процессами окружающей их абиоты в целях достижения устойчивых темпов развития всей экосистемы, биогеосферы. Это становится возможным только когда экосистема как целое не подвергается изменению некими факторами, выводящими её за пределы динамического баланса, где хотя бы одна часть претерпевает необратимые трансформации, не позволяющие ей вернуться в исходное стабильное состояние функционирования. Иначе говоря, любое экосистемное целое существует только при условии сохранения каждой частью и всем целым характеристик их единства – атрибута нематериального Единого.

Можно выделить несколько типов экологического сознания, мировоззрения [10]:

1. Природоцентрический тип сознания общества, личности. В центре внимания девственная, не преобразованная человеком естественная природа. Именно такая первозданная природа акцентируется сознанием и определяет его информационное содержание. В результате таким сознанием выстраиваются соответствующие типы мировоззрения, картин мира, методологии познания и обустройства природного и социального окружения. Многие из них исходят из приоритета грубо-физического материального целого естественного происхождения, что делает человека заложником не тронутой цивилизацией природы, её апологетом. Увы, но в наше время формирования постиндустриального, информационного общества такое сознание

утопично. Современный натурцентрист больше уповает не на сознание, а на «вечный зов» бессознательного (не столько души, сколько инстинктов), через которое осуществляется его энергетическая и иная связь с природой. Посредством такой связи он получает наиболее полную и подлинную информацию о взаимодействии с миром, о единстве Вселенной.

2. Антропоцентрический тип общества, личности. Сознательный акцент переносится с самой естественной природы на её переобустройство, на механически сконструированное, искусственное содержание культуры. Сознание сосредотачивается на потоках инфообмена в плоскостях материальных и идеальных ценностей как результатов всего обработанного и переделанного в естественной природе. Объекты этой природы предстают материалом для произвольно обусловленной креативной деятельности (посредством желаний, потребностей людей в искусственном комфорте), всё более обособляющейся от жизни Единого Целого Природы. Такое сознание ограничено и строит поэтому односторонний, а значит, неустойчивый мир, отличающийся крайней мировоззренческой тенденциозностью и методологическим редуционизмом – центризмом на человеке, культуре, обществе, экономике, политике, технике.

Как и в случае с природоцентризмом, антропоцентрическое сознание есть неполное проявление психики (единого). Но в первом случае сознание подкрепляется бессознательным (сходным с неизменными инстинктами животных), а во втором – подвергнутыми трансформации инстинктами самосохранения, продолжения рода, питания и др.

Тем не менее в обоих вариантах не оторванное от души сознание не функционирует отдельно от неё. Но участие души в психике природоцентрического сценария развития общества незначительно, уничтожается. Душевная активность придушена животными инстинктами самодовольствования, имеющими приоритетное значение даже при наличии общинного мышления, а также обременена осознанием проявлений

воли, памяти, чувств и эмоций личного, частного интереса, подчиняемых целому коллективной жизни в природе. Исключение составляют редкие случаи глубинного осознания отдельными личностями (например, А. Л. Чижевским, Л. Н. Гумилёвым, А. К. Манеевым) роли тонкоматериальных измерений организации мироздания в окружающей природе и её взаимодействия с человеком [2; 16, с. 312–327, 352–366].

В случае с антропоцентрической психикой активность души завуалирована индивидуалистско-волюнтаристическими мотивами сознания личностей, стремящихся построить общество по сценарию массового потребления, разделения по критерию уровня и количества материальных благ, озбоченных меркантильными интересами. Так сознание вновь (как и в натурацентризме) служит целому материи, а не Единому Целому всей Природы.

3. Теоцентрический тип общества, личности отличается концентрацией внимания не на целом Природы, не на её части – материальных вещах, а на Едином, именуемом Божественным миром при максимально полной актуализации каналов души. Сознание же актуализирует информацию преимущественно тонкоматериального плана, во многом игнорируя природу макромира, грубо-физическое материальное. С экологической точки зрения этот тип сознания малоперспективен и не менее ущербен, чем предыдущие, вышеописанные. Хотя главную роль в отношениях с миром и Богом играет не сознание, а душа верующего. Если личность сосредоточена на вере в неизведанное «Высшее Первоединое», часто отрывая себя от природы, от жизни своего тела и не интересуясь физической жизнью материи, то экологический потенциал такой религиозной личности, религиозного типа общества близок к нулю.

Единственным достаточно слабым аргументом экологического свойства такого верующего можно признать убеждение в том, что природа есть дар Божий людям, которым они должны умело распоряжаться [13, с. 3–8]. Но зачем заниматься улучшением экоситуации, если душа даже

через сознание нацеливается сблизиться с надприродным Богом, т. к. человеку (не личности, а иначе трактуемой душе) обещана внеприродная вечная жизнь после смерти тела, после отлучения его от природного мира? Смысл думать о природе, выстраивании определённых отношений с ней даже ради себя, своих детей при таком подходе резко ослабляется.

4. Экоцентрический тип общества, личности – единственный, по нашему мнению, вариант, действующий в полной мере энергоинформационные обменные каналы как сознания, так и души – единого целого психики человека в сопряжении с полноценной реализацией норм здоровья тела. Это обстоятельство оказывается гарантом реализации сценария построения наиболее экологически устойчивого – экологизированного общества. Такое общество зиждется на принципах развития мировоззрения, социума, культуры, которые предельно учитывают закономерности всех измерений Природы (от грубо-физических до тонко материальных). Такое общество, следуя Единому Целому материального мира, создаёт условия для максимального по полноте, широте и глубине осуществления всех возможностей, заложенных в человеке и в самой природе.

Главное отличие экоцентризма от натурацентризма состоит в значительном акценте экоцентриста как на природные факторы влияния на человека, общество, так и на воздействия последних на природу. Натурацентриста более интересует природное окружение жизнедеятельности людей. Антропотехногенное воздействие на природу он полагает излишним, считая необходимым сокращение его до минимума. Экоцентрист же нацелен на оптимизацию, сбалансирование процессов между экосистемой природы и социумом общества, личностью.

Как сценарии развития человечества, встроенные в картины мира, природо(натур)центризм, антропо(социо)центризм, теоцентризм (единоцентризм) и экоцентризм (постхолизм) [8; 15] следует рассматривать на различных уровнях, которые соответствуют уровням организа-

ции физического мира – макро-, микро- и мегауровню.

Природоцентрический сценарий вписывается в картину мира, где на макроуровне главенствуют принципы «ахимсы», «у-вэй», благоговения перед жизнью, не причинения ущерба природе в целом. Полное встраивание человеческого социума в системное целое естественно-природных отношений и закономерностей обеспечивает экологические процессы и явления диспаратета человека (части) и природы (целого). Целое природы, неотделимое от её части – человека, отождествляется с её Единым. Любое единое, обеспечивающее главенство паритета каждой части, многого и целого, игнорируется.

Микроуровень для натуралиста не имеет какого-либо существенного значения в экокартине мира. В его деятельности экологические отношения не предполагают существенных возмущений квантово-полевого плана природы. В картине мира практически отсутствуют представления об искусственных перестройках молекул, атомов и субатомных образований. Человеческая деятельность (как часть) незначительно меняет энерговибрации квантовых измерений пространства-времени (как целого), почти не внося трансформаций в первозданную природу. Ментальные структуры психики и тело человека покоятся на волнах разночастотных энерговibrаций природы.

На мегауровне всё происходящее в космосе остаётся незыблемым. Деятельность человека не выходит за рамки активности многих других биовидов, оставаясь практически незаметной для космопланетарных функций природы. Сам космос представляется сакральным или продолжением земной природы, с которой он неразделён. Это означает, что признаётся только единое природы, но исключается единое природы и общества. Общество служит такой же частью целого природы, как и все её остальные составляющие планеты и Универсума. Человеческий социум как самостоятельный актер отсутствует на всех уровнях построения картины мира, сосу-

ществования людей и природы. Картина мира создаётся преимущественно органами чувств, пралогическим мышлением [4, с. 6–7], связанным с мистико-мифологическими представлениями из области бессознательного (чувственной, иррациональной интуицией, осознаваемыми эмоционально окрашенными волевыми импульсами выживания тела, влечениями и психологическими установками, сращенными с инстинктами).

В случае с антропоцентрическим сценарием происходит не встраивание человека как части в целое природы наряду с другими её формами, а активное преобразование этого целого. Это приводит к смене характера экодиспаратета с естественного, задаваемого эволюцией природы, на произвольно конструируемый, человекотворный. В общем, под экодиспаратетом понимается неравенство, нерядоположенность, неравнозначность взаимодействующих человека и природы. Человечество, т. е. часть, оказывается доминантой в экологических отношениях с Целым Природы, а не наоборот, как в натурализме. Экологически понимаемое Единое человека и природы здесь также отсутствует, как утрачивается и важность осознания единства природы.

В макромире антропоцентрист созидает из целого природы своё искусственное целое – культуру, пытаясь заменить в таком новом мире единство целостностью многих частей – всё менее естественных и всё более человекотворных. На микроуровне наблюдается рост искусственно вызванных человеком флуктуаций квантов, микрочастиц, изменений энергосреды вследствие произвольного перераспределения им энергопотоков в своём окружении, увеличения темпов и масштабов задействования неестественных средств и источников трансформации энергии квантовых полей. Отдельные, частные энергоканалы, созданные людьми, не гармонируют с энергоканалами первозданного целого природы, а, накладываясь, могут резонировать, синергировать (взаимно гаситься или увеличивать суммарный эффект). Это приводит к эволюционно не закреплённым, непредска-

зваемым изменениям процессов энергообмена как на квантовом, так и на других уровнях – в веществе. Микромир, как и макромир, представляется плацдармом для человеческого экспериментирования прежде всего в формах анализа частей (частиц). Природное единство при этом трансформируется, а другого единства между изменённой природой и людьми не возникает [17].

На мегауровне нарастает подобный диспаритет, который имеет вид дисбаланса космопланетарных и антропоциотехногенных процессов (влияние на озоновый слой атмосферы, участие людей в возникновении парникового эффекта, глобальном потеплении, замусоривание ближнего и среднего космоса и др.). Планируемая антропоцентристами экспансия ближайших к Земле космических тел, вдохновлённая соответствующим мировоззрением человека как господина Вселенной, ещё больше ослабляет единство людей и природы. Тем самым возникает большой риск включения механизмов самосохранения Единого Целого Природы, направленных на восстановление динамического устойчивого баланса между своими частями [20]. Основными инструментами создания картины мира и реализации сценария развития общества антропоцентризма оказывается сознание, и в первую очередь логическое мышление, при опоре на органы чувств.

Теистический (или религиозно едиоцентрический) сценарий экологического развития человеческой цивилизации представляет собой качественно иную крайность по сравнению с предыдущими. Следуя божественным заветам на макроуровне, люди мало озабочены сохранением целого и частей материального мира, включая своё тело. Они пытаются обнаружить во множестве частей окружающей действительности божественное единство – единое от Бога во многом и в каждом. Такой едиоцентризм в ракурсе экологического мировоззрения создаёт духовный паритет всего телесного как частей целого природы макромира. Установка на достижение высшего духовного единения с

Божественным в повседневной жизни часто приводит к пренебрежительному отношению в плане экологического поведения и деятельности, к осознанию необязательного соблюдения заботы о физическом, сохранении телесного, любого целого (которое материально), второстепенности поддержания целостности планетарной материи во взаимодействии плоти человека и тленного множества природных тел, слагающих некое малозначимое биосферное Целое.

Непосредственно особое внимание микроуровню организации материи не уделяется. Но можно допустить, что микромир для теоцентриста пронизан Божественной волей, внеприродным единством, которое не зависит от всего того, что происходит в природе, т. к. такое единство для него доматериально и сверхматериально. А значит, всё физическое, в том числе естественно-природное, ценно только как временное вместилище единого духа человека, который следует лишь до поры холить, лелеять и развивать не по горизонтали в экологической связи со всём в биосферной пленке Земли, а по вертикали (в ракурсе мегамира) – пытаясь сблизиться с Первоединым Бога.

Геологически сориентированный едиоцентрист намерен организовать процессы развития общества посредством мистической, сверхрациональной и сверхчувственной интуиции – провидения, откровения, наития, озарения. Тогда как мышление и данные органов чувств имеют для мировоззрения теоцентризма ограниченное значение в качестве временных и узких способов ориентировки в физическом мире и в физической оболочке (своём теле).

В эоцентрическом варианте сценария цивилизационного развития делается попытка избежать крайностей абсолютизации, редукции к части, множеству, целому или единому при выстраивании экологической картины мира. Это возможно путём акцента на едином целом, в котором единое обнаруживается в целом и во всех его частях.

На уровне макромира эоцентрист усматривает единство во всём множестве отношений человека и природы наряду с

целостностью этого множества и учётом автономии каждой части мирового целого как единичной и уникальной. Человек в такой картине мира, оставаясь вписанной в целое природы частью, является в то же время активным агентом, в меру трансформирующим природное окружение. Но такое изменение природы не нарушает процессов развития экосистем, целого природы Земли. Экоцентрист, осуществляя экологизацию (под которой понимается приведение деятельности человека в соответствие с законами и процессами природы), осознаёт наличие во всём и всегда единого, детерминирующего любое целое и пребывающего в каждой его части.

В срезе микромира подлинно экологизированная деятельность экоцентриста не вызывает существенных возмущений квантово-полевой реальности (атомными реакторами, ядерными взрывами, мощными синхрофазотронами, коллайдерами, искусственно усиленными энергоизлучениями и пр.). Эта деятельность не нарушает существенно экологических закономерностей, обеспечивая сохранение естественного, эволюционно закреплённого экодиспаритета отношений людей (части) и природы (целого), исходя из понимания зависимости этих отношений от

пронизывающего их тонко-материального энергоинформационного единого. Сам микромир рассматривается обязательным фрагментом экокартины мира, чего нет в иных экосценариях развития общества и экокартинах мира.

Заключение

Итак, выдвижение гипотезы о Вселенной как духовно-материальном Едином Целом (даже без её доказательств) приводит к выводам о необходимости разработки особого, подлинно экологизированного – экоцентрического – сознания, мировоззрения и к выработке на их основе соответствующего сценария личностного и общественного развития. В связи с этим перспективной представляется окончательная проверка гипотезы экспликации Универсума как Единого Целого параллельно с дальнейшим развитием концепции экоцентризма. Косвенным подтверждением этой гипотезы может оказаться определённая экспликация некоторых последних открытий и достижений физического знания (например, в астрофизике [11], квантовой физике [12; 18], в геофизике [14]).

Статья поступила в редакцию 24.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бравинский А. О. Космологические браны и макроскопические дополнительные измерения // Успехи физических наук. 2005. Т. 175. № 6. С. 569–601.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Мишель и К, 1989. 503 с.
3. Кеттерле В. Когда атомы ведут себя как волны. Бозе-эйнштейновская конденсация и атомный лазер // Успехи физических наук. 2003. Т. 173. № 12. С. 1339–1358.
4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
5. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Политиздат, 1969. 392 с.
6. Маршаков А. В. Теория струн или теория поля? // Успехи физических наук. 2002. Т. 172. № 9. С. 977–1020.
7. Мейерович Б. Э. Гравитационные свойства космических струн // Успехи физических наук. 2001. Т. 171. № 10. С. 1033–1049.
8. Мякинников С. П. К определению понятия «единое целое»: позиция постхолизма // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 2. С. 50–62.
9. Мякинников С. П. К проблеме мировоззренческо-методологических оснований построения современной картины мира // Вестник Омского государственного университета. 2019. Т. 24. № 2. С. 127–134.
10. Мякинников С. П. Экоцентризм как новое, экологическое мировоззрение // Вестник Новосибирского государственного университета. 2004. Т. 2. № 1. С. 40–44.
11. Новиков И. Д. Новая концепция кротовых нор и Мультивселенная // Успехи физических наук. 2018. Т. 188. № 3. С. 301–310.

12. Половников К. В. Роль наблюдателя в квантовой механике [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/video/preview?wiz_type=vital&filmId=5177839123014996761&text=кирилл%20половников%20лекции&path=wizard&parent-reqid=1598182348178743-1787897599893507823200280-production-app-host-vla-web-yp-100&redircnt=1598182453.1 (дата обращения: 25.08.2020).
13. Православие и экология / под ред. игум. Иоанна (Экономцева). М.: Московский патриархат, 1999. 440 с.
14. Резонанс Шумана: принцип и параметры [Электронный ресурс]. URL: <http://janto.ru/repository/008/01.html> (дата обращения: 26.08.2020).
15. Рубаков В. А. Большие и бесконечные дополнительные измерения // Успехи физических наук. 2001. Т. 171. № 9. С. 913–938.
16. Русский космизм: антология философской мысли. / сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
17. Управление частицами в квантовом мире (информация нобелевского комитета) // Успехи физических наук. 2014. Т. 184. № 10. С. 1067.
18. Что такое энергия? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vAQAnNLkFw> (дата обращения: 28.08.2020).
19. Эйнштейн А. Квантовая механика и действительность: собрание научных трудов: в 3 т. Т. 3. М.: Наука, 1966. 632 с.
20. Lovelock J. GAIA: A New Look At Live On Earth. 3rd ed. New York: Oxford University Press, 2000. 148 p.

REFERENCES

1. Bravinsky A. O. [Cosmological branes and macroscopic extra dimensions]. In: *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Advances in physical sciences], 2005, vol. 175, no. 6, pp. 569–601.
2. Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth]. Moscow, Mishel' i K Publ., 1989. 503 p.
3. Ketterle V. [When atoms behave like waves. Bose-Einstein condensation and atomic laser]. In: *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Advances in physical sciences], 2003, vol. 173, no. 12, pp. 1339–1358.
4. Levi-Bryul' L. *Sverkh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [The supernatural in primitive thinking]. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1994. 608 p.
5. Lenin V. I. *Materializm i empiriokrititsizm. Kriticheskie zametki ob odnoi reakcionnoi filosofii* [Materialism and empirio-criticism. Critical Notes on a Reactionary Philosophy]. Moscow, Politizdat Publ., 1969. 392 p.
6. Marshakov A. V. [String theory or field theory?]. In: *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Advances in physical sciences], 2002, vol., 172, no. 9, pp. 977–1020.
7. Meierovich B. E. [Gravitational properties of cosmic strings]. In: *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Advances in physical sciences], 2001, vol. 171, no. 10, pp. 1033–1049.
8. Myakinnikov S. P. [Towards the Definition of the Notion "One Whole": the Position of Post-holism]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vyatka State University Bulletin], 2019, no. 2, pp. 50–62.
9. Myakinnikov S. P. [On the problem of ideological and methodological foundations of building a modern picture of the world]. In: *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Omsk State University], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 127–134.
10. Myakinnikov S. P. [Ecocentrism as a new, ecological worldview]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Novosibirsk State University Bulletin], 2004, vol. 2, no. 1, pp. 40–44.
11. Novikov I. D. [New concept of wormholes and the multiverse]. In: *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Advances in physical sciences], 2018, vol. 188, no. 3, pp. 301–310.
12. Polovnikov K. V. *Rol' nablyudatelya v kvantovoi mekhanike* [The role of the observer in quantum mechanics]. Available at: https://yandex.ru/video/preview?wiz_type=vital&filmId=5177839123014996761&text=кирилл%20половников%20лекции&path=wizard&parent-reqid=1598182348178743-1787897599893507823200280-production-app-host-vla-web-yp-100&redircnt=1598182453.1 (accessed: 25.08.2020).
13. Hegum. Joann (Ekonomtcev). *Pravoslavie i ekologiya* [Orthodoxy and ecology]. Moscow, Moskovskii partriarkhat Publ., 1999. 440 p.
14. *Rezonans Shumana: printsip i parametry* [Schumann resonance: principle and parameters]. Available at: <http://janto.ru/repository/008/01.html> (accessed: 26.08.2020).
15. Rubakov V. A. [Big and endless extra dimensions]. In: *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Advances in physical sciences], 2001, vol. 171, no. 9, pp. 913–938.

16. *Russkii kosmizm* [Russian Cosmism]. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1993. 368 p.
17. [Particle control in the quantum world (information from the Nobel committee)]. In: *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Advances in physical sciences], 2014. vol. 184, no. 10, pp. 1067.
18. *Chto takoe energiya?* [What is energy?]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=vAQA0nNLkFw> (accessed: 28.08.2020).
19. Einstein A. *Kvantovaya mekhanika i deistvitel'nost'*. *Sobranie nauchnykh trudov. T. 3* [Quantum mechanics and reality. Collection of scientific papers. Vol. 3]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 632 p.
20. Lovelock J. *GAIA: A New Look At Live On Earth*. New-York, Oxford University Press, 2000. 148 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мякинников Сергей Петрович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета;
e-mail: mspcaph@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey P. Myakinnikov – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of History, Philosophy and Social sciences, Kuzbass State Technical University;
e-mail: mspcaph@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мякинников С. П. К гипотезе о духе как пантеистическом продолжении материи и различные интерпретации экологического мировоззрения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 31–42.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-31-42

FOR CITATION

Myakinnikov S. P. On the Hypothesis of Spirit as a Pantheistic Continuation of Matter and Various Interpretations of the Ecological Worldview. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no. 1, pp. 31–42.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-31-42

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 21 (316.7)

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-43-52

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОТРАЖЕНИИ ДИСКУРСОВ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РЕГИОНАЛИСТИКИ

Кононов С. В.

*Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского
675021, г. Благовещенск, ул. Ленина, д. 158, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Создать многоуровневую модель социальной безопасности региона, выступающего в качестве базового теоретического концепта регионалистики.

Процедура и методы. Проведён анализ взглядов представителей социальной философии и регионалистики на социальную безопасность регионов, что позволило выделить наиболее существенные характеристики данного явления. Реализация данной цели проводится автором с использованием методологии цивилизационного, системного, инструменталистского подходов, обращающих внимание на влияние механизмов, ведущих к мобилизации региональных интересов.

Результаты. По итогам исследования сформирована модель социальной безопасности региона, как теоретического понятия регионалистики, позволяющая учитывать цивилизационные, системные, структурные, ценностные, инструментально конструируемые параметры.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая и практическая значимость связывается с возможностью использования модели социальной безопасности региона как теоретического концепта регионалистики, направленной на выработку комплексного видения взаимодействия человека, регионального сообщества, окружающего мира.

Ключевые слова: социальная безопасность, концепции безопасности, структуралистский подход, социальная система региона, безопасность жизнедеятельности, региональные интересы

A MODEL OF SOCIAL SECURITY IN REFLECTING THE DISCOURSES OF SOCIAL PHILOSOPHY AND REGION STUDYING

S. Kononov

*Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K. K. Rokossovsky
158 Lenin ul., Blagoveshchensk 675021, Russian Federation*

Abstract

Aim. To create a multilevel model of social security of the region that is considered to be a basic theoretical concept of the region studying.

Methodology. The analysis of scientific views of social philosophers and region study scientists on the social security of the regions is performed. It helped single out the most important characteristics of this phenomenon. The implementation of this goal is carried out by the author using the methodology of civilizational, systemic, instrumentalistic approaches that draw attention to the influence of mechanisms leading to the mobilization of regional interests.

Results. The result of the research is the formation of a model of social security of the region, which allows taking into account civilizational, systemic, structural, value, instrumentally constructed parameters.

Research implications. The theoretical and practical significance is associated with the possibility of using the model of social security of the region as a theoretical concept of the region studying, aimed at developing a complex vision of a person's interaction with the regional community and the surrounding world.

Keywords: social security, security concepts, structuralist approach, social system of the region, life activity safety, regional interests

Введение

Актуальность исследований социальной безопасности регионов связана с сохранившимся в последние десятилетия усилением внимания социальных наук к проблемам, связанным с обеспечением высокого уровня жизнедеятельности людей, проживающих в разных региональных условиях. При этом исследования социальной безопасности на уровне регионов ведутся преимущественно в работах с использованием: государственно-правового подхода, представленного в трудах Р.Г. Яновского, Г.В. Атаманчука, Т.А. Заславской, Н. Н. Потрубача; социологического, представленного в трудах Ю. А. Левады, В. В. Зыкова, В. Н. Кузнецова, Л. Д. Гудкова; психолого-педагогического, представленного в трудах И. А. Баевой, В. А. Соснина, А. А. Дронова, З. В. Масаевой; экономического подхода, представленного в трудах Л. И. Абалкина, И. Я. Богданова, С. Ю. Глазьева; экологического, представленного в трудах В. Н. Турченко, военного подхода, представленного в трудах И. С. Даниленко, С. Л. Никонович, В. И. Лутовинова. Однако исследования, проводимые в рамках данных подходов, раскрывают отдельные характеристики социальной безопасности региона, но не охватывают всей полноты данного явления. Это говорит о его сложности и многогранности, а также указывает на необходимость синтеза имеющегося знания по различным аспектам социальной безопасности регионов. На наш взгляд, эту проблему можно решить в рамках сочетания положений философских концепций социальной безопасности с положениями регионалистики, представленной трудами А. В. Возженикова, В. В. Стрельченко,

Н. П. Медведева, В.К. Левашова [8, с. 32], с помощью чего возможно осмысление разнообразных аспектов взаимодействия человека и общества на пути сохранения социальной безопасности регионов.

Степень исследованности

Философия имеет значительный и неоднозначный запас достижений в сфере моделирования социальной безопасности, куда входят различные модели, предлагавшиеся в произведениях Платона, Аристотеля, А. Аврелия, Ф. Аквинского, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса [10], посвящённых сущности и функциям государственных и социальных образований. Исторически модель социальной безопасности, разрабатываемая в рамках европоцентристского подхода, аспекты которого формировались положениями философии О. Конта, М. Вебера, Р. Киплинга, Э. Трельча, Ф. Фукуямы, Г. Моргантау, З. Бжезинского, Г. Киссинджера [20], которые основывались на утверждении единственного и однонаправленного пути развития общества, нацеленного на идеалы солидарности и обеспечивающего его членам защиту от социальных угроз. Основу моделирования социальной безопасности на основе европоцентристского подхода представляет концепция, которая предполагает распространение норм глобальной безопасности, ориентируясь на политику подавления региональных традиций управления и представлений о власти. Этой модели может быть противопоставлена модель, предлагаемая цивилизационным подходом, основы которого были заложены Н. Я. Данилевским, О. Шпенглером, Н. С. Трубецким, А. Тойнби,

А. Петерсом, О. Сулеймановым, Э. Саидом, С. Хантингтоном [14], представляющими видение мира, строящегося на основе развития мирного сотрудничества государств, народов, регионов. Однако разработка модели безопасности регионов в рамках цивилизационного подхода нуждается в привлечении дополнительных теоретических подходов и методов, которые позволили бы структурно выделить и определить сущность и функционал данного явления.

Целью исследования является попытка синтеза положений различных научных и социально-философских концепций социальной безопасности с положениями регионалистики в единую системную модель социальной безопасности региона.

Существенное значение для моделирования социальной безопасности региона имеет методология, основанная на положениях цивилизационного подхода, суть которого – в признании равноправия различных регионов вне зависимости от уровня их развития, сложности и самобытности. Использование системного подхода раскрывает социальную структуру региона как сложный и многоосновный феномен, в котором выделяются различные уровни материальной, духовной, художественной, народной, традиционной, инновационной культуры. Структуралистский подход анализирует становление социальных систем безопасности региона в связи с различными уровнями социальной деятельности, продиктованными интересами региональных групп. Семиотический подход направлен на анализ региона, территорию социальной субъектности, объединённую вокруг комплекса ценностей и интересов. Инструменталистский подход исследует влияние механизмов, используемых в случае мобилизации региональных интересов. Новизна исследования обусловлена формированием исследовательской модели социальной безопасности региона, основанной на принципах дополнительности цивилизационного, системного, структурного, инструменталистского подходов к формированию модели социальной безопасности региона.

Результаты авторского исследования

Исследования проблем социальной безопасности на уровне регионов, а также моделирование условий, способствующих их предотвращению, ведутся с использованием государственно-правового, социологического, психологического, экономического, экологического, военного подходов, которые формируют разрозненные образы социальной безопасности региона, но не охватывают всей полноты данного явления. Возможность синтеза имеющегося знания по различным аспектам социальной безопасности регионов представляет использование философских подходов, на основании принципа дополнительности сформировавших исследовательскую модель, позволяющую учитывать различные параметры данного явления. В рамках философии разработано множество альтернативных концепций безопасности, включая европоцентристские, основанные на вере в необходимость подавления региональных традиций управления и безопасности, и цивилизационные, основанные на вере в возможность построения мира на основе коллаборации всех государств, народов, регионов. Согласно цивилизационным концепциям понятие о социальной безопасности носит релятивный и субъективный характер, оценка которого зависит от ценностей, доминирующих в каждом из региональных сообществ, которые, с одной стороны, стремятся к сохранению своего ценностного ядра, с другой – к саморазвитию, а следовательно, к изменениям в условиях постоянно изменяющегося мира. Системный подход к исследованию данной проблемы показывает, что каждая региональная подсистема социальной безопасности формируется в контексте системы общественной коллаборации регионального сообщества с окружающим миром. Вместе с этим большое значение имеет субъективная составляющая явления социальной безопасности региона, которая включает социальные представления о том, что есть

социальная защищённость. Поэтому существенное значение для моделирования социальной безопасности региона имеет категория «жизненного мира», которая синтетически рисует место расположения региона, его одновременной закреплённости в физическом и социальном мире, а также в психологическом и информационном пространстве. Согласно этому подходу социальная безопасность региона, будучи подсистемой общества, подразделяется на две подсистемы, одной из которых является объективная защищённость от социальных угроз, другой – субъективная защищённость от страха в отношении социальных угроз.

Структурный анализ показывает, что, во-первых, в рамках этой модели в качестве факторов формирования социальной безопасности региона выступают конкретные природные, исторические и социальные условия, с которыми человек и региональное сообщество вступают в экзистенциальные отношения. Во-вторых, фактором, становления социальной безопасности региона здесь признаются региональные ценности, сформированные в рамках региональных представлений о защищённости от социальных проблем, часто несопоставимых с системами других народов. В-третьих, моделирование системы социальной безопасности включает в себя представление реальных универсальных и региональных угроз, которые могут изменить региональные системы ценностей, интересы и представления, а также анализ и проектирование форм защиты интересов регионального сообщества, за которые готовы бороться члены регионального сообщества. В-четвёртых, модель социальной безопасности региона предполагает проведение анализа формирования региональных интересов и ценностей, конструирование и мобилизация которых проходит в рамках противостояния, взаимодействия и диалога между внешними по отношению к региону и внутри-региональным дискурсам.

Обсуждение результатов. Аспекты безопасности в концепциях цивилизационного подхода

С точки зрения цивилизационного подхода социальное развитие не может совершаться линейно и однонаправлено, а имеет нелинейный и циклический характер, который зависит от особенностей каждого из конкретно-исторических регионов, на которые подразделяется окружающий мир. Регион рассматривается в исследованиях О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Ратцеля, Х. Дж. Маккиндера, Л. Фробениуса, Р. Челлена [15] как особая цивилизационная реальность, включающая обширную территорию, куда входит несколько стран, объединяемых по признаку географической или социальной близости. Эта концепция обращает внимание на тему межрегионального взаимодействия, которая позволяет проводить анализ распространения социальных изменений, влияющих на безопасность регионов. Угрозу социальной безопасности, с этой точки зрения, представляет совершившийся в западных цивилизациях переход от ценностно-ориентированного к технократическому рационализму, который стал причиной бездуховности и поведенческого иррационализма человечества. При этом, как пишет М. Херскович, определение того, что нормально и что ненормально, зависит только от организации социальных отношений в рамках каждого из регионов [18].

Из чего можно сделать вывод, что в основе моделирования социальной безопасности региона должен находиться анализ социальных условий жизнедеятельности, которые зависят от особенностей среды обитания. Понятийный фундамент здесь представляет термин «региональный социум», понимаемый как отражение состояния общественного бытия на уровне региона. Эти идеи развиваются в трудах Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, А. Шюца, Д. Горовица, Р. Дарендорфа, Д. Елазара, М. Джонса [19], которые считают, что моделью социального пространства является образ общества как «жизненного мира»,

в котором протекает социальная деятельность человека. Пространственное измерение региона рассматривается ими как взаимоотношение региональных сообществ и социальных институтов, соотносённых с пространством, территорией, местом.

«Жизненный мир» региона характеризуется особыми природно-ландшафтными условиями, которые формируют у близко проживающих народов общие способы хозяйствования, формы религиозного и нравственного мировоззрения, схожие экзистенциальные ценности, правовые и политические структуры, объединяющие их в единое целое.

Аспекты безопасности в концепциях регионалистики и системного подхода

Однако системное представление о сущностном строении и единстве региональной среды раскрывается через систематизацию различных понятий о регионе как явлении. С одной стороны, структура региона может пониматься в качестве субнациональной единицы, находящейся в рамках более крупного федерального образования. В этом качестве регион рассматривается в трудах представителей регионалистики, таких, как В. Изард, Н. П. Медведев, Р. Ф. Туровский, С. Карамурза, Л. Н. Захарова [4, с. 34], которые понимают «регион» как специфическое социальное образование, вписанное в общий «пейзаж», представленный однородной физической и социальной средой. Модель этой социальной системы в социальной философии представляют в образе структуры, состоящей из подсистем, в состав которых входит социальная безопасность региона. Эта структура, как показывают А. И. Сухарев, В. В. Маркин, С. В. Полутин [12], состоит из ряда тесно взаимосвязанных и иерархических уровней.

Моделирование социальной безопасности как общественной подсистемы показывает, что, входя в систему общества как особый элемент, она, в свою очередь, подразделяется на две особые сферы безопасности, одной из которых являет-

ся защищённость от социальных угроз, включая угрозу нужды и бедности, другой – защищённость от страха в отношении социальных угроз. Среди них, с одной стороны, выделяется такая сфера безопасности, как защищённость от реальных социальных угроз, которая зависит от объективных факторов, выступающих в качестве характеристик социальной структуры региона. Соответственно, каждая региональная система социальной безопасности формируется в контексте системы объективных связей человека с окружающим миром, что подтверждают исследования О. Больнова, И. Дерболова, Э. Гидденса, О. А. Кармадонова [6].

Аспекты безопасности в структуралистских концепциях

Однако ряд исследователей указывает на субъективную составляющую явления социальной безопасности региона, которое представляется им зависимым от сочетания различных социальных институтов и групп, оказывающих влияние на региональные представления о том, что есть социальная безопасность. Они отмечают, что социальное пространство региона представляет собой необходимое условие и особую форму существования регионального сообщества как субъекта социального действия. В частности, Р. Г. Яновский считает, что социальная безопасность представляет состояние защищённости некой общности людей, которая характеризуется общностью социальной деятельности и региональных ценностей. Ценностей, которые, как пишет В. М. Капицын, объединяют региональное пространство в единую социальную структуру, центром которой является региональный интерес, являющийся ведущим регионообразующим фактором [5, с. 115].

Эта идея играет ключевую роль в организации регионального пространства, придавая ему единство и системность, влияющие на становление социальной безопасности субъектов этого пространства. Она представляется в качестве автоном-

ной общественной подсистемы, функцией которой является защита «жизненно важных целей, идеалов, ценностей, интересов социальных субъектов макро- и микроуровней, сохранения и развития человеческого потенциала, поддержания эффективности стимулирования деятельности людей, систем их социализации и жизнеобеспечения, поддержание нравственности» [4, с. 36].

Из этого можно сделать вывод, что социальная безопасность регионов формируется под влиянием политических, экономических и социальных институтов вокруг региональных ценностей и интересов [13, с. 90]. Предметом исследований социальной безопасности с учётом этой модели выступают выявление социальных интересов региональных групп, определение их проводников, разработка методов и инструментов их распространения, а также обоснование значимости их применения. Ведущим фактором становления социальной безопасности региона здесь представляется восприятие социально-значимой информации [11].

Безопасность в инструменталистских концепциях

В связи с этим значимо, что в рамках представляемой модели рассматривается не столько структура социальной безопасности, сколько актуальная проблематика взаимодействия региональных социальных систем между собой и с глобализирующимся сообществом. В рамках этой проблематики в одних случаях региональный социум уверенно сохраняет свою жизнеспособность и самобытность, в других – испытывает доминирующее внешнее воздействие, осуществляемое посредством таких факторов, как идеология, образование, наука и техника. Здесь, как отмечают исследователи проблемы социальной безопасности региона, имеется сложность, заключающаяся в том, что определение безопасности является двусторонним процессом, включающим онтологическую составляющую, благодаря которой субъект

обретает безопасное состояние, и гносеологическую составляющую, благодаря которой субъект осознаёт своё состояние как безопасное [9].

Эта сторона информационного взаимодействия в социальном пространстве региона раскрывается положениями инструменталистского подхода, обращающего внимание на влияние механизмов, осознаваемых в случае развития и мобилизации региональных интересов. В рамках этой методологии анализ региональных систем социальной безопасности требует проведения концептуализации, связанной с процедурами конструирования как инструментами, формирующими образы регионов и региональных проблем безопасности в качестве результата творческой деятельности различных субъектов информационного давления, которые либо «сверху», либо «снизу» инициируют процессы защиты региональных интересов.

Инструменталистские концепции доказывают, что социум влияет на человека, а человек влияет на социум посредством диалога, принципы которого раскрыты М. Бубером, М. Бахтиным, В. Библером [2] через систему знаний, традиций, ценностей. Теоретические разработки этих авторов акцентируют внимание на том, что, вступая во взаимодействие с окружающим социальным пространством, каждая подсистема общества, включая подсистему социальной безопасности региона, не только изменяется сама, но меняет это пространство в целом. Механизм этого влияния раскрывается в контексте конструктивистских идей О. Вьюера и Б. Бузана [16], выражающих мнение о том, что социальная безопасность региона трансформируется со стороны социальных субъектов, которые создают и распространяют нормы, влияющие на социальную структуру общества. В рамках этой концепции возможно определить структуру социальной безопасности региона как инструмента, направленного на осознание интересов и ценностей различных региональных групп, от индивида до общества и государства. Ведущими акторами в социальном пространстве региона в контексте

этой концепции признаются социальные институты, которые представляют организационный центр или ядро, оказывающие влияние на складывание систем ценностей, виды деятельности, пассионарных лидеров, в пространстве периферии или сфер влияния [3]. В частности, проводниками региональных интересов могут быть признаны группы элиты, обладающие инструментами социальной мобилизации и оказывающие влияние как на системообразующие региональные ценности, так и на усилия, направленные на их обеспечение. Напротив, проводниками внерегиональных ценностей и интересов на уровне региона признаётся влияние массовой культуры. Однако важно, что в современной социальной философии, представленной трудами А. Ачарья, Д. Лейка, Дж. Ньюмана [21], признаётся, что состояние социальной безопасности регионов не может только конструироваться, так как оно имеет объективные параметры своей структуры и реальные проблемы и тенденции развития. Поэтому современная модель социальной безопасности регионов, элементы которой содержатся в описаниях В. Кое, К. Кузака, Ц. Фоусета [17], строится на методологии структурного реализма, учитывающего как положения инструменталистских и конструктивистских концепций, так и положения цивилизационного и системного подходов, в которых отражались актуальные проблемы современности и угрозы выживанию региональных сообществ.

Авторская модель социальной безопасности регионов

Учитывая опыт этих исследований, мы считаем необходимым обоснование создания многомерной модели социальной безопасности регионов, которая отражает как реальный, так и конвенциональный характер данного явления и в качестве наиболее значимого фактора становления социальной безопасности региона признаёт его социальное пространство, где протекает диалог между региональными социальными группами [6]. В контексте данной концеп-

ции становление социальной безопасности региона можно понимать как процесс, существенную роль в котором играет социальное взаимодействие, в результате чего возникают условия, характеризующиеся формированием самооценки регионального сообщества в отношении условий своего существования. Предлагаемая методика разрабатывает видение социального пространства региона как единства, в котором объединены социальная, коммуникативная и функциональная сферы, влияющие на восприятие и оценку «жизненного мира» в рамках социального сознания региона. В этой модели социальное пространство региона представляется в образе реальной и информационной сферы, в рамках которой формируется порядок социального взаимодействия [6].

В рамках этой модели в качестве факторов формирования социальной безопасности региона выступают, во-первых, конкретные природные, исторические и социальные условия, понимаемые в качестве «жизненного мира», с которыми человек и региональное сообщество вступают в экзистенциальные отношения. В свою структуру региональный социум как система включает материальный, духовный, художественный, этнический, традиционный, инновационный структурные уровни. Эти уровни составляют содержание пространственной сферы социальной безопасности региона, в которой фиксируется наличие совокупности институциональных и неинституциональных форм, создающих, хранящих, распространяющих региональные интересы и ценности [7, с. 37]. Однако наибольшее влияние на формирование и становление социальной безопасности региона, согласно представленной модели, оказывают нормы и ценностные представления, которые распространяются в обществе посредством воспитания и воздействия окружающей среды, т. е. социума, являющегося основой «жизненного мира» и дающего оценку степени своей защищённости [1].

Таким образом, в фокусе разрабатываемой здесь модели явления «социальная безопасность региона» находится констру-

ирование многоаспектной модели регионального развития, отражающей процесс развития регионального сообщества, стремящегося к состоянию защищённости от социальных проблем. Процесс моделирования социальной безопасности включает в себя представление о реальных универсальных и региональных угрозах, которые могут изменить региональные системы ценностей, интересы и представления, а также анализ и проектирование форм защиты интересов регионального сообщества, за которые готовы бороться члены регионального сообщества. Одновременно с этим модель социальной безопасности региона предполагает проведение анализа формирования региональных интересов, конструирование и мобилизация которых проходит в рамках взаимодействия дискурсов, представляемых властным, т. е. политико-административным и региональным, т. е. выражающим точку зрения социальных групп, подходами.

В целом модель социальной безопасности региона представляет попытку отразить процесс становления социальной безопасности регионов, испытывающих влияние нормативных и ценностных представлений, прививаемых региональному сообществу посредством воздействия окружающего его социума. Поэтому, с одной стороны, существенное значение для конструирования модели социальной безопасности региона имеет анализ объективных внешних воздействий, представленных глобализационным, государственным, зарубежным влиянием, стремящимся к включению социального пространства региона в свои ареалы. С другой стороны, модель предполагает учёт влияния, которое оказывает каждый регион, противопоставляющий внешнему воздействию свою систему интересов и ценностей, которая,

обладает своим потенциалом, сформированным историческими, природно-географическими условиями, регулируемыми отношения природы, человека, общества и мира, придающим ему единство и системность.

Заключение

В результате проведённого исследования автором была составлена авторская модель социальной безопасности региона, которая носит многомерный характер и представляет образ становления процесса безопасной жизнедеятельности региональных сообществ, испытывающих влияние объективных внешних воздействий, представленных глобализационным, государственным, зарубежным влияниями, стремящихся к включению социального пространства региона в свои ареалы. Как показывает проведённое исследование, модель предполагает учёт влияния, которое оказывает каждый регион, противопоставляющий внешнему воздействию свою систему интересов и ценностей, которая обладает своим потенциалом, сформированным историческими, природно-географическими условиями, регулируемыми отношения природы, человека, общества и мира, придающими ему единство и системность. Взаимодействие указанных тенденций в рамках предлагаемой модели является источником непрерывного конструирования нормативных и ценностных представлений, прививаемых региональному сообществу посредством воздействия окружающего его социума, а также социальных договоренностей, направленных на достижение конъюнкции в рамках регионального социума.

Статья поступила в редакцию 20.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 413 с.
3. Губанов В. М., Сатывалдиева Б. Социальная безопасность как социально-исторический феномен // Молодой ученый. 2015. № 15. С. 577–581.

4. Захарова Л. Н. Региональная культура как объект исследования // Феномены культуры. 2019. С. 34–38.
5. Капицын В. М. Символы национальной идентичности как ресурс soft power // ДИСКУРС-ПИ. 2014. Т. 11. № 1. С. 113–118.
6. Кармадонов О. А., Ковригина Г. Д. Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте // Вестник института социологии. 2016. № 2 (17). С. 13–26.
7. Ключева Е. А. Культурное пространство как научная категория // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 4. С. 43–46.
8. Левашов В. К. Социальное государство: исторический генезис и динамика становления в России // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 32–46.
9. Литвинов Э. П. Безопасность как философская категория // Пространство и время. 2014. Т. 7. № 1. С. 2.
10. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 42. М.: Издательство Политической литературы, 1974. С. 41–174.
11. Михайленко А. Н., Скалдуцкий С. В. «Мягкое право» в российско-украинских отношениях // Власть истории и история власти. 2017. Т. 3. № 4 (10). С. 491–515.
12. Полутин С. В. Объектно-предметное поле социологии региона и регионологии // Развитие социального пространства России: новые вызовы и перспективы. 2018. С. 47–51.
13. Степин В. С. Глобальная культура: многообразие опытов и универсальные ценности // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры. Т. 2. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет профсоюзов, 2010. С. 71–92.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016. 640 с.
15. Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: РОССПЭН, 2008. 319 с.
16. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
17. Fawcett L. Regionalism by Emulation: Considerations across Time and Space // Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World. Abington: Routledge, 2016. P. 33–55.
18. Horowitz D. L. Democracy in Divided Societies // Journal of Democracy. 1993. no. 4. pp. 18–38.
19. Jones M., Jones R., Woods M. An introduction to political geography: Space, place and politics. N.Y.: Routledge, 2004. 202 p.
20. Kissinger H. World Order. New York: Penguin books, 2015. 420 p.
21. Nyman J. What is the value of security? Contextualising the negative/positive debate. Review of International Studies. 2016. № 42 (5). P. 521–839.
22. Zhukov A., Bernyikevich T. Religious security of the Russian Federation as Reflection object of the philosophy and religious studies // MATEC Web of Conferences. 2018. C. 10003.

REFERENCES

1. Assman Y. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 368 p.
2. Bibler V. S. *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury. Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyi vek* [From science teaching – to the logics of culture. Two philosophical introductions into the twenty-first century]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 413 p.
3. Gubanov V. M., Satyvaldieva B. [Social security as a socio-historical phenomenon]. In: *Molodoi ucheny i* [Young scientist], 2015, no. 15, pp. 577–581.
4. Zakharova L. N. [Regional culture as an object of research] In: *Fenomeny kul'tury* [Cultural phenomena], 2019, pp. 34–38.
5. Kapitsyn V. M. [Symbols of national identity as a soft power resource]. In: *DISKURS-PI* [DISCOURSE-PI], 2014, vol. 11, no. 1, pp. 113–118.
6. Karmadonov O. A., Kovrigina G. D. [Social conjunction in the resource aspect]. In: *Vestnik instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2016, no. 2 (17), pp. 13–26.
7. Klyueva E. A. [Cultural space as a scientific category]. In: *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 2015, no. 4, pp. 43–46.
8. Levashov V. K. [Welfare state: historical genesis and dynamics of formation in Russia]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2017, no. 7, pp. 32–46.
9. Litvinov E. P. [Security as a philosophical category]. In: *Prostranstvo i vremya* [Space and time], 2014, vol. 7, no. 1, pp. 2.

10. Marx K. [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. In: *Marks K., Engel's F. Soch.* [Marx K., Engels F. Comp. Vol. 42]. Moscow, Izdatel'stvo Politicheskoi Literatury Publ., 1974, pp. 41–174.
11. Mikhailenko A. N., Skaldutsky S. V. ["Soft law" in Russian-Ukrainian relations]. In: *Vlast' istorii i istoriya vlasti.* [The power of history and the history of power], 2017, vol. 3, no. 4 (10), pp. 491–515.
12. Polutin S. V. [Object-subject field of regional sociology and region studying]. In: *Razvitie sotsial'nogo prostranstva Rossii: novye vyzovy i perspektivy* [Development of social space in Russia: new challenges and prospects]. 2018, pp. 47–51.
13. Stepin V. S. [Global culture: diversity of experiences and universal values]. In: *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsii: stanovlenie global'noi kul'tury. T. 2* [Dialogue of cultures and partnership of civilizations: the formation of a global culture], St. Peterburg, St. Peterburg University of the Humanities and Social Sciences, 2010, vol. 2., pp. 71–92.
14. Hantington S. *Stolknovenie tsivilizatsii* [The clash of civilizations]. Moscow, AST Publ., 2016. 640 p.
15. Chellen R. *Gosudarstvo kak forma zhizni* [State as a form of life]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 319 p.
16. Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers.* Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 564 p.
17. Fawcett L. *Regionalism by Emulation: Considerations across Time and Space.* In: *Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World.* Abington, Routledge, 2016, pp. 33–55.
18. Horowitz D. L. *Democracy in Divided Societies.* In: *Journal of Democracy*, 1993, no. 4, pp. 18–38.
19. Jones M., Jones R., Woods M. *An introduction to political geography: Space, place and politics.* New York, Routledge, 2004. 202 p.
20. Kissinger H. *World Order.* New York, Penguin books, 2015. 420 p.
21. Nyman J. What is the value of security? Contextualising the negative/positive debate. *Review of International Studies*, 2016, no. 42 (5), pp. 521–839.
22. Zhukov A., Bernyikevich T. Religious security of the Russian Federation as Reflection object of the philosophy and religious studies // MATEC Web of Conferences, 2018, pp. 10003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кононов Сергей Викторович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры управления войсками (подразделениями в мирное время) Дальневосточного высшего общевойскового командного училища имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского;
e-mail: kononov7744@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Kononov – Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Command and Control of Troops (Units in Peacetime), Far Eastern Higher Combined Arms Command School, named after Marshal of the Soviet Union K.K.Rokossovsky;
e-mail: kononov7744@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кононов С. В. Модель социальной безопасности в отражении дискурсов социальной философии и регионалистики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 43–52.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-43-52

FOR CITATION

Kononov S. V. A Model of Social Security in Reflecting the Discourses of Social Philosophy and Region Studying. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no 1. pp. 43–52.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-43-52

УДК 130.2

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-53-64

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИАЛОГИЗМА КУЛЬТУРНОГО ПОЛЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ (В АСПЕКТЕ ЭТНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ)

Кравченко В. В.

*Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)
125993 г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть внутрикультурный и межкультурный диалог как этно-энергетическое явление.

Процедура и методы. В основе исследования лежит этно-энергетическая концепция культурного поля. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, интерпретации и дискурсивный анализ.

Результаты. Проведённый анализ показал, что культурное поле формируется и развивается диалогически, в виртуальных и реальных взаимодействиях, вызванных эмоциями, переживаниями и чувствами, обуславливающих бессознательные и рационально мотивированные цели отдельных индивидов. Подчёркнут эмоционально-энергетический «смысл», или «подтекст» любой культурной ситуации. Намечено оптимальное развитие коммюнитарного культурного поля, выстраиваемого в диалогах, обусловленных всё более осозанным и ответственным (новым соборным) взаимодействием индивидуализированных субъектов в современном цивилизационном контексте.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён материал по исследуемой теме. Результаты исследования вносят вклад в теорию культурного поля и этно-энергетическую концепцию культуры.

Ключевые слова: культурное поле, этно-энергетическая концепция культуры, внутрикультурный и межкультурный диалог, квази-этнос, индивидуализированный субъект, соборность, коммюнитарность, универсальные чувства

TRANSFORMATION OF THE CULTURAL FIELD DIALOGISM IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC (IN THE ASPECT OF THE ETHNO-ENERGY CONCEPT)

V. Kravchenko

*Moscow Aviation Institute (National research university)
4 Volokolamskoye sh., Moscow 125993, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider intra-cultural and cross-cultural dialogue as an ethno-energetic phenomenon.

Methodology. The research is based on the ethno-energy concept of the cultural field. Methods of observation, generalization, interpretation, and discursive analysis are used in the study.

Results. The research showed that the cultural field is formed and develops dialogically, in virtual and real interactions caused by emotions, experiences and feelings, which determine the unconscious and rationally motivated goals of some individuals. The emotional and energetic “meaning” or “subtext” of any cultural situation is emphasized. The optimal development of the communitarian cultural field is outlined, which is built in dialogues conditioned by the increasingly conscious and responsible (new conciliar) interaction of individualized subjects in the modern civilizational context.

Research implications. The material on the theme of the research is generalized. The results of the research contribute to the theory of the cultural field and the ethno-energy concept of culture.

Keywords: cultural field, ethno-energetic concept of culture, intra-cultural and intercultural dialogue, quasi-ethnos, individualized subject, conciliarity, communitarity, universal feelings

Введение

В философско-культурологическом исследовании понятие «поля» связано с проблемой целостности психики человека и синхронизации эмоционально-психической сферы отдельных социокультурных коллективов, а также – с анализом распределения сил в непрерывной динамике культурных взаимодействий. Рассмотрение любой культурной ситуации проводится с точки зрения отдельного субъекта, а не в «объективных физических» терминах. Культурная ситуация представляется как особое сочетание культурно-психологических факторов, в первую очередь, связанных с эмоциональной сферой человека; факторов, определяющих состояние, действия и взаимодействия человека как субъекта культуры.

В концепции «культурного поля» [10, с. 190–293] подчеркнут энергетический социально-культурный аспект человеческого поведения, коммуникации и деятельности, связанный с существованием и развитием конкретного этноса (понятие «этнос» мы принимаем из учения Л. Н. Гумилева – как «естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким же коллективам, исходя из ощущения комплиментарности») [5, с. 499]. Мы рассматриваем этнос как особую сферу существования и взаимодействия разнообразных энергий в человеческих коллективах, особым образом структурированных на эмоционально-информационной основе. Этнос (в широком смысле, как устойчивое социокультурное образование) «рождается» в результате «пассионарного толчка» («энергетического взрыва»), связанного с деятельностью «пассионариев» (людей «энергоизбыточного типа», по Л. Н. Гумилёву, обладающих «врожденной способностью абсорбировать из внешней среды энергии больше, чем этого требуется для личного и видового самосохранения, и выдавать эту энергию в виде целенаправленной работы по ви-

доизменению окружающей их среды» [5, с. 506]) Пассионарность – мощный эмоционально-энергетический заряд, ускоряющий формирование или существенную трансформацию этноса, образующий или резко повышающий энергетический потенциал этно-культурного поля. Этнос формируется за счёт распределения исходной пассионарной энергии и энергетического взаимодействия между людьми. Эти взаимодействия, как результат энергетического обмена, проявляются прежде всего в эмоциях (как особых энергетических «двигателях») и «генераторах» психической жизни), переживаниях (как процессе перераспределения и дополнительного расхода человеком эмоциональной энергии в собственном энергетическом поле и в результате – самовоздействия человека не только на эмоциональном, но и на физическом, и рациональном уровнях) и чувствах (как результате рационального осознания и ментального направления энергии эмоций на любой объект или другого человека). При этом культурное поле, т. е. уникальная жизненная среда человеческих коллективов (категорически отличающаяся от природной среды [8]), формируется и существует за счёт биоэнергии каждого члена этого коллектива и разнообразных энергетических взаимодействий внутри коллектива.

Этно-энергетический аспект рассмотрения культурного поля

«Культурное поле» в энергетическом плане – непосредственно воспринимаемая и действенная часть культурного бытия человечества, продуцируемая и поддерживаемая эмоциями, переживаниями и чувствами конкретных людей. Культурное поле материально, однако носит не столько вещественный, сколько полевой (виртуальный) характер, оказываясь особой энергетической средой, которая, в отличие от природного ландшафта, предполагает уникальные человеческие взаимодействия, особое культурное «напряжение». Для нормального функционирования и развития культурного поля необходимы непрерыв-

ная «обратная связь», «диалогизм»: культурного поля с природной средой, взаимодействия различных культурных полей (и микрополей) между собой, постоянное и действенное поддержание энергетического «напряжения» всех уровней культуры между всеми субъектами (индивидами и группами) культурного поля.

В этно-энергетической концепции особую роль играет классификация членов этноса «по энергиям»: суперстрастные («пассионарии» в терминологии Л. Н. Гумилёва), «страстные» (с меньшей пассионарностью), «обычные» (гармоничные), «инертные» (субпассионарные) [10, с. 134–136]. Каждый энерготип определяется значительным разнообразием индивидуальных психических организаций, «энергоёмкостью» жизненных сил и социокультурных позиций, способностей деятельности и т. п.

Культурное поле – это в первую очередь культурное напряжение, иначе говоря, прямые и непосредственные энергетические взаимодействия человека с себе подобными и культурно значимыми предметами и объектами, а не просто физическое существование человеческого существа среди людей и материальных культурных объектов. В эпоху динамичного развития интернета реальное культурное поле для большей части молодёжи – это виртуальное интернет-пространство, социальные сети, мессенджеры и т. п. В нынешней культурной ситуации как никогда стало очевидно, что культурное поле – явление виртуальное, в своём современном существовании обусловленное теми видами технической коммуникации, которые выработало общество. Но в сущности своей культурное поле – это всегда сфера непрерывных и разнообразных диалогов и полилогов. Общение, коммуникации, воспитательное воздействие, стимуляция и выработка культурных навыков, трансформация биологических инстинктов и эмоций в культурные – вот что такое культурное поле, которое является единственной возможностью «возделывать», очеловечить биологический материал «хомо

сапиенса», сохранить и усовершенствовать человека как культурное существо.

Именно отдельные личности как носители определённых культурных традиций и являются основными представителями того сложного и многоаспектного процесса, который именуется «диалогом культуры». «Пассионарии» (суперстрастные) личности, согласно концепции Л. Н. Гумилёва, создают новый «этнос» и задают ему первоначальный мощный психоэмоциональный «заряд», но также, согласно этно-энергетической концепции, определяют формирование, развитие и трансформацию этнокультурного поля. В этом аспекте культура имеет привнесённый, индуктивный, навешенный, а в психологических терминах – заразительный характер. В средовом плане культура – это искусственное энерго-динамическое поле целенаправленной человеческой активности, существующее в историческом и физическом планах по закону рассеивания изначального пассионарного «заряда» и увеличения энтропии социальной системы. Как и в физическом поле, в культуре возможны процессы самоиндукции, повышения энергии системы за счёт перераспределения имеющейся в системе и привлечённой извне энергии (если считать, что этнос в социокультурном плане – это открытая неравновесная система, существующая по законам живых организмов). Исходный энергетический заряд этноса распространяется в системе как на полевом, так и на генетическом уровне (дрейф генов), потому все члены этноса физически-генетически несут в себе частицу пассионарности этнически-энергетического «предка» пассионария.

К проблеме «квази-этносов» и диалога / монолога

В современном глобализованном обществе, где в значительной степени нарушены традиционные этнические связи, в культурном поле формируются особые энергетические «сгустки», которые условно можно обозначить как «квази-этносы» (похожие на этносы). В отличие от «суб-

культур», «квази-этноты» обладают минимальной материальной определённой, а формируются преимущественно на энергетическом уровне благодаря схожести жизненных установок и направлениям усилий представителей данного социального феномена. В квази-этноты нет подлинных пассионариев, а есть временные образцы – «лидеры», «модели», «иконы стиля» и т. п., – которые сами являются не столько личностями, сколько внешними образцами для подражания. Квази-этноты могут формироваться искусственно (например, в фэшн-индустрии), ими можно манипулировать, скрывая реальные источники энергии, цели и задачи формирования того или иного виртуального «общества». Ведь для функционирования и развития культурного поля важны все члены этноты, которые вольно или невольно, намеренно или бессознательно влияют на его характеристики.

Этнотическое (и квази-этнотическое) культурное поле порождается и поддерживается благодаря энергетическому диалогу всех без исключения членов этноты. В этом моменте мы полностью солидарны с основополагающей мыслью философа М. М. Бахтина об изначальной диалогичности культуры. Он полагал: «Ведь диалогические отношения – явление гораздо более широкое, чем отношения между репликами композиционно выраженного диалога, это – почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще всё, что имеет смысл и значение» [2, с. 71].

В терминах М. М. Бахтина следует говорить о бесконечном и непрерывном «диалогизме» культуры. Потому мы рассматриваем не только бесконечный «диалог» культуры и природы, разнообразные процессы межкультурного взаимодействия, но также напряжённую и безостановочную внутреннюю культурную жизнь (внутрикультурный диалог [9]), построенную на различных формах противостояний и диалогов от резких уличных столкновений до интеллектуальных обсуждений. И эти

многогранные диалоги являются основой существования и развития культуры, приводят к её эволюционным трансформациям и революционным преобразованиям.

Диалог между индивидуумами перерастает в диалог групп (семей, объединений, сообществ), затем – этнотосов и народов. Подчёркнём, что нас интересует не формальное или поверхностное «общение», а полноценный энергетический обмен, который только и можно именовать «диалогом» (полилогом). По мысли М. М. Бахтина, в диалоге, когда сталкиваются Я и Другой, происходит одновременно самоутверждение, раскрытие и осознание (в своей принципиальной незавершённости!) обоих субъектов в процессе общения. «Подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в неё, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя» [2, с. 100–101].

В эпоху пандемии, когда прервались налаженные и привычные связи и взаимодействия, подавляющее число людей столкнулось с проблемой вынужденного одиночества и длительного существования в замкнутом пространстве. Само понятие «диалога» было переосмыслено, виртуальное культурное взаимодействие проявилось во всей своей изначальной и так долго не постижимой значимости.

В классической философии доказано, что истинный диалог – это развитие и обогащение глубинного внутреннего монолога незаурядной личности (который в действительности зачастую являлся диалогом гения с Богом). Одиночество как жизненная стратегия отдельного человека, выпадение из постоянного культурного диалога и противопоставление уединённого образа жизни обычному социальному общению, – в истории культуры явление, как правило, чрезвычайное, но хорошо известное. В древности одиночество было не востребованным для обычных членов сообществ, не понимавших себя вне коллектива, и оно даже было страшным наказанием в древности (изгнание из племени). При этом шаманы и вожди периодически нуждались в одиночестве, концентрируясь на решении

важных проблем всего племени. Шаманы, как правило, селились неподалеку от временного или постоянного стойбища, предпочитая общению с соплеменниками таинственные контакты с духами. Строго говоря, они никогда не были одиноки, но с точки зрения обычных людей шаманы вели уединённый образ жизни.

Некоторые обряды посвящения древности требовали, чтобы неопит, проходя суровые ступени духовных и физических испытаний, определённый период времени (иногда довольно продолжительный – от нескольких недель до года) находился в полной изоляции.

Во всех культурах некоторые виды деятельности или целые культурные направления предполагали постоянное или продолжительное нахождение в одиночестве. Так, в религиозных сектах и Востока, и Запада религиозные фанатики (индийские садху и персидские дервиши, суфии и монахи-заговорники разнообразных сект) зачастую совершали свои религиозные подвиги в строгом одиночестве. И здесь мы подчёркиваем определённые культурные практики отказа религиозных деятелей от обычных социальных диалогов в пользу их насыщенных диалогов с высшими силами, которые не ослабляли, а усиливали напряжение их этнорелигиозного культурного поля.

Как показывает история, у обычных людей одиночество понималось как трагическое обстоятельство (жизнь на необитаемом острове в результате кораблекрушения), вынужденное положение (заброшенность стариков, потерявших родственников), в конце концов, – одиночное тюремное заключение преступников, считающееся одним из самых мучительных наказаний...

С процессом индивидуализации членов общества одиночество всё более осознавалось как в некоторых случаях необходимое и закономерное, принимая различные социокультурные формы. Одинокие гении провозглашали новые идеалы, алхимики свершали тайное делание в поисках философского камня, художники, скульпторы,

писатели и поэты создавали шедевры в уединении; анахореты усиленно молились в пещерах; эгоисты высокомерно пренебрегали общественными интересами; правители, ощущавшие себя трагически одинокими в толпе злокозненных придворных, страдали от мании преследования. В обычной жизни одиночество было уделом чудаков, изгоев и мизантропов, а в целом – часто непозволительной роскошью для обывателя и разумного человека. Общество крепко держало своих членов разнообразными социальными связями, диктовало жёсткие рамки поведения, каждому назначало определённые роли и функции...

В XVIII в. романтики придали одиночеству ореол таинственности и притягательности. Одинокие путешествия в экзотические страны (уже не религиозные, а поэтические, научно-исследовательские, творческие «паломничества») стали источником творческого вдохновения...

Уникальность каждого человека – отправной момент целого ряда философских направлений. В XIX в. философы заговорили об «атомизации» общества, всё более частом стремлении обычных людей уходить из-под гнёта хозяев или начальников, от семьи, от социальных обязательств... Так проявлялась жажда независимости – экономической, социальной, политической, духовной, религиозной...

Социальные сдвиги конца XX в., ознаменованные борьбой за права человека, естественным образом раскрепостили во всех и каждом не только чувство собственного достоинства и способность самостоятельного социального действия, но также ощущение «свободного полёта», возможного освобождения от многих социальных уз и узылиц, обязанностей и обязательств... «Атомарность» человека осознавалась мыслителями «философии жизни», экзистенциализма, персонализма и т. п. как идея (модель, проект) наступающей эпохи «модерна». К концу XX в. социальное одиночество превратилось в глобальное явление, характерное для большинства населения Земли.

Состояние современного общества некоторые социологи считают ранее неизвестным человечеству. Знаменитый британский социолог и философ Зигмунд Бауман назвал новое общество «индивидуализированным». Оно, по его мнению, – результат модернизации и разрегулированности социально-экономических, политических, духовно-нравственных и культурных связей и взаимодействий. По мнению Баумана, «...мы вступили на территорию, которая никогда прежде не была населена людьми, – и территорию, которую культура в прошлом считала непригодной для жизни» [1, с. 316]. Утрачен баланс между общественным и частным, разрушаются прежние формы социальности, нынешний этап существования общества – это и есть подлинное «модернити», которое подготавливалось два предыдущих столетия. Современный человек ищет одиночества, устав от чрезмерно напряжённой социальной жизни, а вместе с тем – освобождается от традиций, социальных обязательств, ответственности... [7].

В XX в. одиночество в социокультурном плане можно рассматривать как способ выживания социального субъекта в условиях отсутствия жёсткой идеологии, относительной экономической свободы и размытых границ социального контроля. При этом социальный субъект, избравший одиночество как индивидуальную форму дозирования необходимых форм взаимодействия и диалога, стремится сохранить свою личность в непредсказуемой социальной среде. Осознание независимости, самостоятельности, неподвластности, самодостаточности, возможности удовлетворить свои основные духовные и материальные потребности – вот основа мотивации такого социального субъекта. Он предпочитает социокультурным диалогам формирование собственного монолога (в действительности – внутреннего диалога между возникающими различными сторонами его Я). Согласно исходному принципу существования культурного поля подчеркнута индивидуализированные члены общества составляют особые квази-этно-

сы, энергетически взаимодействующие с другими членами общества.

Достаточно изучен (и неоднократно описан в научно-популярных и художественных произведениях) феномен «дауншифтинга», когда успешный, семейный, социально состоявшийся, богатый или хорошо обеспеченный человек вдруг отказывается от карьеры, семьи, материального достатка – и сбегает в какую-нибудь тропическую страну, чтобы вести там рассеянный и одинокий образ жизни, иногда на грани нищеты. Так современный субъект культуры пытается создать индивидуализированный виртуальный «оазис» эгоистического существования в чужом социуме. Это уже не романтические искания себя в необычных обстоятельствах, не поиск «простой жизни» (в духе Генри Торо), не толстовское «опрошение», не бегство от рутины и собственной никчёмности: Чайльд Гарольд и Печорин забыты навсегда. В условиях перезрелого «общества потребления» речь идёт о бегстве от стресса, о поисках свободы от обязанностей, полной открытости новому жизненному опыту. Как подчёркивают исследователи данного явления, дауншифтинг приобретает популярность благодаря контенту социальных сетей [6]. И это, на первый взгляд, слишком радикальное жизненное решение оказывается наиболее приемлемым для некоторых личностей диалогом с социальным и культурным окружением.

Можно привести пример ещё одного необычного квази-этноса. С середины XX в. в Японии бьют тревогу: многие молодые люди демонстративно отказываются работать и учиться, стремясь вести художественно-свободный образ жизни (как правило, за счёт своих родителей), намеренно избегая семейных уз, постоянных связей, следования традициям. Это направление получило название «хикikomори» («нахождение в уединении»), в просторечии – «хикки»; оно обозначает людей, намеренно отказывающихся от социальной жизни. В стране, где всегда было нормой работать до седьмого пота и думать о сохранении и приумножении семьи, такое поведение молодё-

жи старшее поколение просто ошеломляет. Подобная молодёжная мода захватывает и западные страны – там всё больше молодых людей хочет жить в своё удовольствие, не учась и не работая, эгоцентрично нарушая все устои, социальные нормы и традиции. Иначе говоря, коренным образом меняется диалог поколений. Легче всего отнестись это явление к области социальной психологии или даже психиатрии [13], но в энергетическом плане очевидно, что в культурном поле некоторых стран Востока и Запада появились такие жизненные «ниши», в которых подобный социальный эгоизм может реально существовать.

Во многом одиночеству способствует развитие компьютерных технологий. Человек наедине с гаджетом – символ нашего времени. Сегодня никого не удивляют одинокие самозабвенные компьютерные игроки, самодостаточные твиттерьяне, самопрезентации в социальных сетях (зачастую не для кого-то, а ради самолюбования)... Психологи бьют тревогу по поводу нового вида психического заболевания – компьютерной зависимости.

В действительности в обыденной жизни индустриального общества с экономической точки зрения одинокому человеку легче выжить. Многие молодые люди, озабоченные ценами на образование, жильё, проживание, добровольно отказываются от создания собственной семьи, а главное – детей. Некоторое время назад сформировалось целое молодёжное движение – «childless», или «childfree» (свободных от детей), намеренно и демонстративно бездетных юношей и девушек. Некоторые исследователи считают это движение субкультурой, некоторые – особой идеологией, которая распространяется и в России [12]. Мы не склонны рассматривать это движение как отдельный квази-этнос, поскольку нежелание иметь собственных детей характерно и для дауншифтеров, и для хикикомори... Но подобный тренд перенаправления социальной энергии (с формирования следующего поколения на самовыживание) у нынешней молодёжи весьма тревожен.

С другой стороны, в мегаполисах XX в. появился целый социальный слой «метросексуалов». Это молодые менеджеры, банковские служащие, компьютерные фрилансеры (одно время именно для них был введён термин – «яппи») – бессемейные, ухоженные, самовлюбленные, в двадцать лет делающие успешные, головокружительные карьеры и ведущие насыщенную светскую жизнь [11]. С позиции социального и культурного диалога метросексуал распространяет вовне свой внутренний эгоистический монолог, он «переводит» его в регулируемое им социальное общение, которое вместе с подобными индивидами создаёт то, что в культурологии называется «субкультурой», а нами – особым сегментом культурного поля, квази-этносом. В нём предполагается особый тип диалогов, которые в энергетическом плане отличаются минимальным культурным напряжением. При внешней социальной активности каждый метросексуал является эгоистом-одиночкой, полностью погружённым в собственную деятельность, самолюбование и поддержание изысканного внешнего имиджа. Светские связи, «тусовки», пафосные мероприятия – это, как правило, культурная бутафория, прикрывающая более мощные в энергетическом плане и чужие взаимоотношения бизнес-структур, политических, социально-экономических или даже криминальных организаций. Метросексуал в культуре, как трутень в улье, существует до тех пор, пока его могут использовать (или его внешним блеском могут прикрываться) другие субъекты культуры, не желающие быть на виду.

Итак, в индустриальном и постиндустриальном обществе XX в. сформировались несколько видов квази-этносов, как форм социального одиночества и социальной монологизации индивидов, пытающихся реформатировать общество в угоду своему эгоизму, экономически, социально и культурно обеспеченному и серьёзно технически вооружённому. Подобный вызов дауншифтеров, и эгоцентризм метросексуалов, и психопатия

компьютерных игроманов, и множество других форм существования «соло» в действительности – новый социальный ресурс виртуального одиночества и социального монологизма ресурс, остро востребованный в перенаселённом и многосложном мире. Мире, по определению З. Баумана, «незримых граждан невидимого общества». В этно-энергетическом плане – это процесс социального самоубийства определённых культурных полей, поскольку чрезмерный монологизм субъектов некоторых сегментов культурного поля – небывалая социально-культурная нагрузка, всё более отягощающая и усложняющая жизнь реального общества, а также трудноразрешимая глобальная проблема целого культурного поля.

Нынешняя пандемия фактически нивелировала все предшествующие формы «эгоистического монологизма» (а точнее – экономическую основу иждивенчества квази-этносов: родители не в состоянии кормить хикикомори, метросексуалы и яппи лишились своего социального статуса и сверхдоходов, даже дауншифтеры, как оказалось, слишком рассчитывали на свою накопленную финансовую «подушку безопасности»). Пандемия продемонстрировала основной социокультурный тренд – выживание отдельного индивида в самоизоляции, которое оказалось возможным только при условии исправно работающих государственно-политических структур. Обнажились реальные рычаги и механизмы существования современного общества, способного порождать самые причудливые виртуалы и квази-этноты социо-культурных полей. Одновременно с этим выявились основные проблемы различных видов культурных диалогов – межличностных, межгрупповых, международных... Оказалось, что проблема самоизоляции – не просто в вынужденном одиночестве, а в том, что индивид, требующий уважения к своей свободе и независимости, не способен выжить без социальных структур и взаимодействий (не только экономических).

Новый взгляд на философскую классику

Можно ли совместить сегодня достигнутые социальные позиции в области прав отдельных людей и при этом наладить их постоянный, свободный и энергетически насыщенный диалог, который, как мы доказываем, является основой существования общества как такового? Как уйти от стремления самоутверждающихся личностей (вне зависимости от их истинных социокультурных достоинств) превращать диалоги в монологи, которые не только энергетически истощают саму личность, но и разрушают нормальное функционирование культурного поля?

Один из возможных ответов мы можем обнаружить, восстановив диалог поколений, когда богатейший философский опыт классической русской мысли прошлого века актуализируется и способен удовлетворить современный запрос.

В обыденном сознании вплоть до конца XX в. идея социального единства (социальности, коллективизма) довлела над нарастающим самоопределением и самоощущением «отдельности» каждой личности. Однако она уже становилась предметом теоретического рассмотрения. Скажем, знаменитый русский философ Н. А. Бердяев, анализируя специфическое русское понятие «соборности», увидел возможность соединить идеи свободы личности и социокультурного единства.

Понятие «соборности» впервые было введено в XIX в. славянофилом А. С. Хомяковым. Н. А. Бердяев в статье «Личность и общинность», рассчитанной на западного читателя, для того, чтобы пояснить, какой смысл вкладывают русские в понятие «соборности» (не существующее на других языках мира), был вынужден ввести особый термин – «коммуотарность». По его мысли, коммуотарность – это общинность, но не отсталость, не авторитарность, не бездушный индивидуализм, не безличность. Коммуотарность не есть коллективизм, хотя может в коллективизм вырождаться. Н. Бердяев писал: «...коммуотарность всегда сказывалась в русских

нравах, в раскрытости русских домов, в гостеприимстве, в потребности русских людей в общении, в нелюбви к условностям и формальностям общения, в жалостливости и необыкновенной способности к жертвам русского народа» [3, с. 236].

Идея соборности в интерпретации Бердяева – это «соединение принципа личности и свободы с принципом коммюнитарности». Соборность отличается и от религиозного индивидуализма, и от религиозного авторитета; это высшая реальность «духовной коммюнитарности», «коммюнитарного гуманизма».

Сегодня подобные рассуждения представляются далёким от жизни идеализмом, поскольку Н. А. Бердяев объединение принципа личности и принципа коммюнитарности видел в духовном христианском возрождении. Но эти идеи могут помочь нам осознать, какие духовные трансформации должны произойти в диалогах отдельных индивидов и различных культур, чтобы реально функционирующее глобальное культурное поле всего человечества могло нормально функционировать.

Этно-энергетическая концепция показывает, что вынужденная самоизоляция в условиях пандемии есть только перераспределение энергетических взаимодействий из материально-физической области культурного поля в область виртуальных, но не менее существенных социокультурных взаимодействий. Эта ситуация приводит к переформатированию и иногда – даже упрочению нормальных и привычных «диалогов» индивидуальных субъектов культурного поля как непосредственных «потребителей» и «источников» социокультурной энергии. (В некоторых семьях родители впервые за многие годы смогли постоянно общаться со своими детьми и по-настоящему ощутить все проблемы установления внутрисемейных диалогов. Отрицательных примеров много, но не будем на них останавливаться.) Сегодня непонимание или недооценка важности каждой личности как социокультурной единицы и «энергетически заряженной частицы» общества может приводить к раз-

балансировке всей социальной системы. Рассудительные политтехнологи умело направят неизрасходованную культурную энергию целых социальных групп в нужное им русло, не беря ответственности ни за безопасность людей, ни за судьбы государства. Они легко воспользуются незрелостью, несамостоятельностью, безответственностью молодёжи, а также дезориентацией вчерашних дауншифтеров, хикикомори, чайлдфри и метросексуалов, наиболее подверженных социальному «заражению». Любкой психолог легко объяснит такую ситуацию: подростку или социальному маргиналу, вынужденно просидевшему в самоизоляции несколько месяцев, кто угодно в сети предложит просто «пойти на тусовку», и наш пользователь интернета помчится стремглав, даже не уточняя, что за «тусовка» и по какому поводу. В терминах нашей этно-энергетической концепции мы подчёркиваем: в самоизоляции энергия накапливается, и в каком направлении и насколько безопасно она будет реализована, зависит от систем управления обществом, в свою очередь, представляющих собой коллектив мыслящих и целенаправленно действующих личностей.

Именно сейчас на первый план вышли те важнейшие «скрепы» культурного поля, которые были отодвинуты на второй план соображениями сиюминутной экономической выгоды, цинизмом ежедневной борьбы за социальное выживание, забвением духовных основ человеческой жизни. В небывалых исторических условиях формируется диалог власти (как наиболее энергетичных и ресурсных структур) и общества (в лице ответственных и открытых к социокультурному диалогу личностей); а в диссонансе к этому трудному процессу поднимаются голоса тех личностей, групп и квази-этносов, которые стремятся любой ценой отстоять своё право на расширенный собственный монолог, когда не слушают другую сторону и отстаивают собственные интересы и представления о нормах той, докарантинной жизни.

Универсальные чувства – цель или средство?

Сейчас становится очевидным теоретический факт [10, с. 145–168]: в процессе существования совершенствующегося человеческого этноса вырабатываются **универсальные чувства**, которые способны продуцировать уникальные виды человеческой, и только человеческой, энергии. Универсальные чувства в культуре воплощают наиболее желанные цели, к которым должны стремиться люди, осознавая именно эти чувства как высшую духовную ценность. Именно эти чувства, как представляется, должны стать основой «новой соборности» индивидуализированного общества и нового понимания коммюнитарности. Направление коллективной энергии на достижение благородных и идеальных целей даёт возможность обществу существовать как объединению людей, не скатываясь к вырождению. Энергии, расходуемые в процессе формирования и переживания универсальных чувств, качественно трансформируют любую человеческую активность – и материальную, и духовную.

Универсальные чувства, пробуждаемые мега- и макрокосмическими влияниями, внутри этноса зарождаются и осмысливаются в индивидуальных переживаниях, межличностных противоречиях и разнообразных формах деятельности на всех уровнях социокультурной динамики, проявляясь в самых разнообразных видах диалогов и полилогов. И эти диалоги и полилоги должны быть целенаправлены и осмыслены каждым индивидом. Энергии, расходуемые в процессе формирования и переживания универсальных чувств – Любви, Совести, Веры – качественно трансформируют материальную и духовную человеческую активность; они определяют целый ряд сопутствующих общезнаменитых переживаний и чувств: сострадание, чувства свободы и творчества, надежду... Они обеспечивают глубинную консолидацию отдельного этноса и характерные переживания каждого его члена,

ощущение сопричастности к единому обществу как целостному организму, и осознание подлинного духовного родства. На высоком уровне осмысления универсальные чувства соединяют культуры различных этносов в общечеловеческую культуру, определяя духовное родство всех и каждого.

Заключение

Универсальные чувства — Любовь, Совесть, Вера – являются основой «полевого» взаимодействия различных культур, их реального межкультурного диалога. Историческая состоятельность того или иного этноса определяется культурной зрелостью и «освоенностью» универсальных чувств. По существу, с энергетической точки зрения, универсальные чувства в человеке и человечестве – это особые проявления высших космических энергий, «подключиться» к которым можно лишь с определённого уровня развития (эмоционального накала и степени осознанности) культурных человеческих чувств. Универсальные чувства направляют культуру всего человечества (как интегрированную совокупность всевозможных взаимодействующих культурных полей) к совершенствованию и формированию человеческой «космосферы» (в учении В. И. Вернадского — «ноосферы» [4, с. 124–152]).

Диалог культур становится возможным и реальным в процессе формирования единого культурного поля общечеловеческой культуры, построенного на признании и развитии универсальных человеческих чувств. На всех энергетических уровнях культуры – от «атома» индивида до мощных «зарядов» этнических и межнациональных культур – универсальные чувства, как основа разнообразных и разноуровневых диалогов способны поддерживать, развивать и сохранять общечеловеческую культуру.

Статья поступила в редакцию 05.02.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 471 с.
3. Бердяев Н. А. Личность и общинность (коммунотарность) в русском сознании // Бердяев Н. А. Истина и откровение. СПб.: Изд. РХГИ, 1996. С. 235–261.
4. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
5. Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы. М.: Экопрос, 1993. 544 с.
6. Зайцев П. Л., Оводова С. Н. Дауншифтинг или опрощение? К вопросу об авторстве современного культурного явления // Вестник Омского университета. 2018. Т. 23. № 4. С. 158–161.
7. Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность. М.: Альпина Нон-фикшн, 2018. 279 с.
8. Кравченко В. В. Космические основы понимания «Природы» в её взаимоотношениях с «Культурой» // Информация и космос. 2017. № 2. С. 180–188.
9. Кравченко В. В. Российский внутрикультурный диалог в духовных измерениях пространства и времени // Культура диалога культур: постановка и грани проблемы. М., 2016. С. 171–176.
10. Кравченко В. В. Симфония человеческой культуры. М.: Аграф, 2017. 384 с.
11. Остроух И. Г. Метросексуал – стиль жизни, форма самореализации и самосознание мужчины в постиндустриальном обществе // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 14–22.
12. Халфина Р. Р., Тимченко Т. В., Сафронова Е. В. Психосоциальные причины развития чайлдфри в России // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60. С. 475–478.
13. Teo A. R. Social isolation associated with depression: A case report of hikikomori // International Journal of Social Psychiatry. 2013. Vol. 59. №4. P. 339–341.

REFERENCES

1. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. Moscow, Logos Publ., 2005. 390 p.
2. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972. 471 p.
3. Berdyayev N. A. [Personality and community (communality) in the Russian consciousness]. In: *Berdyayev N. A. Istina i otkrovenie* [Berdyayev N.A. Truth and revelation], 1996, pp. 235–261.
4. Vernadskii V. I. *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical thoughts of a naturalist]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 520 p.
5. Gumilev L.N. *Etnosfera. Istoriya lyudei i istoriya prirody* [Ethnosphere. History of people and history of nature]. Moscow, Ekopros Publ., 1993. 544 p.
6. Zaitsev P.L., Ovodova S.N. [Downshifting or Simplification? On the question of the authorship of a modern cultural phenomenon]. In: *Vestnik Omskogo universiteta* [Omsk University Bulletin], 2018, vol. 23, no. 4, pp. 158–161.
7. Klyainenberg E. *Zhizn' solo. Novaya sotsial'naya real'nost'* [Solo life. New social reality]. Moscow, Al'pina Non-fikshn Publ., 2018. 279 p.
8. Kravchenko V.V. [Cosmic foundations of understanding «Nature» in its relationship with «Culture»]. In: *Informatsiya i kosmos* [Information and space], 2017, no. 2, pp. 180.
9. Kravchenko V.V. [Russian intra-cultural dialogue in the spiritual dimensions of space and time], *Kultura dialoga kul'tur: postanovka i grani problem* [Culture of the dialogue of cultures: formulation and boundaries of the problem], 2016. pp. 171–176.
10. Kravchenko V.V. *Simfoniya chelovecheskoi kul'tury* [Symphony of Human Culture]. Moscow, Agraf Publ., 2017. 384 p.
11. Ostroukh I.G. [Metrosexual is a lifestyle, a form of a person's self-realization and self-awareness in the post-industrial society]. In: *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 2006, no. 4, pp. 14–22.
12. Khalfina R.R., Timchenko T.V., Safronova E.V. [Psychosocial reasons for the development of childfree in Russia]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern teacher education], 2018 no. 60, pp. 475–478.
13. Teo A. R. Social isolation associated with depression: A case report of hikikomori // International Journal of Social Psychiatry, 2013, vol. 59, no. 4. pp. 339–341.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравченко Виктория Владимировна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и переводоведения Московского авиационного института (национального исследовательского университета);
e-mail: vickra@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Linguistics and Theory of translation, Moscow Aviation Institute ;
e-mail: vickra@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кравченко В. В. Трансформация диалогизма культурного поля в условиях пандемии (в аспекте этно-энергетической концепции) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 53–64.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-53-64

FOR CITATION

Kravchenko V. V. Transformation of the Cultural Field Dialogism in the Context of the Pandemic (In the Aspect of the Ethno-energy Concept). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no 1. pp. 53–64.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-53-64

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-65-74

ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Лонский Я. А.*Российский университет транспорта**127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Проанализировать особенности поликонфессионального подхода в деятельности транспортной отрасли современной России.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Автор, опираясь на вероучительные доктрины традиционных для России конфессий (православного христианства, ислама, буддизма и иудаизма), а также ряд документов, содержащих свод правил проектирования и строительства религиозных зданий и сооружений, предлагает включение в программу повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников транспортной отрасли тем, связанных со спецификой обслуживания пассажиров и мировоззрением работников, представляющих традиционные для России религиозные учения. В исследовании использованы принципы историзма и системности, а также сравнительный метод.

Результаты. Проведённый анализ показал, что в российском обществе в течение долгого времени религия была и по сей день остаётся одним из системообразующих элементов организации социума, формируя правила функционирования государства, оказывает влияние на разные стороны жизни, как отдельного человека, его семьи, так и общины. Поэтому, во избежание конфликтных ситуаций для работников сферы транспортной отрасли важно знание основ религиозных и культурных особенностей народов, населяющих Россию.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён материал по исследуемой теме. Предложенная система программ дополнительного профессионального образования работников транспорта, связанных с обслуживанием пассажиров транспортной сферы, вносит ряд новшеств по подготовке сотрудников транспортной отрасли, заключающихся в более качественном транспортном обслуживании как иностранных граждан, так и соотечественников, относящихся к традиционным для России конфессиям. Статья адресована как высшим должностным лицам, представляющим транспортную отрасль России, так и экспертам в области межконфессиональных отношений для профилактики и снижения накала религиозного экстремизма в обществе.

Ключевые слова: работники транспорта, религия, дополнительное образование, транспортная сфера, обслуживание пассажиров

POLY-CONFESSIONAL APPROACH IN THE ACTIVITIES OF THE TRANSPORT INDUSTRY IN MODERN RUSSIA

Ya. Lonsky*Russian University of Transport**9, bldg. 9 Obratsova ul., Moscow 127994, Russian Federation***Abstract**

Aim. To analyze the features of the poly-confessional approach in the activities of the transport industry in modern Russia.

Methodology. The body of texts has been analyzed. The author, relying on the doctrines of traditional for Russia confessions (Orthodox Christianity, Islam, Buddhism and Judaism), as well as on a number of

documents concerning the set of rules for the design and construction of religious buildings and structures, offers to include into the retraining programs for the transport industry employees the topics relating the specifics of passenger service and the worldview of workers representing traditional religions in Russia. The research uses the principles of historicism and consistency, as well as the comparative method.

Results. The research showed that in the Russian society religion has been for a long time, and, remains at present to be one of the system-forming elements of the organization of society. It forms the rules for the state functioning, influences various aspects of life of both an individual and his family, and the community. Therefore, in order to avoid conflict situations, it is important for the transport industry employees to know the basics of the religious and cultural characteristics of the peoples inhabiting Russia.

Research implications. The material on the theme of the research is generalized. The proposed system of additional vocational training on the programs for transport industry employees, involved into the passenger service, offers a number of novelties on preparing the employees for more effective transport service of both foreigners and the compatriots of traditional for Russia confessions. The article is addressed to both senior officials representing the transport industry in Russia and experts in the field of interfaith relations to prevent and reduce the intensity of religious extremism in society.

Keywords: transport industry employees, religion, additional education, transport sector, passenger service

Введение

На передовой современных глобализационных процессов находятся работники транспорта. Каждый год в нашу страну приезжают с целью туризма и работы миллионы иностранных граждан¹. Сотрудникам, работающим в сфере транспорта, приходится обслуживать пассажиров разных конфессий. И во избежание конфликтных ситуаций важно знать религиозные и культурные особенности как народов, населяющих Россию, так и иностранных граждан, приезжающих в нашу страну. А для руководителей различных транспортных узлов, транспортной отрасли в целом необходимо знать религиозные и культурные особенности традиционных конфессий России – православного христианства, ислама, буддизма и иудаизма, так как значительная часть их подчинённых является приверженцами данных конфессий.

Перечисленное выше обосновывает включение в программы дополнительного профессионального образования тем, связанных со спецификой обслуживания пассажиров и мировоззрением работников, представляющих традиционные для

Российской Федерации конфессии. К числу таких тем следует отнести [9; 10; 11]:

- «Роль религии в современном мире»;
- «Организация отправления религиозных обрядов в поездках»;
- «Влияние религии на обычаи народов различных государств»;
- «Организация питания представителей различных конфессий в поездках».

Рассмотрим основные содержательные компоненты перечисленных тем с опорой на труды известного педагога-методолога в области дополнительного профессионального образования академика В. Я. Синенко [15–20].

Роль религии в современном мире

Рассматривая данную тему, которую целесообразно изучать в один из первых дней курсов повышения квалификации, отведя на неё не более одного часа учебного времени, преподаватель обращает внимание слушателей на то, что религия зародилась одновременно с осознанием человека как элемента социума. В своей истории она претерпела многочисленные трансформации: от язычества к монотеизму, от тотального господства церкви и её контроля личности до запрета и гонения со стороны

¹ Ситуация пандемии очевидным образом существенно сократила этот поток, однако проблема транспортного обслуживания иностранцев не потеряла своей актуальности.

государства, распалась на отдельные ветви мировых религий, была причиной мировых войн и переселения народов, ныне мирно сосуществует с высокоразвитой наукой и техникой [12; 13].

Далее преподаватель может задать слушателям курсов вопрос: «Почему религия, несмотря на активные действия атеистов, смогла не только выжить, но и успешно развиваться, приобретая всё больше новых адептов?». Анализируя прозвучавшие ответы на этот вопрос, он отмечает, что религия представляет собой форму мобилизации разнообразной человеческой чаяний. Возникновение и долгое существование мировых религий объясняются потребностями человеческой души. Это поиск защиты перед лицом всегда суровой реальности, потребность в утешении [15].

Комплекс религиозных представлений имеет существенное значение, так как встроен в структуру мировоззрения. В этом контексте неважно, идёт ли речь о народах, которые исторически исповедовали ислам, христианство и другие религии, или речь идёт о тех индивидах, которые сегодня дистанцированы от религии, т. е. не ходят в церковь или мечеть. В любом случае эти люди выросли в системе культуры через ценностные установки, которые транслируются известными механизмами.

Завершая рассмотрение темы, преподаватель подчёркивает, что религия играла и до сих пор играет особую роль в жизни народов, населяющих нашу страну. И самое парадоксальное – то, что сотни народов и народностей, населяющих нашу страну, придерживающихся отличных друг от друга культурных и религиозных представлений, мирно и дружно проживают друг с другом.

Организация отправления религиозных обрядов в поездках

Во вступительном слове, предваряющем изучение данной темы, преподаватель отмечает, что в настоящее время при организации обслуживания пассажиров актуализируются вопросы предоставления

помещений для отправления религиозных обрядов, создания для этого соответствующих условий, не противоречащих правилам внутреннего распорядка организации и учитывающих интересы верующих различных конфессий, а также атеистов.

Что касается оборудования молельных помещений в аэропортах и на железнодорожных вокзалах, специалистам, занимающимся проектированием и строительством, необходимо учитывать специфику осуществления религиозного культа. Они должны знать некоторые важные вещи, касающиеся религиозной культуры верующих традиционных для России конфессий – православного христианства, ислама, буддизма и иудаизма. К примеру, для верующего мусульманина совершение пятикратной молитвы может происходить в любом подходящем месте (не обязательно в мечети) – для него нет никаких ограничений, установленных его верой. Главное, что перед молитвой он должен совершить омовение и стать на молитвенный коврик, который называется саджада, лицом к Мекке. Женщины должны молиться отдельно от мужчин, а если это невозможно – они становятся сзади мужчин. Однако для того, чтобы не вызывать дискомфорта у приверженцев других конфессий и атеистов, связанного с тем, что верующий мусульманин (ему не возбраняется молиться, показывать свою веру и в общественных местах, в том числе, на глазах и неверцев) может встать на молитву и в общественном месте, что может привести к конфликту с другими верующими, руководству российских аэропортов, крупных железнодорожных вокзалов необходимо продумать оборудование мест для молитвы представителей разных конфессий.

В частности, для построения мусульманской молитвенной комнаты не нужно выдерживать каких-либо особых предписаний и канонов, касающихся определённых правил строительства религиозного сооружения. Для осуществления намаза (обязательной пятикратной молитвы для каждого мусульманина) подойдёт обычная

комната, желательно с местом для омовения.

Что же касается оборудования православной моленной комнаты или часовни внутри здания аэропорта или железнодорожного вокзала, как строителям, так и архитекторам необходимо ознакомиться со сводом правил, относящихся к проектированию православных храмов¹. Данный документ был принят и утверждён приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 22 декабря 2017 г. Он устанавливает определённые каноны, в духе которых должно осуществляться проектирование и строительство православных религиозных сооружений. Инженеры, архитекторы, строители должны быть знакомы со специфической церковной терминологией и названием основных частей внутреннего убранства храма – алтарь, амвон, клирос, солея, иконостас, горнее место, престол, поликандило, пономарка и т. д. Проектировщикам и архитекторам необходимо знать некоторые нюансы при оборудовании и строительстве домовых храмов, а именно:

- глубина алтаря в малых и домовых храмах должна составлять не менее 3,0 м;
- престол (размер стороны 0,8–1,0 м) размещается на расстоянии до Царских врат иконостаса не менее 1,3 м.;
- вокруг престола должен быть предусмотрен круговой обход с расстоянием от престола до запрестольного образа (Горнего места) не менее 0,9 м.

Домовые церкви и церкви, встроенные в общественные здания учреждений медицинского и социального назначения, учебных заведений и пр. следует размещать на верхних этажах зданий или таким образом, чтобы над алтарем не было помещений иного назначения.

В завершении рассмотрения темы преподаватель подводит слушателей к мысли,

что открытие моленных комнат в аэропортах и на железнодорожных вокзалах может оказать благотворный психологический комфорт как для пилотов, машинистов, обслуживающего персонала, так и для обычных пассажиров. Руководитель Союза православных граждан России (СПГ) Валентин Лебедев убеждён, что открытие моленных комнат в аэропортах «заставит путешествующих воздушным транспортом отказаться от других средств по успокоению души ... Люди бояться летать, а потому и опустошают алкогольные полки в duty free. Появление моленных помещений отвлечет их от пьянства на борту судна и снизит уровень пассажирского хулиганства в самолетах»².

Влияние религии на обычаи народов различных государств

Данную тему целесообразно рассматривать в контексте информационной поддержки пассажиров, путешествующих за рубеж. И хотя в настоящее время транзитный пассажиропоток существенным образом сокращён вследствие пандемии, рано или поздно наступит восстановление его объёмов, к чему следует быть готовыми.

Предваряя рассмотрение темы, преподаватель акцентирует внимание слушателей на том факте, что ежегодно сотни тысяч российских граждан отправляются путешествовать в другие страны. Они везут туда не только одежду для отдыха, но и распространённую среди наших соотечественников законодательную неграмотность. К сожалению, многие россияне плохо знают законы своей страны, не говоря уже о законах других государств. А между тем во многих странах можно получить высшую меру наказания – смертную казнь за деяния, за которые в России положено лишь административное взыскание или

¹ СП 391.1325800.2017 Храмы православные. Правила проектирования // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/552113080> (дата обращения: 26.10.2020).

² Минтранс просят открыть молебни в каждом аэропорту // Известия [сайт]. 2013. 25 декабря. URL: <https://iz.ru/news/563165> (дата обращения: 01.07.2020).

которые просто могут не являться нарушением закона.

Далее целесообразным представляется рассмотрение специфики традиций и законодательства исламских государств, испытывающих на себе существенное влияние шариата. Тем более что сотни тысяч россиян в качестве туристов посещают исламские страны, такие как Турция, Тунис, ОАЭ, Иордания, Марокко, Индонезия и ряд других государств. Для того, чтобы не попадать в неприятные ситуации, им необходимо знать историю, культурные и религиозные особенности принимающей стороны.

Некоторые страны вводят ряд ограничений как для туристов, так и для собственных граждан, касающиеся хранения, перевозки, распространения литературы религиозного характера. Приветливость и гостеприимство – важная черта мусульман. При приветствии произносится «Ас-салям алейкум» («Мир вам») с ответом «Ваалейкум ас-салям» («И вам мир»). Малознакомые люди на Востоке не пожимают рук, приветствуя друг друга лишь легким поклоном. Руку арабы подают лишь в знак дружеского расположения. В случае, если здороваются или прощаются с близким другом, используют в рукопожатии обе руки. После рукопожатия принято правую руку прижать к сердцу, что является знаком внимания и глубокого уважения. Хорошо знакомые друг другу люди совершают троекратный символический поцелуй. В исламе чистой считается правая рука: мусульмане едят, стараясь использовать только правую руку, надевать одежду и туфли с правой стороны, а снимать – с левой. Гостю уделяется особое внимание и уважение. Его обязательно угощают чаем, кофе и другими блюдами. От угощения отказываться не принято, поскольку отказ может обидеть хозяина.

При разговоре с мусульманином избегают вопросов о супруге и семье, под запретом следующие темы: осуждение религии и насмешка над ней; обсуждение руководства государства, национальных идей, истории и женщин.

Для закрепления изученного материала преподавателю имеет смысл провести ролевую игру, в ходе которой слушатели разыграют типичные ситуации, которые могут возникнуть во время путешествия в исламские страны, а также ситуации, которые могут возникнуть в отечественных поездах, самолетах и на кораблях с представителями различных конфессий. Такая ролевая игра может служить логическим переходом к изучению темы, связанной с организацией их питания во время путешествий.

Организация питания представителей различных конфессий в поездках

Начиная изучение данной темы, преподаватель отмечает, что, несмотря на глобализационное влияние, в настоящее время всё больше и больше людей обращается к своим истокам, открывают для себя национальные традиции, культуру, традиционную для своего народа религию. Среди многообразия религиозных аспектов, влияющих на её последователя, немаловажными являются законы и правила, регламентирующие такую важную часть нашей жизни, как питание. Они начинаются перечнями разрешённых и запрещённых к употреблению продуктов, способов их обработки и заканчиваются режимами питания.

В правилах, регламентирующих питание в христианстве, особая роль отводится постам. Именно поэтому важно рассмотреть особенности рациона и режима приёма пищи в каждый православный пост. В Русской православной церкви посты делятся по длительности на однодневные и многодневные (общее количество постных дней в году приближается к 200), а также по строгости, т. е. по степени возлагаемых ограничений. Одна из форм воздержания в православных постах – воздержание от пищи и питья – ограничение в принятии продуктов питания различного происхождения.

Еженедельными постными днями являются среда и пятница. В среду пост

установлен во вспоминание предательства Иудой Христа, в пятницу — в память крестных страданий и смерти Спасителя. В эти дни недели Святая Церковь запрещает употребление мясной и молочной пищи, а в период недели Всех Святых до Рождества Христова следует исключение из рациона рыбы и растительного масла. Лишь когда на среду и пятницу приходятся дни празднуемых святых, разрешается растительное масло, а в самые большие праздники, такие как Покров, – рыба.

К однодневным постам также относятся: Крещенский сочельник (18 января), накануне Крещения Господня; Усекновение главы Иоанна Предтечи (11 сентября), это день памяти и гибели великого пророка Иоанна; Воздвижение Креста Господня (27 сентября), память о страданиях Спасителя на кресте ради спасения рода человеческого.

Однодневные посты – дни строгого поста (кроме среды и пятницы). В однодневные посты запрещается есть рыбу, но разрешается приём пищи с растительным маслом.

Перечисленные выше особенности необходимо знать шеф-поварам вагонресторанов, руководителям организаций, предоставляющих бортовое питание на самолёты, проводникам и бортпроводникам, прочим работникам, связанным как с формированием меню для пассажиров, так и с их обслуживанием. Поскольку человеку, не погружённому глубоко в православную жизнь, крайне сложно учесть все нюансы питания православных пассажиров, сотрудникам, отвечающим за питание целесообразно иметь на рабочем месте календарь на текущий год, отражающий особенности приёма пищи в конкретный день православным, чтобы при приготовлении пищи учесть их.

Религиозные традиции ислама также имеют непосредственное влияние на культуру питания верующих. Формирование пищевого рациона мусульман происходит исключительно по правилам, предписанным Кораном (священной книгой мусульман, сводом откровений, произнесённых

от имени Аллаха пророком Мухаммедом) и Сунной (жизнеописанием пророка Мухаммеда).

В исламской религии действует принцип: разрешено (халяль) всё, что явно не запрещено (харам). Соответственно, еда, употребляемая в пищу мусульманами, должна быть халяльной.

В мусульманских странах не принято отказываться от предложенного угощения – это воспринимается как обида или оскорбление. Шариат подробно описывает продукты, которые категорически запрещено употреблять в пищу, а также приводит перечень рекомендуемых, не рекомендуемых и осуждаемых продуктов.

В исламе существует ритуал принятия пищи. Перед едой и после неё мусульманин должен мыть руки. Едят и пьют только правой рукой, считается неприличным принимать пищу на ходу и смотреть на жующего человека. Запрет на отдельные пищевые продукты в исламе включён в понятие «харам» (запрет).

Пищевое поведение мусульман во время поста, так же, как и у верующих других религий, должно соответствовать строгим правилам. Однако распространяются они больше на время принятия пищи, нежели на её количество или состав. Например, во время главного поста – Рамадана (длится один месяц) – запрещается вкушать пищу от восхода солнца до заката, причём соблюдать это правило следует очень строго, даже во время покупки продуктов на рынке днём их категорически запрещается пробовать.

Что касается традиционного иудаизма, то все аспекты жизни правоверного иудея ритуализованы вероучительными предписаниями, начиная с пробуждения и первой утренней молитвы и заканчивая пищей. Последние обозначаются в иудейской религиозной культуре особым термином – «кашрут», что означает дозволенность, пригодность. А еда, которая должна употребляться иудеем, должна быть только кошерная, т. е. соответствующая пищевым запретам и правилам. Кошерными называются все продукты и их сочетания, кото-

рые разрешены Торой – главной священной книгой евреев, известной христианам как «Пятикнижие Моисеево».

Принципы кашрута: кошерный скот определяется как имеющий раздвоенное копыто и жующий жвачку (свинина, например, исключена из рациона), кошерная рыба должна обязательно иметь чешую и лучевые плавники (моллюски и ракообразные запрещены). Птица иудеями употребляется в пищу только домашняя (индейки, куры, утки, перепела), их кошерность подтверждена давней традицией. Молоко, икра, яйца как производные некошерных животных, птиц и рыб подвергаются запрету, как, впрочем, и любое блюдо, в которое в процессе приготовления попали некошерные ингредиенты.

В иудаизме существуют правила употребления разрешённых видов пищи. Мясо и мясные продукты нельзя есть вместе с молоком или молочными продуктами. Даже если какое-то количество молока во время приготовления пищи случайно попадёт в мясной бульон, этот бульон непременно нужно будет вылить. Все дело в том, что кошерная кухня строго подразделяется на две части: мясную и молочную. Для приготовления мясных и молочных продуктов используется не только отдельный кухонный инвентарь и посуда, но и отдельные помещения, особенно на предприятиях общественного питания.

В иудаизме есть несколько постов, во время которых верующие должны соблюдать определённые правила, в том числе и в отношении питания. Самый важный праздник, день поста в иудаизме – Йом Кипур (День Искупления). Этот пост, равно как и пост Девятого Ава (национальный день траура еврейского народа), продолжается от захода солнца до появления звезд вечером следующего дня, т. е. более 24 часов. В это время запрещается приём пищи и питье. В преддверии поста Девятого Ава проходят три траурные недели. В течение последней недели нельзя употреблять в пищу мясо и вино.

Гастрономическими познаниями в области религиозной кухни различных ве-

рований хорошо бы было обладать как шеф-поварам, поварам, так и обслуживающему персоналу. Шеф-поварам и поварам необходимо знать особенности религиозной кухни пассажиров, относящихся к традиционным российским конфессиям (православию, исламу, иудаизму и буддизму) для того, чтобы заранее подобрать перечень блюд и специальных продуктов в соответствии с календарным периодом, на который может выпасть пост. Так, мусульмане, индуисты, иудеи, православные христиане, пользующиеся услугами авиакомпании «Аэрофлот», могут заказать себе особенный обед.¹

Заключение

В завершение рассмотрения тем, связанных с обслуживанием пассажиров и сотрудников, представляющих традиционные конфессии Российской Федерации, преподавателю курсов следует подчеркнуть, что в течение долгого времени религия была и по сей день является одним из системообразующих элементов организации социума, формируя правила функционирования государства, оказывала влияние на разные стороны жизни как отдельного человека, его семьи, так и общины. Во избежание конфликтных ситуаций с религиозной частью населения нашего общества, для работников сферы транспортной отрасли важно знание основ религиозных и культурных особенностей народов, населяющих Россию. Этим обуславливается целесообразность включения перечисленных выше тем в содержание курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовки [222].

Статья поступила в редакцию 05.02.2021.

¹ «Курица, рыба, халяль?»: «Аэрофлот» решил кормить пассажиров по канонам ислама // Бизнес-газета. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/298786> (дата обращения: 20.10.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзутцев Х. В., Дибирова А. П. Место религиозной идеологии в мировоззрении современного северокавказского общества Российской Федерации: этносоциологический анализ. Программа и материалы массового опроса населения республик СКФО.– Москва–Владикавказ: ИСПИ РАН; СОГУ им. К. Л. Хетагурова, 2016. 212 с.
2. «Курица, рыба, халаль?»: «Аэрофлот» решил кормить пассажиров по канонам ислама // Бизнес-газета [сайт]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/298786> (дата обращения: 20.10.2020).
3. В дорогу с Богом: как простому смертному найти, где помолиться на вокзале // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20170916/1504884648.html> (дата обращения: 20.10.2020).
4. Религиозные традиции мира. В 2 т. Т. 1. М.: КРОНПРЕСС, 1996. 576 с.
5. Религиозные традиции мира. В 2 т. Т. 2. М.: КРОНПРЕСС, 1996. 640 с.
6. СП 391.1325800.2017. Храмы православные. Правила проектирования // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/552113080> (дата обращения: 26.10.2020).
7. Минтранс просят открыть молельни в каждом аэропорту // Известия. 2013. 25 дек. URL: <https://iz.ru/news/563165> (дата обращения: 01.07.2020).
8. Энциклопедия религий / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2008. 1520 с.
9. Бакурадзе А. Б., Бондарева Я. В. Аксиологические основания эволюции управления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 1. С. 26–38.
10. Бондарева Я. В. Теоретико-методологические основы русской религиозной философии: историко-философский анализ: дис... докт. филос. наук. М., 2011. 325 с.
11. Бондарева Я. В., Молчан Э. М. Духовно-нравственные ценности как вектор развития социальных систем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 43–51.
12. Горбунов А. С. Проблема институализации средств массовой коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 2. С. 79–86.
13. Горбунов А. С. Личность в контексте информационной безопасности государства // Сибирский учитель. 2017. № 5 (114). С. 64–68.
14. Родичкин Д. В., Буренков С. В. К вопросу о влиянии культуры на формирование национальной идентичности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 4 (54). С. 167–179.
15. Синенко В. Я. Система повышения квалификации работников образования – от кризиса в сознании до реальных перспектив // Сибирский учитель. 2010. № 2 (68). С. 5–12.
16. Синенко В. Я. Каскадная (циклическая) система повышения квалификации работников образования // Вестник образования. 2012. № 20. С. 11–14.
17. Синенко В. Я. Модернизация системы дополнительного профессионального педагогического образования // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 3. С. 73–80.
18. Синенко В. Я. О ключевых факторах успешности системы повышения квалификации работников образования // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 5. С. 35–37.
19. Синенко В. Я. Инновационное управление образованием как ключевой фактор роста его качества // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2016. № 5. С. 18–21.
20. Синенко В. Я., Беленок И. Л., Величко А. Н., Волчек М. Г. Концепция модернизации системы дополнительного профессионального педагогического образования новосибирской области // Сибирский учитель. 2011. № 4 (77). С. 22–28.
21. Alekhina E. V., Zolkin A. L., Parkhomenko R. N., et al. Philosophical and pedagogical aspects of career guidance policy for learners and students // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2020. Vol. 8. № 1. P. 175–181.

REFERENCES

1. Dzutsev Kh. V., Dibirova A. P. *Mesto religioznoi ideologii v mirovozzrenii sovremennogo severokavkazskogo obshchestva Rossiiskoi Federatsii: etnosotsiologicheskii analiz: programma i materialy massovogo oprosa naseleniya respublik SKFO* [The place of religious ideology in the worldview of the modern North Caucasian society of the Russian Federation: an ethnosociological analysis: program and materials of a mass survey of the population of the North Caucasus Federal District]. Moscow, Vladikavkaz, Institute for Social and Political Research of the

- Russian Academy of Sciences; North Ossetian State University, named after K. L. Khetagurov, 2016. 212 p.
2. ["Chicken, fish, halal?": Aeroflot decided to feed passengers according to the canons of Islam]. In: *Biznes-gazeta* [Business newspaper]. Available at: <https://www.business-gazeta.ru/article/298786> (accessed: 20.10.2020)
 3. [On the road with God: how can a mere mortal find where to pray at the station]. In: *RIA novosti* [RIA News]. Available at: <https://ria.ru/20170916/1504884648.html> (accessed: 20.10.2020)
 4. *Religioznye traditsii mira. V dvukh tomakh. T. 1.* [Religious traditions of the world. Vol. 1.] Moscow, KRONPRESS Publ, 1996. 576 p.
 5. *Religioznye traditsii mira. V dvukh tomakh. T. 2* [Religious traditions of the world. Vol. 2]. Moscow: KRONPRESS Publ, 1996. 640 p.
 6. [SP 391.1325800.2017. Orthodox churches. Rules of constructing]. In: *Elektronnyi fond pravovoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [Electronic fund of legal and normative-technical documentation]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/552113080> (accessed: 10.26.2020).
 7. [Ministry of Transport asks to open chapels at every airport]. In: *Izvestiya* [News]. 2013. December 25. Available at: <https://iz.ru/news/563165> (accessed: 07.01.2020).
 8. *Entsiklopediya religii* [Encyclopedia of Religions]. Moscow, Academic Project Publ.; Gaudeamus Publ, 2008. 1520 p.
 9. Bakuradze A. B., Bondareva Ya. V. [Axiological foundations of the evolution of management]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2015, no. 1, pp. 26–38.
 10. Bondareva Ya. V. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy russkoi religioznoi filosofii: istoriko-filosofskii analiz: diss....dokt. filos. nauk* [Theoretical and methodological foundations of Russian religious philosophy: historical and philosophical analysis: PhD thesis in Philosophy]. Moscow, 2011. 325 p.
 11. Bondareva Ya. V., Molchan E. M. [Spiritual and moral values as a vector of social systems development]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophy], 2019, no. 1, pp. 43–51.
 12. Gorbunov A. S. [The problem of institutionalizing the mass media]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophy], 2016, no. 2, pp. 79–86.
 13. Gorbunov A. S. [Personality in the context of information security]. In: *Sibirskii uchitel* [Siberian teacher], 2017, no. 5 (114), pp. 64–68.
 14. Rodichkin D. V., Burenkov S. V. [On the question of the influence of culture on the national identity formation]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2020, no. 4 (54), pp. 167–179.
 15. Sinenko V. Ya. [The system of advanced training for educators – from a crisis in the mind to real prospects]. In: *Sibirskii uchitel* [Siberian teacher], 2010, no. 2 (68), pp. 5–12.
 16. Sinenko V. Ya. [Cascade (cyclical) system of professional development of educators]. In: *Vestnik obrazovaniya* [Education Bulletin], 2012, no. 20, pp. 11–14.
 17. Sinenko V. Ya. [Modernization of the system of additional professional pedagogical education]. In: *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian pedagogical journal], 2012, no. 3, pp. 73–80.
 18. Sinenko V. Ya. [On the key factors of the success of the system of advanced training for educators]. In: *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian pedagogical journal], 2013, no. 5, pp. 35–37.
 19. Sinenko V. Ya. [Innovative management of education as a key factor in the growth of its quality]. In: *Upravlenie kachestvom obrazovaniya: teoriya i praktika effektivnogo administrirovaniya* [Education quality management: theory and practice of effective administration], 2016, no. 5, pp. 18–21.
 20. Sinenko V. Ya., Belenok I. L., Velichko A. N., Volchek M. G. [The concept of modernization of the system of additional professional pedagogical education in Novosibirsk region]. In: *Sibirskii uchitel* [Siberian teacher], 2011, no. 4 (77), pp. 22–28.
 21. Alekhina E. V., Zolkin A. L., Parkhomenko R. N., et al. Philosophical and pedagogical aspects of career guidance policy for learners and students // *Journal of Environmental Treatment Techniques*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 175–181.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лонский Ярослав Александрович – старший преподаватель кафедры философии, социологии и истории Российского университета транспорта;
e-mail: Ya_Lonskiy@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yaroslav A. Lonskiy - Senior Lecturer, Department of Philosophy, Sociology and History, Russian University of Transport;
e-mail: Ya_Lonskiy@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лонский Я. А. Поликонфессиональный подход в деятельности транспортной отрасли современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 65–74.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-65-74

FOR CITATION

Lonsky Ya.A. Poly-confessional Approach in the Activities of the Transport Industry in Modern Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no 1. pp. 65–74.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-65-74

УДК 172.1+321

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-75-82

ПРЕПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Обухов А. А.

Новосибирский государственный университет

630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать предпосылки возникновения межгосударственных интеграционных объединений начиная с древнейших времён (союз греческих полисов) и завершая современным периодом (Евросоюз).

Процедура и методы. Проведён анализ взглядов исследователей. Методологической основой исследования являются теория политогенеза Р. Карнейро и обобщённый метод сходства и различия Бэкона-Милля.

Результаты. По итогам исследования автором выделены общие закономерности и сделан эвристический прогноз о возможном создании в среднесрочной перспективе Евразийского союза на базе ЕАЭС. Показана имеющая место общность факторов, способствовавших формированию межгосударственных объединений на протяжении всей истории человечества.

Теоретическая и/или практическая значимость. Автором также предложен объединяющий эти факторы термин «макросоциологическая эмпатия», что составляет теоретическую значимость проведённого исследования.

Ключевые слова: Евразийский союз, межгосударственные объединения, международная интеграция, сравнительно-исторический анализ, макросоциология, теория политогенеза

PREREQUISITES AND REASONS FOR THE FORMATION OF INTERSTATE INTEGRATION ASSOCIATIONS IN A HISTORICAL RETROSPECT

A. Obukhov

Novosibirsk State University

1 Pirogova ul., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the prerequisites for the emergence of interstate integration associations from ancient times (the union of Greek poleis) upto the modern period (the European Union).

Methodology. The researchers' views are analyzed. The methodological basis of the research is R. Carneiro's theory of politogenesis and the generalized method of similarity and difference of Bacon-Mill.

Results. The author highlighted general patterns and a heuristic forecast is made about the prospects for the possible creation of a Eurasian Union on the basis of the EAEU in the medium term perspective. The existing commonality of factors that contributed to the formation of interstate associations throughout the history of mankind is shown.

Research implications. The author also proposed the term "macrosociological empathy" that unites these factors, which constitutes the theoretical significance of the study.

Keywords: the Eurasian Union, interstate associations, international integration, comparative historical analysis, macrosociology, theory of political genesis

Введение

Современная геополитическая ситуация может быть охарактеризована большим количеством противоречивых трендов и тенденций. Сочетание и взаимное наложение интересов различных игроков приводит к формированию большого количества разнонаправленных инициатив в политической, социальной и экономической сферах. Так, например, в пространстве современной Евразии одновременно реализуются несколько макропроектов, инициированных крупными региональными и внерегиональными акторами. Китайская Народная Республика приступила к практической реализации инициативы «Один пояс – один путь», которая предполагает не только создание масштабной транспортно-логистической инфраструктуры, позволяющей оптимизировать товарооборот между КНР и Европой, но также формирование необходимых для этого финансовых и иных институтов, а также сопутствующей инфраструктуры по маршруту прохождения транспортных коридоров. Одновременно с этим Российская Федерация продолжает развивать и поддерживать интеграционные процессы с государствами бывшего СССР, создав Евразийский экономический союз. Следующим возможным шагом на пути расширения и углубления евразийской интеграции может стать создание полноценного союзного государства по аналогии с Евросоюзом [3].

Прежде чем строить дальнейшие рассуждения, необходимо определиться с терминологическими вопросами. В современной международно-правовой научной литературе ведётся дискуссия относительно того, чем является конфедерация – типом государственного устройства либо формой межгосударственной интеграции [1]. Поскольку нас в первую очередь интересуют вопросы изучения интеграционных процессов на различных стадиях, чтобы избежать некорректных толкований, далее мы будем использовать термин «интеграционные объединения» для обозначения исследуемых межгосударственных объединений [8].

Вместе с тем, рассматривая различные союзы государств, мы не будем учитывать временные военные союзы, такие как Антанта, Тройственный союз, Антигитлеровская коалиция, военно-политический блок НАТО и аналогичные им, поскольку они не обладают всей полнотой взаимопроникновения в сферах экономики, политики и социокультурной составляющей, представляющих интерес в рамках данного исследования.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет теория политогенеза, выдвинутая американским историком и антропологом Робертом Леонардом Карнейро в работе «Теория происхождения государства» 1970 г. [11]. Опираясь на схему построения рассуждений Р. Карнейро, методически структурированную Н. С. Розовым в работе «Философия и теория истории. Книга 1. Прологомены» [7] в соответствии с принципами построения научных исследовательских программ И. Лакатоса [5], далее мы осуществим «позитивный теоретический сдвиг», способствующий повышению аналитических и прогностических возможностей теории политогенеза на данном историческом этапе.

Для начала в качестве доказанных положений, образующих «жесткое ядро» программы, мы зафиксируем следующие постулаты:

1. Все рассуждения ведутся в рамках общей концепции «теории принуждения» в политогенезе. Все альтернативные волюнтаристские теории (теория общественного договора, «автоматические теории», ирригационная теория К. Виттфогеля и др.) признаются несостоятельными.

2. Определяющим фактором, обуславливающим возникновение автохтонной государственности, является относительная либо абсолютная стесненность. Результатом её являются завоевательные войны, которые приводят к покорению одних племён другими и последовательному возникновению чифдомов, королевств и империй [7; 11].

Далее, применяя соединённый метод сходства и различия Бэкона-Милля, попро-

буем обобщить данные исторической ретроспективы, чтобы выявить общие условия, характерные для всех известных в мировой истории случаев возникновения межгосударственных интеграционных объединений. Как было ранее указано, мы не включаем в рамки исследования случаи временных военных союзов, а также объединение государств путём завоевания одним государством другого либо колонизации вновь открытых земель империями. Нас интересуют только те случаи, когда два (либо более) независимых политических макросубъекта добровольно вступили в интеграционное объединение, причём не только на уровне совместного ведения боевых действий против общего врага в военный, либо предвоенный период, но также с элементами взаимопроникновения в различных сферах жизни общества.

Таким образом, в качестве подходящих под описанные критерии случаев, выделены следующие:

– коалиция греческих полисов (без ограничения общности, будем считать единым процессом последовательную смену Пелопонесского союза, Первого и второго афинского морского союзов, Ахейского союза и др.);

– объединение Швейцарских кантонов с 1291 по 1798 гг.;

– Европейский союз.

Случаи Конфедеративных штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик будут рассмотрены отдельно, однако необходимо заблаговременно отметить, что их едва ли можно рассматривать как межгосударственные объединения.

Результаты

Рассмотрим каждый случай из упомянутых выше отдельно, после чего сведём все полученные сведения в табличной форме.

Коалиция греческих полисов

Интеграционные процессы среди греческих городов-государств, именуемых полисами, начались в середине VI в. до н. э. и продолжались в различных формах вплоть

до IV в. до н. э., когда доминирующую роль в эллинистической ойкумене стала играть Македония, возглавляемая Александром Великим, создавшим одну из первых империй. В разные периоды среди полисов ведущую роль в интеграционных процессах играли Лакедемон (Спарта), Афины, Фивы и ряд других сильных полисов, однако представляется целесообразным обратиться внимание на тот факт, что к середине V в. в состав объединения вошли почти все полисы Пелопоннеса, исключая враждебный Спарте Аргос, а также мелкие полисы Средней Греции (Дориды, Фокиды, Левкады), что говорит об относительном успехе происходивших интеграционных процессов [4]. В отличие от более поздней объединённой структуры – Афинской схиматии, Пелопонесский союз характеризовался слабой централизацией, полисы сохраняли высокую степень автономности и даже периодически вели войны между собой. Основным обязательством, которое принимали на себя полисы – участники союза, была координация внешнеполитического курса и участие в совместных военных действиях. Одной из ключевых причин, своеобразным триггером, запустившим интеграционные процессы, была постоянная угроза со стороны Ахеменидской Персии. Дополнительным «цементирующим» фактором в обеспечении устойчивости Пелопонесского союза являлись относительное единство общественного и государственного устройства греческих полисов, а также аксиологическая общность в сферах культуры, норм нравственности и морали.

В той или иной форме объединение греческих полисов просуществовало до 338 г. до н. э., когда Филиппом Македонским был образован Эллинский (также в исторической литературе он имеет название Коринфский) союз, существование которого было прекращено его сыном Александром, создавшим в результате успешных завоевательных походов империю, простиравшуюся до Индии.

Таким образом, процесс объединения отдельных городов-государств, который был начат в середине VI в. до н. э. в доста-

точно устойчивом состоянии происходил вплоть до появления пассионарного лидера, в лице Александра Великого, который силовым путём объединил Грецию. Необходимо при этом отметить, что после смерти Александра разделённая между правителями империя снова вошла в состояние союза автономных царств, возглавляемых «диадохами» – ближайшим окружением Александра, который продолжался ещё некоторое время, однако был разрушен как в результате междоусобных войн, так и в результате войны с кельтскими племенами в 280–279 гг. до н. э. В этот период бывшая империя Александра занимала слишком большую площадь, была населена чрезмерно разнородным населением, не объединённым ни общими врагами, ни единством культуры и ценностей, несмотря на насаждавшиеся эллинистические элементы.

Объединение Швейцарских кантонов с 1291 по 1798 гг.

Объединение швейцарских независимых государственно-территориальных образований, именуемых кантонами, берёт своё начало ещё в 1231 г., однако первое полноценное объединение произошло по союзному договору 1291 г., который подписали три кантона: Швиц, Ури и Унтервальтен. Договор предусматривал широкий спектр сфер взаимодействия, однако не лишал каждый из кантонов суверенитета. В дальнейшем союз расширился до 8, а затем до 10 и до 13 кантонов (по состоянию на 1513 г.). В Швейцарском союзе не было постоянных центральных органов власти и управления, общей финансовой системы, единства военного управления, что позволяет относить его к интеграционным объединениям, а не к категории единых государств. Такая система сохранялась на территории современной Швейцарии вплоть до 1798 г., когда она была фактически завоевана французами, в результате чего была провозглашена Гельветическая республика [2; 10]. Одной из наиболее значимых причин, спровоцировавших интеграционные процессы, была постоянная военно-политическая угроза со стороны Священной Римской империи,

регулярно предпринимавшей попытки подчинить кантоны своей власти. Представляется также целесообразным отметить аналогичное античному греческому случаю единство социокультурного бэкграунда, объединяющего народы швейцарских кантонов.

Европейский союз

Схожую картину можно увидеть, если рассмотреть в исторической ретроспективе процесс создания Евросоюза, начиная с самых его истоков. Концептуальные основы будущей интеграции были заложены 19 сентября 1946 г. в речи Уинстона Черчилля «Трагедия Европы», которую он произнёс в Цюрихском университете. Именно в ней прозвучал призыв о создании «чего-то наподобие Соединённых штатов Европы». Немаловажной причиной, подталкивавшей европейские государства к сближению после Второй мировой войны, было ощущение возникновения нового общего противника в лице Советского Союза. Основа этого противостояния также была заложена У. Черчиллем, только несколько ранее, в речи «Мускулы мира» (05 марта 1946 г., Вестминстерский колледж, г. Фултон, шт. Миссури, США).

Далее последовали практические шаги, начавшиеся с интеграции экономических усилий в рамках Европейского объединения угля и стали (Парижский договор от 18 апреля 1951 г., который подписали Франция, Италия, Германия, Нидерланды, Бельгия и Люксембург), а затем в рамках Европейского экономического сообщества и Европейского сообщества по атомной энергии (Римский договор от 25 марта 1957 г., подписанный теми же шестью государствами). Дальнейшие процессы евроинтеграции привели к созданию в 1992 г. Европейского союза (Маастрихтский договор от 07 февраля 1992 г., подписанный уже 12 государствами) [6]. Дальнейшие интеграционные процессы продолжались до 2013 г., когда количество государств-членов ЕС стало равняться 28 после присоединения Хорватии. В настоящий момент мы являемся свидетелями того, как реализуется обратный процесс, запущен-

ный Великобританией после референдума 23 июня 2016 г., на котором было принято решение о выходе данной страны из Евросоюза.

Таким образом, рассматривая случай Евросоюза, мы также видим в качестве базовых предпосылок к формированию межгосударственной интеграции наличие единого геополитического противника (СССР), наличие единого культурного кода (который дополнительно формировался за счёт процессов глобализации в течение всего периода развития ЕС с 1952 по 1992 гг.), а также мощная экономическая основа взаимодействия.

Сенегамбия (мнимый контрпример)

Рассмотрим ещё один случай межгосударственной интеграции, но в несколько иных условиях – конфедеративное госу-

дарство Сенегамбия, существовавшее с 1982 по 1989 гг. Конфедерация была создана в результате договора от 12 декабря 1981 г., который, на первый взгляд, решал массу проблем. Идеологической основой союза были идеи panaфриканизма, базирующиеся на социально-философской доктрине «негритюда», активно продвигаемой президентом Сенегала (1960–1980 гг.) Леопольдом Седаром Сенгором [9]. Вместе с тем отсутствие экономической целесообразности объединения (Сенегал получил значительные экономические потери в результате интеграции, вызванные различием в подходах к организации международной торговли), а также отсутствие явного внешнего противника привели к тому, что в сохранении конфедерации были заинтересованы только элиты обоих государств, но не население. В результате 23 августа 1989 г. договор о союзе был денонсирован (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Результаты применения объединённого метода сходства и различия Бэкона-Милля / Results of applying the Bacon–Mill’s combined method of similarities and differences

	Географические, климатические, социально-политические условия	Общность культурного кода и элементов исторического прошлого	Наличие внешнего геополитического давления	Наличие экономических предпосылок к интеграции	Возникновение стабильной интеграции
Коалиция греческих полисов	Нет единства условий	Есть	Есть	Есть	Есть
Объединение Швейцарских кантонов		Есть	Есть	Есть	Есть
Европейский союз		Есть	Есть	Есть	Есть
Сенегамбия		Есть	Нет	Нет	Нет

Дополнительно представляется целесообразным рассмотреть случаи, кажущиеся аномалиями, способными фальсифицировать разработанную теорию. Наиболее яркими из них являются Ганзейский союз, а также СССР и США. Все три случая явно не укладываются в общую концепцию

предложенной нами теории, поскольку, несмотря на стабильность указанных объединений (Ганза существовала около пяти веков, Советский союз – почти век, а США существуют до сих пор), их нельзя считать интеграциями в смысле, который мы вкладываем в это понятие.

Так, Ганзейский союз по своей сути никогда не являлся интеграционным проектом, а был лишь международной коллаборацией в области торговли. Несмотря на то, что в регистр Ганзы входили 130, а позднее 160 городов, а под её влиянием находилось свыше 3000 населённых пунктов, это объединение не ставило перед собой политических, военных и социальных задач, ограничиваясь лишь вопросами торговли. Кроме того, взаимодействие в рамках Ганзы осуществлялось не между странами, а между городами, т. е. на совершенно другом организационно-управленческом уровне. Таким образом, несмотря на явное отсутствие общего геополитического противника и социокультурных предпосылок, Ганзейский союз не может считаться полноценным интеграционным межгосударственным объединением и, следовательно, не является фальсификатором выдвинутой теории.

США и СССР также не подходят в качестве фальсификаторов, поскольку не были созданы в результате добровольных интеграционных устремлений, а возникли в ходе гражданских войн 1861–1865 гг. и 1917–1922 гг. соответственно. Это в значительной мере обусловило специфику возникновения этих государств, изначально не обладавших ни единым культурным кодом, ни общностью хозяйственно-экономической деятельности. Объединение «огнём и мечом» в условиях общего крушения всех идеологических норм и общественных ценностей в ходе братоубийственной войны «всех против всех» обуславливает некоторую уникальность каждого из этих случаев, что не позволяет рассматривать их в качестве классических случаев межгосударственной интеграции, фальсифицирующих теорию.

Обсуждение и выводы

С учётом изложенного, в результате проведённых исследований, а именно применения объединённого метода сходства и различия Бэкона-Милля, к случаям межгосударственной интеграции на протяже-

нии всей мировой истории, можно сделать вывод, что необходимыми условиями объединения независимых государств в интеграционное объединение являются:

- общность культурного кода и элементов исторического прошлого;

- наличие внешнего геополитического давления (общего стратегического противника) и единства видения внутривнутриполитического устройства;

- наличие экономических предпосылок к интеграции (межрегиональные хозяйственные связи, взаимная торговля и др.).

Обратим также внимание на то, что по смыслу метода Бэкона-Милля объясняющее условие должно быть одно, но при этом оно вполне может являться составным, т. е. многокомпонентным. Для соблюдения этого условия введём понятие «макросоциологической эмпатии», объединяющей в себе описанные выше три условия.

Безусловно, мы помним о том, что все индуктивные методы за исключением полной математической индукции дают нам не достоверное знание, а лишь вероятностное (Розов, 2002). Вместе с тем, сделанные нами аналитические выкладки позволяют на основе проведённого исследования сделать эвристический прогноз относительно развивающихся в настоящее время интеграционных объединений.

В частности, применяя совокупность выделенных критериев к ситуации ЕАЭС, можно предположить с высокой вероятностью успех данного интеграционного объединения. Действительно, в современной ситуации, когда наращивается давление стран Запада на постсоветском пространстве, провоцирующих при помощи применения технологий «мягкой силы» антигосударственные выступления, ведущие к реализации сценариев «цветной революции», можно говорить о значительном, увеличивающемся геополитическом давлении на государства ЕАЭС. Вместе с тем накопленные за советский период общность культурного кода, а также тесные хозяйственно-экономические связи позволяют сделать достаточно благоприят-

ятный прогноз относительно возможности успешного продолжения и углубления евразийской интеграции.

Заключение

Современная геополитическая ситуация характеризуется высоким уровнем сложности и противоречивости трендов, что затрудняет выделение среди них доминирующих. Вместе с тем интеграционные инициативы в евразийском пространстве, демонстрируемые Китаем и Россией, явно заслуживают существенного внимания со стороны исследователей, поскольку носят достаточно глобальный характер, что в значительной мере может привести к реструктуризации мирового порядка, как в

эволюционном, так и в «революционном» смысле (понимаемом не как вооружённое восстание одних социальных групп против других в масштабе всего мира, но как существенное, значительное изменение мирового политического и экономического уклада). В этих условиях можно говорить о том, что проведённый анализ опыта межгосударственных интеграционных объединений в исторической ретроспективе позволяет сделать эвристическое предположение о высокой вероятности успешного развития евразийской интеграции в рамках инициативы РФ по созданию ЕАЭС.

Статья поступила в редакцию 29.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаров С. О. Проблемы становления международно-правового статуса конфедеративного государства // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 12–15.
2. Гуляков А. Д. Процесс учреждения федеративных государств в центре Европы (опыт Швейцарии, Германии, Австрии) // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 1 (41). С. 5–18.
3. Зиновьев В. П., Троицкий Е. Ф. Евразийская экономическая интеграция: эволюция, проблемы и перспективы // Русин. 2016. № 4 (46). С. 236–251.
4. Копьева А. А. Причины падения первого афинского морского союза // Academy. 2020. № 10 (61). С. 16–17.
5. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. 236 с.
6. Морозова А. Е. ЕС как пример развития для Евразийского союза // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 1 (17). С. 108–110.
7. Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М.: Логос, 2002. 656 с.
8. Семашко Е. В., Яковчук В. И. Формы и методы институционализации межгосударственных образований // Вестник государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 19–26.
9. Тищенко В. В. Философско-правовые основания формирования конфедеративного союза // Вестник Саратовской государственной академии. 2020. № 2 (133). С. 63–74.
10. Юрасова А. В. Конфедерация: исторический опыт и современность // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 5. С. 95–97.
11. Carneiro R. A Theory of the Origin of the State // Science. 1970. Vol. 169. P. 733–738.

REFERENCES

1. Azarov S. O. [Problems of the formation of the international legal status of a confederate state]. In: *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2013, no. 2, pp. 12–15.
2. Gulyakov A. D. [The process of establishing federal states in the center of Europe (experience of Switzerland, Germany, Austria)]. In: *Izvestiya VUZov. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* [Izvestiya VUZov. Volga region. Social Sciences], 2017, no. 1 (41), pp. 5–18.
3. Zinov'ev V. P., Troitsky E. F. [Eurasian economic integration: evolution, problems and prospects]. In: *Rusin* [Rusin], 2016, no. 4 (46), pp. 236–251.
4. Kopyeva A. A. [Reasons for the fall of the first Athenian maritime union]. In: *Academy* [Academy], 2020, no. 10 (61), pp. 16–17.
5. Lakatos I. *Falsifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm* [Falsification and methodology of research programs]. Moscow, Medium Publ., 1995. 236 p.

6. Morozova A.E. [The EU as an example of development for the Eurasian Union]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2012, no. 1 (17), pp. 108–110.
7. Rozov N.S. *Filosofiya i teoriya istorii. Kn. 1. Prolegomeny* [Philosophy and theory of history. Book 1. Prolegomena]. Moscow, Logos Publ., 2002. 656 p.
8. Semashko E.V., Yakovchuk V.I. [Forms and methods of institutionalization of interstate entities]. In: *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Bulletin of State and Municipal Administration], 2012, no. 4, pp. 19–26.
9. Tishchenko V.V. [Philosophical and legal grounds for the formation of a confederative union]. In: *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of Saratov State Law Academy], 2020, no. 2 (133), pp. 63–74.
10. Yurasova A.V. [Confederation: historical experience and modernity]. In: *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law], 2017, no. 5, pp. 95–97.
11. Carneiro R. A Theory of the Origin of the State. In: *Science*, 1970, vol. 169, pp. 733–738.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Обухов Андрей Александрович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии Новосибирского государственного университета;
e-mail: a.obukhov@nsu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Obukhov – Cand. Sci. (Economics), Senior Researcher, Laboratory for Analysis of Integration Processes in Contemporary Eurasia, Novosibirsk State University;
e-mail: a.obukhov@nsu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Обухов А. А. Предпосылки и причины формирования межгосударственных интеграционных объединений в исторической ретроспективе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 75–82.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-75-82

FOR CITATION

Obukhov A. A. Preconditions and Reasons for the Formation of Interstate Integration Associations in Historical Retrospective. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no 1. pp. 75–82.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-75-82

УДК 304.2+304.444

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-83-94

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ФАКТОР ОБЪЕДИНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Сопов В. В., Ярославцева А. В.

*Новосибирский государственный медицинский университет
630091, г. Новосибирск, Красный пр-т, д. 52, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать историческую традицию как один из возможных факторов объединения и развития российского общества.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Задействована общеисторическая и философская методология.

Результаты. Проведённый анализ показал, что историческая традиция (актуальная история) содержит некоторые элементы, пригодные для формирования образа будущего, однако ей нельзя ограничиваться. Историческое прошлое содержит положительные моменты, которые не закреплены в традиции. На них также можно опираться, формируя цели развития. Отстаивается необходимость продолжения исторического творчества, дополнения истории и традиции новациями, адаптирующими общество к современности, её уникальным качественным характеристикам.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Исследование теоретически значимо, поскольку выявляет макрокомпоненты отечественной исторической традиции. Обладает практической значимостью, поскольку нельзя творить будущее, игнорируя прошлое.

Ключевые слова: традиция, история, макроистория, историческая коллективная память, историческое творчество, российское общество, образ будущего

HISTORICAL TRADITION AS A FACTOR IN THE INTEGRATION AND DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN SOCIETY

V. Sopov, A. Yaroslavtseva

*¹Novosibirsk State Medical University
52 Krasny prosp., Novosibirsk 630091, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the historical tradition as one of the possible factors for the integration and development of Russian society.

Methodology. The body of texts is analyzed. General historical and philosophical methodology is used.

Results. Historical tradition (current history) contains some elements that are suitable for shaping the image of the future, but it cannot be limited. The historical past contains positive moments that are not retained in tradition. They can also be relied upon to shape development goals. The need to continue historical creativity, to supplement history and tradition with innovations that adapt society to modernity and its unique qualitative characteristics, is stated to be essential.

Research implications. The new material on the theme of the research is generalized. The study is theoretically significant because it reveals the macro-components of the Russian historical tradition. It is of practical importance, since the future cannot be created ignoring the past.

Keywords: tradition, history, macro-history, historical collective memory, historical creativity, Russian society, type of the future.

© CC BY Сопов В. В., Ярославцева А. В., 2021.

Введение

Целью данной работы является исследование исторической традиции как фактора объединения и развития российского общества. Для этого первоначально необходимо определить, что подразумевается под традицией, что составляет её содержание.

Относительно содержания понятия «традиция»: в буквальном смысле слова это «прежде всего то, что не создано индивидом или не является продуктом его собственного творческого воображения, ... то, что ему не принадлежит, будучи переданным кем-то извне, обычай»¹, унаследованный ныне живущими поколениями из прошлого (живая традиция). Понимаемая в этом смысле, она охватывает собой любое наследие, в т. ч. социально-, политически- и культурно-историческое. Историческую традицию составляют элементы исторического прошлого, которые живы, актуальны в настоящем, в отличие от целокупности прошлого, которое изучает история как наука, независимо от текущего момента этой самой истории.

Нас интересуют те части актуальной истории, которые могут упрочить настоящее положение дел и дать перспективу будущего. Второй смысловой аспект понятия затрагивает отношение традиции к индивидуальному творчеству: несмотря на то, что традиция не создаётся индивидами, она может быть интериоризирована личностью и стать источником творческого вдохновения, переработана личностью и стать материалом для творчества. Индивидуальное творчество строится на базе традиции (не возникает из ничего), обогащает и продолжает традицию.

Понятие «традиция» коннотирует в социально-политическом теоретическом дискурсе с идеологическими постулатами фундаментализма, в социальном и политическом контексте обозначающего стремление вернуть утраченное (вернуться к утраченному). В Российской Федерации наиболее распространённым вырази-

ем социально-политического фундаментализма являются учения, общественные движения, идеологические платформы, допускающие или делающие своей целью курс «назад в СССР» или «назад в Российскую империю», а также консерватизма, ориентированного на сохранение и поддержание исторически сложившегося, «традиционализма».

В работе В. И. Буренко «Консерватизм и традиционализм в политическом процессе современной России» отмечается, что «российский консерватизм вырождается в традиционализм», понимаемый по К. Манхейму как превращение «главной ценности консерватизма», – традиции, – «в определяющий, господствующий фактор общественно-политической жизни, установление жесткой функциональной зависимости между повседневностью и прошлым» [3, с. 18]. К элементам, свидетельствующим о «вырождении» консерватизма в «традиционализм», автор относит такие «реанимированные далеко не лучшие образцы исторического прошлого», как: управление государства бюрократией, действующей вне общества и лишённой социального облика; отсутствие эффективной системы ограничения власти, её контроля [3, с. 17]; нарушенный баланс между стабильностью, устойчивостью, с одной стороны, и динамикой, инновациями – с другой [3, с. 18].

Последнее ведёт к отсутствию модернизации, инноваций, исторического политического творчества народа (аннотация: «консервативная политика правящего класса воспроизводит те традиции в политической культуре российского общества, которые способствуют сохранению власти и привилегий этого слоя и тормозят модернизацию политической системы в демократическом направлении»), к превращению традиции, без которой «невозможно нормальное и здоровое развитие общества», – в благоприятном случае наличия и консервативного, и либерального начал, – в «политическую проблему» [3, с. 18].

Важнейшие методологические аспекты применительно к содержанию историче-

¹ Традиция // Википедия [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Традиция> (дата обращения: 28.12.2020).

ской традиции и данному исследованию следующие: сохранить связь времён и способность двигаться в направлении никогда ранее не бывшего – два необходимых начала не только для исторического развития, но и для существования общества и государства. Хотелось бы подчеркнуть сложность определения положительного содержания понятия исторической новизны. Демократия стара, как стар консерватизм. Очень мало есть такого, чего бы не было в истории, а понятие модернизации коррелирует именно с этой малостью, поэтому его трудно определить. Практически всё есть история и традиция, – что делает крайне важным качеством традиции (и истории).

Чёрные и белые страницы исторического социокультурного опыта вместе составляют историю и наследие. Утверждать обратное – как утверждать, что опыт нищеты, бесправия, заключения, болезни не оказывает никакого влияния на личность. Верно то, что негативный, травмирующий опыт деградации или пребывания в униженном положении перестаёт осознаваться в качестве такового, начинает восприниматься как норма, формирует культуру, ценности, установки, модели поведения, которые социально наследуются, поддерживаются в качестве традиции. В частности, Ю. Ю. Мигунова называет бедность в качестве причины социального раскола и культурной депривации низших слоев [14, с. 41], Н. Е. Тихонова утверждает, что вследствие обретения опыта бедности материальное положение оказывается объективно решающим и субъективно осознаваемым критерием, определяющим социальный статус [18, с. 13], З. Т. Голенкова – вследствие роста маргинальной группы «новых бедных», расширения границ «поля слёз», в обществе нарастают напряжённость, экстремизм, национализм [6, с. 84], О. И. Шкаратан отмечает привыкание к бедности, включение в культуру бедности [22, с. 17]. Отдельные элементы упомянутой культуры: «бедность запросов и ожиданий, потребностей и моделей выбора» [12, с. 36], «качество жизни и сознания, основанное на постоян-

ном сравнении и неудовлетворенности» [2, с. 3], низкая социальная активность и относительная социальная изоляция [2, с. 5], отсутствие долгосрочного планирования [2, с. 7], ориентации на успех [2, с. 8], приверженность институциональной архаичности [19]. Этот опыт [10] также остаётся в памяти и меняет; делает людей, нации и государства такими, какие они есть.

Поэтому рассмотрение исторической традиции, каковое должно предшествовать исследованию её потенциала в роли объединяющего российское общество фактора, с одной стороны, должно включать в себя как позитивные, так и негативные моменты нашей истории, унаследованные ныне живыми поколениями. При этом особого внимания заслуживают в первую очередь не целокупность составляющих историко-культурного наследия, моментов в прошлом, которые оказывают влияние на современность, но элементы традиции, которые могут оказаться полезными в будущем. Полностью объективной истории и, тем более, исторической традиции, не существует. Авторы, которые в качестве настоящего и будущего не готовы видеть либеральную демократизацию, будут в качестве позитивных моментов истории видеть, например, правление Сталина или Ивана Грозного. Важно найти такие фигуры и такие события, которые будут отвечать образу будущего [7, с. 21–23], перспективной идеологии, выявление значимых черт и характеристик которого является одной из задач нашего поиска.

Политическая традиция России (актуальная политическая история)

В политическом смысле российская традиция – это самодержавие почти повсеместно либо абсолютное, – Великие князья Московские, Пётр I, Елизавета Петровна, Екатерина II, Николай I, Александр III, – либо с элементами либерализма и конституционализма, – Александр I, Александр II, Николай II (думская монархия), – либо, в как XVII веке, – сословно-представительная монархия в виде самодержавия и Земских Соборов, – Михаил Фёдорович, Алексей Михайлович. Князья

Киевской Руси были ограничены вечем, долгое время существовали Новгородская и Псковская республики, где власть принадлежала народному собранию (вече) вплоть до завоевания Новгорода и Пскова Иваном III.

В советское время укрепилось абсолютное единодержавие Ленина, Сталина, Брежнева, опиравшихся на номенклатуру и партийный аппарат, – официально декларировался демократический централизм, на деле существовал почти абсолютный централизм, элементы демократии в партии в 20-е гг. и отчасти при Хрущёве были выкорчеваны, при Сталине и Брежневе, господствовала идеократия, существовала высокая вертикальная социальная мобильность, но реализуемая бюрократическими, а не демократическими средствами. Официально наличествовала однопартийная система и советская демократия, в которой отсутствовала многопартийность и плюрализм, все демократические свободы были декларированы, но их не было на самом деле, в частности, цензура присутствовала везде, – в культуре, науке, печати.

Россия после 1991 г. представляет собой по форме государственного устройства президентскую республику, типу правового строя – либеральную демократию, однако с возможностью фактической реализации любых политических моделей, включая все перечисленные вплоть до полного самодержавия. Данная возможность в значительной мере обусловлена отсутствием полноценной рецепции системы права [8, с. 9, 18].

Экономическая традиция России

В экономической истории следует отметить сложную, но традиционную для России диалектику отношений собственности и личной, гражданской, политической свободы.

В период с 862 по 1917 гг. преобладала частная собственность на средства производства, с 1917 по 1991 – преимущественно государственная собственность на средства производства. Оба упомянутых вида собственности опирались на общину как

форму социальной организации основной массы населения.

В начале первого периода, во времена образования и расцвета древнерусского государства, удельной Руси до татаро-монгольского нашествия, рабство и холопство были распространены незначительно, собственность на землю (основной ресурс) была преимущественно феодальной, княжеские дружинники и слуги составляли привилегированный слой землевладельцев; работники на земле были организованы в общину и преимущественно лично свободны (люди), обладали гражданскими правами.

Постепенное формирование крупной земельной феодальной собственности двух видов в период монгольского ига и Московской Руси – вотчинной (безусловное держание, полная частная собственность) и поместной (условное держание, за службу), сопряжённое с формированием боярства и помещиков как классов, – привело к утрате общинниками личной свободы на землях частных землевладельцев (права собственности на недвижимое имущество, права свободного распоряжения своими способностями к труду, выбора рода занятий), к приобретению ими статуса «имущества», «прикреплённого» к земле. Впоследствии, в Петербургской Руси, – к окончательному выводу общинников на землях частных землевладельцев из системы права, – в силу отсутствия правового регулирования платежей и повинностей; отсутствия права обжалования решения «хозяина» в независимом органе, инстанции; неограниченных прав «хозяина» в распоряжении жизнью, здоровьем общинника и т. п. Личная свобода, собственность, действие системы права – всё это имело отношение только к государственным крестьянам, которые были лично свободными плательщиками налогов за пользование государственной землей в казну.

В Петербургской Руси, – используем терминологию Б. Н. Чичерина, – завершился процесс закрепощения и начинался процесс раскрепощения сословий [13], выразившийся в наложении правовых ограничений на подневольный труд Павлом I, в прописыва-

нии правового положения отпускаемых на волю крестьян Александром I, реформе 1861 г. Александра II, благодаря которой общинники, пребывавшие в статусе крепостных крестьян, получили свободу (гражданскую правоспособность) и собственность.

Отдельно отметим, что в начале XX в. собственность на основной ресурс (землю) оставалась общинной. В 1906–1917 гг. была предпринята попытка упразднения сельской общины, насаждения частной собственности среди крестьян (хутора и отруба), которую постигла неудача: правом выхода из общины воспользовалось двадцать шесть процентов крестьян, причём три четверти из них «взяли свои участки в собственность против воли односельчан» [5, с. 109].

В период с 1917 по 1991 гг. «общинная», коллективная, кооперативная собственность на землю, иные ресурсы, средства производства и орудия труда была восстановлена, сохранена, стала государственной, частная (личная) собственность минимизируется, ликвидируется повсеместно по мере фактического сворачивания и юридического прекращения новой экономической политики 1920-х гг. Однако, следует заметить, что государственная собственность рассматривалась народом не столько как принадлежащая государству и государственной бюрократии, сколько как общественная собственность, принадлежащая всем людям. Подобно убеждённости крестьян, которых было подавляющее большинство и которые всю историю государства Российского считали, что земля принадлежит им, а у феодалов, иных встречавшихся в истории частных землевладельцев, не должно быть никакой собственности, никакой земли.

Тотальность установленной общинной собственности уже под эгидой государства вновь сочленилась с ограничениями на владение личным имуществом, на право распоряжения способностями к труду, выбора рода занятий.

1991 г. – вторая за столетие серьёзная попытка упразднения «общинной» собственности, следствие – действия по построению правового государства, гражданского

общества, т. е. попытка рецепции системы права. Далее – формирование крупной собственности на средства производства, орудия труда, – и закрепощение, которое следует понимать как лишение прав и свобод, в частности права распоряжаться собственностью, т. е. права собственности, условных общинников (коллективных собственников наподобие собственников помещений в многоквартирных жилых домах без индивидуальных договоров на оказание коммунальных и, тем более, жилищных услуг, или мелких акционеров). «Общинники» пока лично свободны, но уже составляют отдельный от крупных промышленных и земельных собственников класс. Имеются признаки ликвидации действия системы права, прекращения действия политических механизмов вертикальной мобильности... Оставляем открытым вопрос относительно устойчивости цикла обретения и утраты прав и свобод в связи с обращением отношений собственности [16].

Наследуемые элементы идеологии

К идеологической традиции отнесём «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона (XI в.) – проповедь о превосходстве Благодати (ничем обусловленной милости) над Законом. Закон – оправдывает, Благодать – спасает, спасение важнее правоты (аналогом которой является справедливость), грехи и неправды искупаются милостью. Данная концепция является лучшим вариантом признания малозначимости, бессмысленности правовых институтов и инструментов, – правового нигилизма, неизменной составляющей российской ментальности, которая в наши дни приобрела форму рутинного, повседневно привычного предпочтения «прямых распоряжений администрации» Конституции, если гражданином усматривается противоречие, особенностей правоприменительной практики, отдельных правовых норм.

Присоединим концепцию Москвы – третьего Рима. В Послании князю Василию

инока Филофея представлена идеологема, касающаяся самосознания российской государственности, описываемая концепцией *Renovatio Imperii*, «которая достигла своего апогея между IX и XII вв.»¹, к XVI в. трансформировавшаяся в концепцию *Translatio Imperii*, послужившую основанием для фактического слияния начал царизма и греческого византийского православия в симфоническое единство, обусловившую «подморозку» России с целью сохранить оба эти начала в неприкосновенности: «Тот, кто от вышней и от всемогущей, все в себе содержащей, десницы Божьей, которой цари царствуют и которой великие славятся и могучие возвещают праведность твою ... кто вместо римского и константинопольского владык воссиял, – ибо старого Рима церковь пала по неверию ереси Аполлинария, второго же Рима, Константинова града, церковные двери внуки агарян секирами и топорами рассекли, а эта теперь же третьего, нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь во всех концах вселенной в православной христианской вере по всей поднебесной больше солнца светится, – так пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоём царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь»².

Христианская империя имела ещё большее значение, чем империя языческая, «помимо единой императорской власти, уподобляющейся власти Бога, империя имеет ещё ряд черт, делающей её земным образом Царствия Божия. Это относится прежде всего к тому, что в своем идеале это сообщество людей, объединённых идей Православия, то есть правильной веры,

идеей правильного славения Бога, и таким образом преодолевших то разделение на языки, этносы, культуры, которое было следствием греха – попытки человечества самовольно достичь Небес, построив Вавилонскую башню»³, отсюда православный, имеющий своим следствием этнический, универсализм, положительным моментом которого является неприятие национализма, отрицательным, – поскольку подрывает основы государственности при утрате способности руководствоваться религиозными принципами народом, – стремление объединить единоверцев в рамках одного государственного образования, легитимация власти императора, любых установлений империи православием. Пояснение последнего тезиса: поскольку в основу государственного строя были положены не-институализированные этические принципы, – «политическая сущность бытия русского народа состоит в том, что он создал свою особую концепцию государственности, которая ставит выше всего, выше юридических отношений, начало этическое. Этим создана русская монархия как верховенство национального нравственного идеала, и она много веков вела народ к развитию и преуспеянию, ко всемирной роли, к первой роли среди народов земных – именно на основе такого характера государства»⁴, – утрата способности руководствоваться высокими этическими стандартами в отсутствие системы права, в ситуации, когда религиозное учение традиционно занимало место Конституции, имеет катастрофические последствия.

Идеология Возрождения в целом: достаточно распространено мнение, что важнейшая роль в формировании политико-правовых доктрин современных европейских государств принадлежит идеоло-

¹ Лурье С. В. Историческая этнология. Сюжет 11 *Translatio Imperii* // ВикиЧтение. URL: <https://history.wikireading.ru/208397> (дата обращения: 28.12.2020).

² Послание великому князю Василию, в котором об исправлении крестного знамения и о содомском блюде [Электронный ресурс] // Послания старца Филофея / подг. текста, пер. и комм. В. В. Колесова. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105> (дата обращения: 28.12.2020).

³ Лурье С. В. Историческая этнология. Сюжет 11 *Translatio Imperii* // ВикиЧтение [сайт]. URL: <https://history.wikireading.ru/208397> (дата обращения: 28.12.2020).

⁴ Тихомиров А. А., цит. по: Фомин С. «Царь в Саккосе». К восстановлению Симфонии в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=182> (дата обращения: 28.12.2020).

гии Ренессанса, а политические доктрины, в свою очередь, формируют отношение к системам ценностей, существующих в обществе и государстве, побуждают к действию все политические силы, институализируются в праве [18]. Отмечается разница в идеологических трендах Ренессанса в Европе и Византии, которая оказалась существенной для России: вместо европейского возрождения языческой религиозности – возвращение к этическим принципам раннего христианства (православный фундаментализм); вместо строительства новой культуры, нравственности – акцент на сохранении идеологических основ христианского мира. Взамен стремления к светскому, республиканскому, демократическому управлению – новое обоснование государственного единства священства и царства, в котором только и может быть реализован один из ключевых принципов церковного права – соборность мнения (исключающий разнообразие позиций по любому вопросу); соблюдена Божественная воля, установившая для людей монархическую форму правления, в которой властитель выступает гарантом нравственности (включая «правильномыслие») доверенных ему людей, а не права.

За экономическим успехом, способами хозяйствования модерна также стояла определённая идеология, дух, мировоззрение, этика, носителями которых принято считать представителей новых религиозных течений, сложившихся в эпоху Возрождения. Аналогом протестантизма в России в указанном отношении могло бы выступить старообрядчество. А. И. Тюленев называет такие черты сходства, как полиструктурность, интеллектуальная свобода в религиозных вопросах, индивидуальный духовно-религиозный поиск, возврат к истокам, отвержение средневековых религиозных новаций по соображениям здравого смысла, реформа церковного устройства в направлении установления демократических институтов, сопряжённого с противопоставлением религиозной общины государству и слившейся с государством церкви; обращает

внимание на то, что предпринимательству старообрядцев в России также сопутствовал успех [20]. Поскольку ценности старообрядцев не стали социальными ценностями российского общества, отнесём их систему к тому классу идеологий, которые были представлены в истории, но не получили полномасштабной реализации.

Все виды современных идеологий были представлены в истории России: анархизм, коммунизм, социализм, консерватизм, либерализм, национализм, – кроме, пожалуй, пацифизма, а реализованы – не все. Воплощены социалистические, коммунистические идеи, в политическом поле продвигавшиеся революционными демократами, социал-демократами, большевиками, меньшевиками, эсерами. Достаточно сильна традиция консерватизма, в дореволюционной России преобладающая в государственной политике, в постсоветский период институализированная в многочисленных общественных движениях и объединениях – евразийстве, возрождённом казачестве, современном монархизме, таких политических партиях, как «Партия российского единства и согласия» «Родина», «Партия Роста», а также КПРФ, «Единая Россия» [4].

Появление первых отечественных либеральных доктрин относится к XIX в., в начале XX в. либерализм в России приобрёл «практический» характер (свойства объединяющей и действующей силы) [12, с. 311]. Либерализм в СССР был представлен диссидентским правозащитным движением, в постсоветский период – проведением экономических либеральных реформ и попыткой предоставить населению равные гражданские права и свободы, ввести в действие систему права. Но он по-прежнему остаётся идеологией «второго плана», «подвергающейся ожесточенной критике» [11, с. 1053; 9].

Заключение

В основе будущего лежит творчески переработанная история. Единственное основание для будущего, – движущая сила

истории – творчество. Если традицию не иметь в виду – она возобладает; в некоторых случаях традиционное будет восприниматься как нечто новое. Прошлое и традиция обладают высокой степенью инерции, так что будущее и настоящее до некоторой степени зависят от прошлого. Влияние прошлого на будущее вместе с тем не стоит переоценивать. В каждый момент времени история открыта для творчества будущего, и как традиция предполагает новацию, так и новация предполагает традицию. В традиции всегда есть элементы, на которые может опереться будущее творчество, и отбрасывать их за ненадобностью – значит столкнуться с ними всё равно, но уже потеряв всякий сознательный контроль над ними.

Содержит ли традиция дающие перспективу, обеспечивающие будущее элементы, или компоненты, лишаящие Россию надежд?

Годные для будущего элементы в политическом смысле – Новгородская и Псковская республики и опыт первых веков Киевской Руси, когда власть князя ограничивалась народным вече, опыт думской монархии после Манифеста 17 октября 1905 г., краткий опыт Временного правительства, свободный республиканский строй после выборов съезда народных депутатов в СССР в 1989 году и выборов в Госдуму в 1993 г., в экономическом – и частная, и государственная собственность, и кооперативная собственность на средства производства, равноправие всех форм собственности при царе; в идеологическом – представленность практических всех видов идеологий, начиная с начала XIX в. вплоть октября 1917 и после 1987 гг., дающая свободу, способность ориентироваться на высокие этические стандарты в государственном строительстве.

Достаточно ли существующей традиции для формирования дееспособной, эффективной идеологии, политической программы, или для этого необходимо опереться на те части российской истории, которые не стали частью исторической (политической, экономической, идеологической) традиции?

Разумеется, нет, потому что многие положительные моменты, с которыми столкнулась Россия в прошлом, не составляют актуальной истории (традиции), которая могла бы упрочить настоящее положение дел и дать перспективу будущему. В частности, это общие смыслы (ценности), транслируемые великой русской литературой и искусством, как вера в народ, в такие черты народного характера, как открытость, правдивость, мужество, щедрость, гостеприимство; любовь к Родине, вера в индивидуальный успех, коллективный, национальный успех, социальная справедливость (справедливый суд, равенство всех перед законом, правдивое слово, равенство возможностей, справедливое распределение материальных благ), свобода и неприкосновенность личности (невмешательство государства в частную жизнь граждан), социальное государство (помощь бедным и обидимым), права человека и гражданина, свобода совести (веротерпимость), социальные и культурные права.

Должно ли прекратиться историческое творчество?

Конечно, нет, хотя мало есть такого, чего бы не было в истории человечества, и понятие модернизации коррелирует именно с этой малостью, поэтому его трудно определить в общем случае, но кое-что для России можно определить сейчас, потому что история России не столь обширна, как история человечества, и текущая ситуация достаточно уникальна очевидностью общемировых трендов развития.

Один из них обусловлен вызванным духовно-нравственной пустотой и чрезмерной коммерциализацией систем ориентации человечества загрязнением, утратой окружающей среды. Имеется в виду тренд на сохранение, сбережение, восстановление окружающей среды, «зелёный курс», «зелёное восстановление» экономики; тенденция к представлению природы как субъекта. Следование названной тенденции требует «экоцентричности», – систем морали и нравственности, которые допускают «идеал гармонии общества и природы, партнерских отношений человека и

природной среды» [16, с. 75], интеграции сепаратных (отдельных, частных) прав в права биосферы в обществах, где укоренилась система права.

Подосновой экономических, юридических, политических движений в данном случае является переход от антропоцентрических моделей мировоззрения (а также философии, идеологии) к биоцентрическим [11; 23], что актуализирует не только экологические общественные движения и государственную политику, но и традиционные религии, системы ценностей которых допускают заботу об окружающей среде, нечеловеческих видах сущего, почти все виды философии – поскольку необходима выработка новых систем ценностей, некоторые виды культуры, наподобие чаньского искусства или европейского Ренессанса, которых не было в истории России и, соответственно, нет в традиции.

Что в этих условиях может помочь объединению и развитию русского общества?

То, что может быть реализовано и получить народную поддержку именно потому, что является традиционным и дополненными тем актуальным, которое будет инновационным для нашего общества, но от этого не менее необходимым – ведь речь идёт о будущем и о политике, которая является важной частью исторического творчества народа. Потому что в будущее нельзя шагнуть, прекратив писать историю, перестав быть историческим народом; инновации могут быть включёнными в традицию элементами истории, которые до этого в неё (традицию) не входили.

«Консерватизм» может и должен быть дополнен условным «либерализмом». В том числе по причине застоя в экономике, экономического тупика. Поскольку научно-технический прогресс и прогресс в целом позволяет преодолевать застойные явления, выходить из тупиков и именно условный «либерализм» «ответственен» за прогресс (изменения и развитие) – в политическом пространстве актуальны либеральный консерватизм, умеренный консерватизм, вообще республиканизм, конституционные демократы, коммунизм,

социализм, политическая свобода; в экономическом – умеренный протекционизм, умеренное вмешательство государства в экономику с целью стимуляции экономического роста, повышения конкурентоспособности российских предприятий и товаров (востребованы С. Ю. Витте и экономическая практика и теория конца XIX – начала XX вв., частично советский опыт плановой экономики и стимуляции научно-технического прогресса).

Человек может и должен быть возвышен, превращён в материально обеспеченную, свободную, творческую, экономически, культурно и социально активную личность, ответственную перед будущими поколениями.

Общество может быть справедливым, допускать и государственную, и частную, и кооперативную собственность на средства производства, свободный рынок (государственные предприятия на хозрасчёте и самокупаемости, т. е. свободные агенты рынка), демократию, многопартийность, правовое государство, независимый суд, политические права и свободы личности, веротерпимость, социальные, экономические и культурные права человека, бесплатное образование и здравоохранение, свободу печати, цензуру лжи, широкую государственную и частную благотворительность, государственную поддержку культуры и науки, поощрение социальной и культурной активности граждан (некоммерческие организации), ограничения в зарплате госслужащих («слуг народных»); допустимость богатства, но в ограниченных размерах (налог на роскошь, прогрессивный налог), недопустимость бедности и нищеты, уничтожение безработицы (право на труд), поддержка традиционных (семья, мир, труд, миролюбивая внешняя политика, национальная самобытность) и нетрадиционных, но особенно важных в текущий момент, ценностей: охрана природы, здоровая окружающая среда, обеспеченность экосистемными услугами – и идея, принцип, ценность международной кооперации, сотрудничества в этой сфере – потому

что нельзя сохранить *планету* пригодной для жизни в рамках *отдельного локуса*.

Путь к объединению и развитию российского общества лежит через взаимодействие и сотрудничество двух начал: условного «консерватизма» и «традиционализма» с условным «либерализмом». Первое обуславливает устойчивость социальной системы, второе – её творческое

преобразование. В результате мы получаем устойчивое развитие, о котором много написано, но идеологический источник которого не все понимают или принимают. Тем не менее, именно на этом пути можно достигнуть хоть какого-то прогресса и найти выход из возможных тупиков и проблем.

Статья поступила в редакцию 20.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асонов Н. В. Становление и реализация ведущих политических доктрин Московской Руси // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 2. С. 259–268.
2. Беглова Е. И. Социокультурные особенности феномена бедности в России // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 9 (17). С. 4.
3. Буренко В. И. Консерватизм и традиционализм в политическом процессе современной России // Вестник университета (ГУУ). 2014. № 7. С. 17–20.
4. Вититнев С. Ф. Современный российский консерватизм и политический процесс // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 227–240.
5. Володин В. М. Уроки столыпинской аграрной реформы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 2. С. 107–116.
6. Голенкова З. Т. Динамика социоструктурной трансформации в России // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 77–84.
7. Желтикова И. В. Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» // Философская мысль. 2020. № 2. С. 15–32.
8. Иноземцев В. Л. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. М.: Альпина Паблишер, 2018. 177 с.
9. Казбан Е. П., Степанова С. С. Либерализм в ценностной системе российского общества // PolitBook. 2019. № 1. С. 181–194.
10. Кодола В. Г. Социально-историческая категория «опыт» // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Т. 12. № 2. С. 100–108.
11. Крайнов А. Л. Биоцентризм как модель экологического развития общества: социально-философский анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20. № 2. С. 129–133.
12. Красильникова М. Д. Культура бедности. Постсоветский комментарий к Веблену // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 1 (107). С. 36–50.
13. Лобеева В. М. Универсальные характеристики и национальные особенности бытия словий: концепция Б. Н. Чичерина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. № 4. С. 3–11.
14. Мигунова Ю. Ю. Социальная структура российского общества: состояние и проблемы теоретической разработки // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 1. С. 40–44.
15. Пархоменко Р. Н. Дискуссии о либерализме в современной России // Политика и Общество. 2013. № 8. С. 1052–1063.
16. Повилайтис А. В. Проблема итеративности и цикличности исторического процесса: социально-философский анализ // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 11. С. 168–174.
17. Приленский В. И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М.: ИФРАН, 1994. 312 с.
18. Тихонова Н. Е. Социальная структура российского общества. Итоги 8 лет реформ // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 5–15.
19. Трипольский Р. И. Очередной сон Веры Павловны. (Из этюдной тетради по отечественной макростории) // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2012. № 1. С. 128–131.

20. Тюленев А. И. Протестантско-старообрядческая мораль как условие развития рационального предпринимательства // Омский научный вестник. 2010. № 5 (91). С. 74–77.
21. Фалько В. И., Лукманов Р. Р. Проблема прав и субъектности природы // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2015. № 4. С. 75–83.
22. Шкаратан О. И. Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: динамика уровня жизни и положение социальных низов // Политическая концептология. 2012. № 3. С. 14–37.
23. Яблоков А. В., Левченко В. Ф., Керженцев А. С. Очерки биосферологии. О гармонизации взаимоотношений человека и биосферы // Философия и космология. 2017. Т. 18. С. 52–83.

REFERENCES

1. Asonov N. V. [Formation and implementation of the leading political doctrines of Moscow Russia]. In: *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2009, no. 2, pp. 259–268.
2. Beglova E. I. [Sociocultural features of the phenomenon of poverty in Russia]. In: *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Contemporary research on social problems], 2012, no. 9 (17), pp. 4.
3. Burenko V. I. [Conservatism and traditionalism in the political process of modern Russia]. In: *Vestnik universiteta (Gosudarstvennogo universiteta upravleniya)* [University Bulletin (State University of Management)], 2014, no. 7, pp. 17–20.
4. Vititnev S. F. [Modern Russian conservatism and the political process]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Science], 2017, no. 5, pp. 227–240.
5. Volodin V. M. [Lessons from the Stolypin agrarian reform]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* [Proceedings of higher educational institutions. Povolzhsky region. Social Sciences], 2012, no. 2, pp. 107–116.
6. Golenkova Z. T. [Dynamics of socio-structural transformation in Russia]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 1998, no. 10, pp. 77–84.
7. Zheltikova I. V. [Future studies and the place in them of the concept “image of the future”]. In: *Filosofskaya mysl'* [Philosophical thought], 2020, no. 2, pp. 15–32.
8. Inozemtsev V. L. *Nesovremennaya strana. Rossiya v mire XXI veka* [Not a modern country. Russia in the world of the XXI century]. Moscow, Al'pina Publisher Publ., 2018. 177 p.
9. Kazban E. P., Stepanova S. S. [Liberalism in the value system of Russian society]. In: *PolitBook*, 2019, no. 1, pp. 181–194.
10. Kodola V.G. [Socio-historical category “experience”]. In: *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought], 2020, vol. 12, no. 2, pp. 100–108.
11. Krainov A. L. [Biocentrism as a model of the ecological development of society: socio-philosophical analysis]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Saratov University. New series. Philosophy Series. Psychology. Pedagogy], 2020, vol. 20, no. 2, pp. 129–133.
12. Krasil'nikov M. D. [A culture of poverty. Post-Soviet commentary on Veblen]. In: *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [Public Opinion Bulletin. Data. Analysis. Discussions], 2011, no. 1 (107), pp. 36–50.
13. Lobeeva V. M. [Universal characteristics and national characteristics of the existence of estates: the concept of B. N. Chicherin]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences], 2009, no. 4, pp. 3–11.
14. Migunova Yu. Yu. [Social structure of Russian society: state and problems of theoretical development]. In: *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Maykop State Technological University], 2010, no. 1, pp. 40–44.
15. Parkhomenko R. N. [Discussions about liberalism in modern Russia]. In: *Politika i Obshchestvo* [Politics and Society], 2013, no. 8, pp. 1052–1063.
16. Povilaitis A. V. [The problem of iteration and cyclicity of the historical process: socio-philosophical analysis]. In: *Manuskript* [Manuscript], 2020. vol. 13, no. 11, pp. 168–174.
17. Prilensky V. I. *Opyt issledovaniya mirovozzreniya rannikh russkikh liberalov* [The experience of researching the worldview of early Russian liberals]. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., 1994. 312 p.
18. Tikhonova N. E. [The social structure of Russian society. Results of 8 years of reforms]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2000, no. 3, pp. 5–15..

19. Tripol'sky R. I. [Another dream of Vera Pavlovna. (From a sketchbook on Russian macrohistory)]. In: *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Trudy` Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Murmansk State Technical University. Proceedings of Murmansk State Technical University], 2012, no. 1, pp. 128–131.
20. Tyulenev A. I. [Protestant-Old Believer morality as a condition for the development of rational entrepreneurship]. In: *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2010, no. 5(91), pp. 74–77.
21. Fa'ko V. I., Lukmanov R. R. [The problem of the rights and subjectivity of nature]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa – Lesnoj vestnik* [Bulletin of Moscow State University of Forestry – Lesnoj Bulletin], 2015, no. 4, pp. 75–83.
22. Shkaratan O. I. [Reproduction of socio-economic inequality in the post-Soviet Russia: dynamics of living standards and the position of the social lower classes]. In: *Politicheskaya kontseptologiya* [Political conceptology], 2012, no. 3, pp. 14–37.
23. Yablokov A. V., Levchenko V. F., Kerzhentsev A. S. [Essays on biospherology. On the harmonization of relationships between man and the biosphere]. In: *Filosofiya i kosmologiya* [Philosophy and Cosmology], 2017, vol. 18, pp. 52–83.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сопов Владимир Валентинович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры медицинского права Новосибирского государственного медицинского университета;
e-mail: vla-sopov@yandex.ru

Ярославцева Анна Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Новосибирского государственного медицинского университета;
e-mail: almarlis@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir V. Sopov – Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer, Department of medical law, Novosibirsk State Medical University;
e-mail: vla-sopov@yandex.ru

Anna V. Yaroslavtseva – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of philosophy, Novosibirsk State Medical University;
e-mail: almarlis@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сопов В. В., Ярославцева А. В. Историческая традиция как фактор объединения и развития российского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 83–94.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-83-94

FOR CITATION

Sopov V. V., Yaroslavtseva A. V. Historical Tradition as a Factor in the Integration and Development of the Russian Society. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no 1. pp. 83–94.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-83-94

УДК 343.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-95-101

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ УГРОЗА И ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Тимофеев А. В.¹, Комолов А. А.²

¹ Самарский государственный технический университет
443090, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244, Российская Федерация

² Самарский государственный университет путей сообщения
443066, г. Самара, ул. Свободы, д. 2В, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать феномен киберпреступности как угрозу безопасности общества и объект нормативно-правового регулирования, обозначить меры проведения эффективной политики по борьбе с киберпреступлениями.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ причин возникновения и роста киберпреступности в XXI в.; рассматриваются разновидности киберпреступлений и их эволюция; объясняются сложности противодействия им; получает осмысление российский и международный опыт предотвращения киберпреступлений, зафиксированный в соответствующих нормативно-правовых документах; отмечается роль цифровых технологий в проведении наиболее эффективной политики в сфере противодействия киберугрозам.

Результаты. Проведённый анализ показал, что киберпреступность представляет серьёзную угрозу современному обществу и его информационной безопасности. Для проведения эффективной политики в сфере борьбы с киберпреступлениями рекомендованы привлечение и совершенствование цифровых технологий (блокчейн, искусственный интеллект), ужесточение ответственности за совершение киберпреступлений и целенаправленная борьба с кибертерроризмом.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования обусловлена его сопряжённостью с новым, не существовавшим вплоть до XXI в. видом преступности – киберпреступностью. Киберпреступность является проблемой личной и социальной, внутригосударственной и международной. Вопросы совершения и раскрытия преступлений в информационной среде требуют пристального внимания и незамедлительного реагирования.

Ключевые слова: киберпреступление, информационные технологии, информационная безопасность, кибертерроризм, хакерская атака, блокчейн, искусственный интеллект

CYBERCRIME AS A SOCIAL THREAT AND AN OBJECT OF LEGAL REGULATION

A. Timofeev¹, A. Komolov²

¹Samara State Technical University
244, Molodogvardeyskaya ul., Samara 443100, Russian Federation

²Samara State Transport University
2B Svobody ul., Samara 443066, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the phenomenon of cybercrime as a threat to the security of the society and an object regulated by legal norms, to identify measures to implement an effective policy to fight cybercrimes.

Methodology. The main content of the research is the analysis of the reasons for the growth of cybercrimes in the XXI century; the types of cybercrimes and their evolution are considered; the difficulties of fighting them are explained; Russian and international experience in cybercrimes' preventing, fixed

in the relevant legal norms is given purport; the role of digital technologies in implementing the most effective policy in the field of counteracting cyber threats is noted.

Results. The analysis showed the cybercrime as a serious threat to modern society and its information security. To implement an effective policy in the field of fighting cybercrimes, it's recommended to attract and improve digital technologies (blockchain, artificial intelligence), increase responsibility for committing cybercrimes and fight cyberterrorism purposefully.

Research implications. The theoretical / practical importance of the study is due to its connection with a new type of crime that hasn't existed until the XXI century – cybercrime. Cybercrime is both a personal and social, state and international problem. The questions of committing and solving crimes in the information field require close attention and immediate reaction.

Keywords: cybercrime, information technology, information security, cyberterrorism, hacker attack, blockchain, artificial intelligence

Введение

В эпоху цифровизации система социального взаимодействия основана на использовании интернета. Согласно отчету Digital 2020, в течение 2020 г. данной сетью пользовалось 4,54 млрд человек, что составляет 59% пользователей всего мирового сообщества [11]. Интернет делает более доступными общение и коммуникацию, способствует развитию самых разных сфер деятельности человека [10, с. 1043]. Однако данное информационное пространство стало также полем для преступных деяний. В XXI в. человечество впервые столкнулось с новым, ранее неизвестным видом преступности – киберпреступностью.

Киберпреступность основывается на взломе интернет-страниц, распространении вредоносных программ и противоправной информации людьми, осуществляющими преступную деятельность в виртуальном пространстве с помощью информационных технологий. Немаловажную роль для осуществления подобного рода противозаконной деятельности играет компьютер. Он является техническим средством, инструментом, позволяющим злоумышленникам не только похищать информацию, уничтожать или повреждать её, но и размещать вредоносные сайты, на которых содержатся компьютерные вирусы.

Данный вид преступления, как, впрочем, и все другие, таит в себе угрозу информационной безопасности общества. Помимо кражи денежных средств с банковских карт

киберпреступники научились похищать персональные данные человека, что может нанести непоправимый урон его репутации в случае опубликования этой информации в сети. Киберпреступность является проблемой не только каждого отдельного взятого интернет-пользователя, – её следует рассматривать в более широком, социальном и даже международном ключе. От роста киберпреступности страдают не только физические, но и юридические лица; жертвами хакерских атак в нашей современности становятся целые страны, государства.

Вопросы совершения и раскрытия преступлений в информационной среде требуют пристального внимания и незамедлительного реагирования, подтверждением чему являются неутешительные статистические данные. Так, в России, начиная с 2013 г., количество нарушений, связанных с применением современных технических устройств, было около 11 тыс., а в 2016 году – уже 66 тыс. Если брать данные в мире, за 2017 г. было похищено около \$1,2 млрд в криптовалюте [4, с. 383].

Разновидности киберпреступлений

Серьёзный шаг, направленный на борьбу с киберпреступностью, был сделан 23 ноября 2001 г. В Будапеште была принята подписанная членами Совета Европы Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации. По сути, данная Конвенция, действующая на национальном уровне, стала первым документом,

закрепившим необходимость правового преследования киберпреступных деяний. В ней упоминалось четыре основных вида киберпреступности: незаконный доступ, незаконный перехват, вмешательство в данные, вмешательство в систему. Однако за 20 прошедших лет киберпреступность совершенствовалась, и в нашей современности существует множество её разновидностей, таких как фишинг, фарминг, киберторговля наркотиками, кибертерроризм, социальное хакерство (пиратство) и мн. др.

Фишинг – один из самых распространённых видов кибермошенничества, основанный на выявлении и изъятии у человека его персональных данных для доступа к банковским счетам, осуществляемых обманным путём. Чаще всего хакеры присылают пользователям файл или ссылку, содержащие вредоносные шифры. При переходе по таким ресурсам осуществляется считывание данных, взламывается банковский счёт и происходит снятие с него денег.

Фарминг – вид киберпреступлений, направленный на удалённое взламывание компьютера. Благодаря этому хакер получает к нему полный доступ: он может редактировать документы, наблюдать за пользователем компьютера с помощью аудио- и видеонаблюдения, вводить разные вредоносные программы, собирать информацию о пользователе. Главная особенность этого киберпреступления в том, что пострадавший даже не будет догадываться, что в данный момент с его компьютером производятся подобного рода манипуляции.

Киберторговля наркотиками также осуществляется с помощью информационных технологий. С их помощью до клиента доводятся зашифрованные координаты местонахождения товара, осуществляется оплата за «товар».

Кибертерроризм предполагает осуществление террористических действий с использованием и через посредство информационных технологий. К таким действиям относятся распространение информации о терактах, которые планируются к совершению в будущем, а также призывы к осуществлению террористических действий.

Социальное хакерство, или пиратство представляет собой нелегальный доступ к информационной системе. Хакеры используют различные приёмы, основанные на психическом воздействии на человека с целью получения от него нужной информации. Воздействовать на человеческую психологию неизмеримо проще, чем взламывать компьютерную систему, после чего задачей хакеров становится установление вредоносной программы для управления компьютером жертвы. Далее усилия направляются на то, чтобы вредоносные программы как можно дольше оставались необнаруженными.

Рост киберпреступности и сложности борьбы с ней

С каждым днём киберпреступления получают всё большую распространённость, – их количество увеличивается экспоненциально. Возникает всё больше новых видов преступлений, к каждому из которых требуется подбирать соответствующие методы борьбы, что вызывает известные трудности. Поймать кибермошенника гораздо сложнее, чем обычного преступника.

Борьба с киберпреступностью осложняется целым рядом факторов:

1. Киберпреступники – это не обычные мошенники, а хорошо обученные программисты, которые скрываются за экраном своего компьютера. Такую личность вычислить гораздо сложнее, чем обычного преступника.

2. Сталкиваясь с киберпреступлениями, сотрудники правоохранительных органов нуждаются в помощи высококвалифицированных специалистов в сфере программирования, в которых по-прежнему испытывается нехватка.

3. Немало трудностей возникает и с определением самого факта совершения данного преступления. Ввиду отсутствия возможности проведения квалифицированной экспертизы, зачастую бывает сложно доказать, что за то или иное действие предусмотрено наказание по ст. 273 УК РФ [2, с. 72].

4. Достаточно трудно осуществлять контроль за уже существующими, постоянно обновляющимися и вновь возникающими видами киберпреступности.

Наука, занимающаяся целенаправленным изучением киберпреступлений, – киберкриминология – находится пока на стадии формирования.

Сегодня в Российской Федерации активно разрабатываются и осуществляются меры, направленные на борьбу с киберпреступностью. Данные меры, в основном, опираются на опыт европейских стран. Постепенно повышается информированность населения о таком виде преступных действий, как киберпреступность, совершенствуется применяемое в этой сфере правовое регулирование. Особое внимание уделяется разработке и совершенствованию нормативно-правовых актов о киберпреступности. Так, например, в гл. 28 УК РФ преступления, совершаемые с помощью вирусных программ и средств, не выделены как-то отдельно, а статистические отчёты, разумеется, не могут помочь в выявлении уровня и установлении состава киберпреступления.

Если рассматривать опыт международных договоров, принятых в сфере противодействия киберпреступности, все они требуют определённой доработки. Примером может служить ст. 51 Устава ООН, в которой требуется выделить пункты, определяющие проявление кибератак, а также возможность выявления того, с помощью каких информационных технологий такая атака было проведена.

Правовое регулирование киберпреступности

В сфере правового регулирования киберпреступности отдельного внимания заслуживает проект конвенции ООН «О сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности», созданный российскими разработчиками. В нём представлены цели, заключающиеся в профилактике выявления правонарушений в информационной сфере на ранних стадиях, обеспечение наказуемости данных нарушений, непосредственное сотрудничество стран в решении подобных вопросов, заключающееся в создании и развитии кадров и оказания помощи друг другу (ст. 1).

В данной конвенции подробно раскрыты многие специфические информационные термины. Например, «бот-сеть» означает два и более устройств ИКТ, в модуль которых скачаны вирусные программы, управление которыми производится тайно. Установлена также ответственность за незаконное получение информации в электронной форме (гл. 2), описываются действия, связанные с раскрытием лиц, подозреваемых в данном нарушении (ст. 48). Для эффективности борьбы с подобными инцидентами, в ст. 57 Конвенции каждому государству предлагается сформировать информационный центр, который будет работать круглосуточно.

Анализируя данную Конвенцию, следует отметить, что в ней собрано значительное количество сведений, благодаря которым можно усовершенствовать меры по борьбе с киберпреступностью. В ней: представлена конкретная программа по осуществлению обучения квалифицированных специалистов, занимающихся осуществлением информационной безопасности; акцентируется внимание на необходимости проведения всеми странами единой политики в борьбе с киберпреступностью и активной взаимопомощи. Исходя из совокупности всех этих факторов, данный проект переведён с русского на многие языки и в электронной форме был официально опубликован на официальных сайтах ООН и МИД России.

К сожалению, против этого проекта выступили представители незначительного числа делегаций, приводившие в качестве главного контраргумента отсутствие необходимости внесения дополнительных изменений в Конвенцию, принятую в Будапеште в 2001 г. По их мнению, представленных в ней положений достаточно, чтобы разрешать все имеющиеся в информационной сфере вопросы. По-видимому, такая неоднозначная реакция обусловлена тем, что не все страны ООН имеют желание проектировать долгосрочный алгоритм сотрудничества в решении вопросов борьбы с киберпреступностью. Вследствие этого российский проект не получил должного уровня одобрения [3, с. 364].

Цифровые технологии как инструмент информационной политики

Для проведения максимально эффективной политики в сфере противодействия киберугрозам необходимо в полной мере использовать достижения и ресурсы набирающего обороты процесса цифровизации. Цифровизация может сыграть немаловажную роль в политике по обеспечению национальной и информационной безопасности страны. Правильное внедрение и использование цифровых нововведений значительно упростит задачу по защите как персональных данных пользователя, так и секретных материалов государственного уровня и значения [9, с. 259].

Одной из наиболее перспективных в этой области представляется технология блокчейн. Она предоставляет новые возможности в борьбе с кибератаками, например, повышенную защиту данных от возможности утечки информации третьим лицам. Если раньше киберпреступнику достаточно было один раз совершить операцию и получить необходимые данные, то теперь блокчейн существенно усложняет для него этот процесс.

Ещё одним важным аспектом является защита процесса обмена информацией. Известно, например, что защита такого мессенджера, как WhatsApp, не даёт стопроцентной гарантии того, что личную переписку не смогут заполучить третьи лица, так как сквозное шифрование несовершенно и имеет слабую сторону (метаданные хранятся в отдельных системах). Для недопущения доступа хакеров, можно использовать технологию блокчейн, способную децентрализовать сеть, разделив метаданные и гарантировав тем самым их совокупную недопустимость [1, с. 172].

Разумеется, только лишь технологии блокчейн будет недостаточно для проведения эффективной информационной политики по пресечению киберпреступной деятельности. В этой сфере могут быть также задействованы ресурсы искусственного интеллекта [6, с. 127]. Например, в США каждый полицейский участок оснащён

программой распознавания лиц по изображению. Эта технология активно применяется на практике, что существенно упрощает поиск преступников и ускоряет процесс создания портретов злоумышленников [8, с. 53].

Заключение

В современном мире киберпреступность представляет собой серьёзную угрозу обществу и его информационной безопасности. Киберпреступность порождает комплекс социальных проблем, которые требуют незамедлительного реагирования и эффективного разрешения [12; 13; 14]. С совершенствованием информационных технологий совершенствуется и киберпреступность, находящая проявление во многих сферах жизни и деятельности человека и общества в целом. Защита от данного вида преступлений предполагает корреляцию усилий на уровне международного сотрудничества и взаимодействия [15; 16].

Для проведения эффективной политики по борьбе с информационными правонарушениями и киберпреступлениями могут быть предприняты следующие меры:

- 1) совершенствование технологий, содействующих выявлению киберпреступлений в сети, а также способов проведения расследований данных правонарушений [5, с. 175];

- 2) максимально широкое использование технологии блокчейн для противостояния киберугрозам;

- 3) развитие ресурсов искусственного интеллекта и их последовательное внедрение в сферу расследования киберпреступлений;

- 4) ужесточение ответственности за совершение киберпреступлений, описанных в гл. 28 УК РФ, вплоть до категории особо тяжких [7, с. 68];

- 5) целенаправленная борьба с кибертерроризмом во всех его возможных формах и проявлениях.

Статья поступила в редакцию 05.02.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Е. А., Аминов И. И. Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 170–175.
2. Вольнская О. В Развитие юридической мысли и перспективы в борьбе с киберпреступностью в сфере уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 72–74.
3. Даненьян А. А Международное правовое регулирование киберпространства // Образование и право. 2020. № 1. С. 261–269.
4. Кумышева М. К., Геляхова Л. А. К вопросу о киберпреступности в России и мире // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 383–385.
5. Мартыанов Н. Р. Уголовно-правовая борьба с киберпреступлениями на современном этапе // Государственная служба и кадры. 2020. № 1. С. 175–177.
6. Тимофеев А. В. Сущность и проблемы искусственного интеллекта в контексте современных научных и философских представлений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 2. С. 127–133.
7. Тарасик Н. М. Анализ правовых основ борьбы с киберпреступностью // Успехи в химии и химической технологии. 2016. № 5(174). С. 66–68.
8. Тишутина И. В Новые возможности раскрытия и расследования преступлений в условиях глобальной цифровизации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 4. С. 46–55.
9. Шинкарецкая Г. Г., Берман А. М., Цифровизация и проблема обеспечения национальной безопасности // Образование и право. 2020. № 5. С. 254–260.
10. Guryanova A. V., Khafiyatullina E., Petinova M., Frolov V., Makhovikov A. Technological prerequisites and humanitarian consequences of ubiquitous computing and networking // Digital economy: complexity and variety vs. rationality. Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Vol. 87. P. 1040–1047.
11. Digital 2020: фиксируем тенденции. URL: <https://habr.com/ru/post/497204/> (дата обращения: 25.01.2021).
12. Горбунов А. С. Личность в контексте информационной безопасности государства // Сибирский учитель. 2017. № 5 (114). С. 64–68.
13. Горбунов А. С. Личностная безопасность и рецепция информации в информационном массовом обществе // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов Третьей Международной научной конференции. 2019. С. 99–108.
14. Горбунов А. С. Социальная ответственность средств массовой коммуникации в информационном обществе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 4. С. 83–90.
15. Буренков С. В. Феномен неотчужденного труда: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2017. 22 с.
16. Родичкин Д. В., Буренков С. В. К вопросу о влиянии культуры на формирование национальной идентичности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 4 (54). С. 167–179.

REFERENCES

1. Antonyan E. A., Aminov I. I. [Blockchain technologies in countering cyber terrorism]. In: *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2019, no. 6 (103), pp. 170–175.
2. Volynskaya O. V. [Development of legal thought and perspectives in the fight against cybercrime in the field of criminal proceedings]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 3, pp. 72–74.
3. Danenyan A. A. [International legal regulation of cyberspace]. In: *Obrazovanie i pravo* [Education and law], 2020, no. 1, pp. 261–269.
4. Kumysheva M. K., Gelyakhova L. A. [On the issue of cybercrime in Russia and in the world]. In: *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2018, no. 4, pp. 383–385.
5. Mart'yanov N. R. [Criminal law fight against cybercrimes at the present stage]. In: *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry* [Civil service and personnel], 2020, no. 1, pp. 175–177.
6. Timofeev A. V. [The essence and problems of artificial intelligence in the context of modern scientific and philosophical concepts]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskiy nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2020, no. 2, pp. 127–133.
7. Tarasik N. M. [Analysis of the legal framework for combating cybercrime]. In: *Uspexi v khimii i khimicheskoi tekhnologii* [Advances in chemistry and chemical technology], 2016, no. 5 (174), pp. 66–68.
8. Tishutina I. V. [New opportunities for solving and investigating crimes in the context of global digi-

- talization]. In: *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences], 2019, no. 4, pp. 46–55.
9. Shinkaretskaya G. G., Berman A. M. [Digitalization and the problem of ensuring national security]. In: *Obrazovanie i pravo* [Education and law], 2020, no. 5, pp. 254–260.
 10. Guryanova A. V., Khafiyatullina E., Petinova M., Frolov V., Makhovikov A. Technological prerequisites and humanitarian consequences of ubiquitous computing and networking. In: *Digital economy: complexity and variety vs. rationality. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 87. 2020. pp. 1040–1047.
 11. *Digital 2020: fiksiruem tendentsii* [Digital 2020: fixing trends]. Available at: <https://habr.com/ru/post/497204> (accessed: 01.25.2021).
 12. Gorbunov A. S. [Personality in the context of information security]. In: *Sibirskii uchitel'* [Siberian teacher], 2017, no. 5 (114), pp. 64–68.
 13. Gorbunov A. S. [Personal safety and information reception in the informational mass society] In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossiiskogo obshchestva: sbornik trudov Tret'ej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Philosophical and methodological problems of the study of Russian society: collection of proceedings of the Third International Scientific Conference], 2019. pp. 99–108.
 14. Gorbunov A. S. [Social responsibility of mass media in the information society]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver' State University. Series: Philosophy], 2018, no. 4, pp. 83–90.
 15. Burenkov S. V. *Fenomen neotchuzhdenennogo truda: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk* [The phenomenon of non-alienated labor: abstract of PhD thesis in Philosophy sciences]. Moscow, 2017. 22 p.
 16. Rodichkin D. V., Burenkov S.V. [On the question of the influence of culture on the formation of national identity]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver' State University. Series: Philosophy], 2020, no. 4 (54), pp. 167–179.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тимофеев Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных, развивающих образовательных систем и технологий Самарского государственного технического университета;
e-mail: timofeev_av@list.ru

Комолов Александр Александрович – кандидат технических наук, декан электротехнического факультета Самарского государственного университета путей сообщения;
e-mail: a.komolov@samgups.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander V. Timofeev – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Information, Developing Education Systems and Technologies, Samara State Technical University;
e-mail: timofeev_av@list.ru

Alexander A. Komolov – Cand. Sci. (Engineering), Dean, Department of Electrical Engineering, Samara State Transport University;
e-mail: a.komolov@samgups.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тимофеев А. В., Комолов А. А. Киберпреступность как социальная угроза и объект правового регулирования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 95–101.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-95-101

FOR CITATION

Timofeev A. V., Komolov A. A. Cybercrime as a Social Threat and an Object of Legal Regulation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no 1. pp. 95–101.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-95-101

УДК 1 (740)

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-102-110

АКСИОЛОГИЯ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОДЕЖДЫ И «МОДНОЙ ИНДУСТРИИ» В ПАРАДИГМЕ «ТРАДИЦИЯ – НОВАТОРСТВО» (АВТОРСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ)

Ян Пэн Тао, Калинина Г. Н.

*Белгородский государственный институт искусств и культуры
308000, г. Белгород, ул. Королева, д. 7, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Раскрыть аксиологические доминанты древнекитайской национальной культуры одежды в сопряжении традиции и новаторства и обосновать биоэтическую парадигму современного «мехового потребления», трендовой «меховой моды». Это позволит обосновать актуальный подход совмещения принципа наследования исконно национальных традиций в культуре костюма и моды, наметить оптимальные механизмы интегрирования китайской культуры одежды в мировую костюмную индустрию.

Процедура и методы. Проведён анализ взглядов исследователей. Процедура и методы исследования обусловлены общим концептуальным полем исследования феномена костюма и моды в истории китайской культуры, в связи с чем автором использовались: диалектический метод как основной для целостного понимания культурно-исторического генезиса костюма и моды в национальной китайской традиции, позволивший с должной глубиной раскрыть феноменологию культуры одежды и её символику; метод культурно-исторической реконструкции, позволивший проследить генезис и эволюцию материалов одежды в культурных практиках Древнего Китая, установить тесную взаимосвязь ранних форм, образцов одежды и современной костюмной культуры; этнографический метод, для обоснования принципа наследования древнекитайских традиций в культуре одежды, уточнения специфики традиционного «юаньского ткачества», уникальных технологий изготовления юаньской ткани; общеполитические методы и принципы, контекстный и культурно-исторический подходы в целях философской проблематизации аксиологии национальной культуры одежды в сопряжении традиции и новаторства и др.

Результаты. На основе изученного материала установлено: 1) с позиции биоэтической парадигмы и экологической проблематики доказано, что инновационное применение меха и мультиматериалов, популяризация смешанных дизайнерских технологий в культуре современной одежды а) способствуют преодолению разрыва между декоративными и функциональными аспектами традиционной одежды, б) позволят минимизировать использование натурального материала животного происхождения без ущерба для природного баланса живого мира (отказ от функционального применения шерсти животных в качестве хорошего утеплителя одежды и пр.); 2) наработаны авторские практические рекомендации в части развития приоритетных технологий современного смешанного дизайна одежды, – актуальные на переходном этапе перехода от дизайнерской консервативных практик дизайна меховой одежды к актуальной модели смешанного типа, что, по мнению автора, свидетельствует о качественно новой зре в культуре одежды нового поколения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён материал по исследуемой теме. Обоснованы собственные оригинальные идеи (в том числе прикладного характера), представляющие интерес для современных китайских дизайнеров, специалистов по культуре одежды и модной индустрии: в поисково-исследовательской, архивной (в частности, переводной) работе с древними китайскими литературными письменными источниками; в участии автора в целевых полевых экспедициях по реконструкции ранних этапов генезиса китайской культуры одежды, интерпретации древних материалов одежды; в концептуализации аксиологии национальной культуры одежды с позиции сопряжения традиции и новаторства, – а также проанализированы

проблемные зоны и основные линии «трендовой меховой моды» в контексте биоэтической парадигмы и глобальной экологической проблематики

Ключевые слова: китайская культура одежды, индустрия моды, инновационный дизайн, трендовая «меховая мода», биоэтика, экология, национальные доминанты, традиция, новаторство, консервативный / смешанный дизайн, китайский национальный костюм

AXIOLOGY OF THE CHINESE CLOTHING CULTURE AND “FASHION INDUSTRY” IN THE PARADIGM “TRADITION – INNOVATION” (AUTHOR’S REFLECTION)

Yang Peng Tao, G. Kalinina

Belgorod State Institute of Arts and Culture

7 Koroleva ul., Belgorod 308000, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal the axiological dominants of the ancient Chinese national clothing culture in the combination of tradition and innovation, and to substantiate the bioethical paradigm of modern “fur consumption”, the trend of “fur fashion”. This will allow substantiate the current approach of combining the principle of inheriting native national traditions in the culture of costume and fashion, and outline the optimal mechanisms for integrating Chinese clothing culture into the global costume and fashion industry.

Methodology. The researchers’ views are analyzed. The procedure and methods of research are determined by the general conceptual field of the study of the phenomenon of costume and fashion in the history of Chinese culture, in connection with which the author used: the dialectical method as the main one for a holistic understanding of the cultural and historical genesis of costume and fashion in the national Chinese tradition, which allowed to reveal the phenomenology of clothing culture and its symbolism with due depth; the method of cultural-historical reconstruction, which allowed to trace the Genesis and evolution of clothing materials in the cultural practices of Ancient China, to establish a good rapport early forms, samples of clothing and modern dress culture, the ethnographic method is also used to justify the principle of inheritance of ancient Chinese traditions in the culture of clothing, clarifying the specifics of the traditional “yuan weaving”, a unique technology of making the yuan cloth; general philosophical methods and principles, contextual and cultural-historical approaches for the purpose of philosophical problematization of the axiology of national clothing culture in the combination of tradition and innovation, etc.

Results. On the basis of the scientific research it is stated: 1) from the standpoint of the bioethical paradigm and environmental issues, it is proved that the innovative use of fur and multi-materials, the popularization of mixed design technologies in the culture of modern clothing a) contribute to bridging the gap between the decorative and functional aspects of traditional clothing, b) will minimize the use of natural material of animal origin without compromising the natural balance of the living world (refusal of the functional use of animal wool as a good insulation of clothing, etc.). 2) The author has developed practical recommendations for the development of priority technologies of modern mixed fashion design, which are relevant at the transition stage of the transition from the conservative design practices of fur clothing design to the current mixed-type model, which, in the author’s opinion, indicates a qualitatively new era in the culture of clothing of a new generation .

Research implications. Theoretical / practical significance consists in: substantiating their own original ideas (including applied ones) that are of interest to modern Chinese designers, specialists in clothing culture and fashion industry; in search and research, archival (in particular, translation) work with ancient Chinese literary written sources; in the author’s participation in targeted field expeditions to reconstruct the early stages of the genesis of Chinese clothing culture, interpretation of ancient clothing

materials; in the conceptualization of the axiology of national clothing culture from the perspective of combining tradition and innovation; also analyzed the problem areas and the main lines of “trend fur fashion” in the context of the bioethical paradigm and global environmental issues

Keywords: Chinese clothing culture, fashion industry, innovative design, trend “fur fashion”, bioethics, ecology, national dominants, tradition, innovation, conservative / mixed design, Chinese national costume

Введение

В философском плане основная проблема исследования лежит в русле сочетания традиции и новаторства, соотношения традиционных древних материалов одежды, технологий её изготовления с современными промышленными технологиями её производства и потребления. Во многом этот вопрос выливается в проблему трансформаций, грозящих национальной культуре одежды потерей древних уникальных методик, утратой секретов её «ручного» производства, растворением сакральности символики и прочими невосполнимыми для духовной культуры потерями. В этой связи задача работы состоит в доказательстве необходимости более эффективных механизмов интегрирования китайской культуры одежды, инновационного дизайнерского сообщества в мировую индустрию костюма и моды при сохранении духовных и эстетических доминант китайской национальной традиции.

Одним из возможных путей преодоления и разрешения данного противоречия в сфере китайской культуры одежды мы видим в оптимальном и гармоничном сопряжении объективных обоюдозначимых процессов в русле парадигмы: «традиция и новаторство», «своё и чужое». При том, что приоритеты в развитии культуры одежды модной индустрии должны оставаться в первую очередь, за «собственно китайской» традицией. А она – ориентироваться на развитие новаторских дизайнерских тенденций, поиск актуальных технологических решений, освоение новых площадок потребительского рынка в пространстве национальной костюмной культуры. Разумеется, не отрицая при этом опыта и уровня популярности мировых брендов, зарекомендовавших себя в индустрии одежды.

Анализ литературных источников свидетельствует о значительных наработках в отечественной и зарубежной литературе в области костюма и моды, включая китайскую традиционную одежду, а также в культурной индустрии мехового производства и дизайнерских технологий. Отметим труды В. С. Старикова, М. Н. Мерцаловой, М. А. Неглинской, М. В. Крюкова, В. В. Малявина, А. М. Решетова, М. Д. Гусаровой, Т. В. Сахаровой, И. В. Суловой, Хэ Чжюня. Фундаментальные методологические работы М. В. Алпатовой, Б. Р. Виппера, М. С. Кагана, С. Н. Иконниковой, В. Ю. Медведева и пр. (по основным направлениям моделирования традиционной китайской одежды); П. Г. Богатырева, Н. М. Калашниковой, Дж. Фишмана (культурологический аспект традиционной одежды и её национальной специфики и калорита). Особое внимание нами уделено изучению древних документов о китайской культуре одежды, а также анализу и интерпретации сведений, упомянутых в древних книгах, и связанных с культурой одежды. Их можно систематизировать и классифицировать («Чжоу Ли», «И Ли», «Книга обрядов» и «Шан Шу») с тем, чтобы воссоздать общий контент культуры костюма. В этом плане отметим такие источники, как:

– «Шуо Вэнь» систематически анализирует структуру и содержание китайских иероглифов и снабжает их комментариями в области культуры одежды;

– «Книга песен» представляет собой сборник в основном в форме стихов, запечатлевающих образ и особенности древней китайской одежды (стихи, «Двадцать четыре истории», «Рукопись истории Цин» и пр. подробно описывают систему костюмов, текстильные материалы, инструмен-

ты, моделирование костюмов, костюмный этикет и пр.).

Мы обращались к академической базе данных иностранного языка ProQuest, изучив ряд диссертационных исследований китайских специалистов, включая молодых китайских учёных Хэ Чжиюнь. (изучение традиционного китайского костюма северных территорий Китая), Ли Су (аспект традиционных элементов национального костюма в авторском современном дизайне).

Нами установлено, что значительная доля теоретических исследований китайских учёных сосредоточена на технологии производства, маркетинге и тенденциях развития меховой одежды. Среди них: Дэн Хунтао, Университет Сучжоу (КНР) «Анализ и исследование по применению меховой одежды и технологий отделки в районе Цзясин» (сравнительный анализ развития технологии меховой одежды в стране и за рубежом); Ван Зонью, Чжан Хеченг (КНР) «Дизайн и инновация кожи и меховой одежды» (исследуются методы трансформации меховых материалов, методы сращивания меховых и кожаных материалов); Дуань Яньфан, Технологический университет Тяньцзиня (КНР) «Исследование применения технологий сращивания в дизайне меховой одежды» (рассматривается технология сращивания меховых материалов, проектирование инновационного применения меховых и гибридных мультиматериалов) и пр. Однако исследования китайских специалистов носят преимущественно исторический уклон, представлены в большей степени литературой по исторической науке, этнографии, археологии и пр.

Культура костюма и моды в китайской национальной традиции

Первая часть исследования связана с задачей исследования аксиологии национальной культуры одежды в парадигме «традиция – новаторство». С этой целью, помимо всего, нами интерпретируются основные векторы развития трендовая «ме-

ховой моды» в контексте проблемы биоэтики и глобальных проблем человечества в третьем тысячелетии¹. Свои рассуждения мы подкрепляем аргументацией из истории древних ткацких технологий, обращаясь в качестве типического примера к феномену «юаньского ткачества в одной из провинций Китая – как на яркий пример сохранения традиции, базирующихся на принципе и "духе" уважения к древности» [10, с. 26].

Занимая важное место в китайской национальной культуре, юаньское ткачество стремится к сохранению древних, отчасти уже полузабытых, но, по сути, бесценных по значимости, текстильных технологий, секреты которых продолжают удивлять современных специалистов по культуре одежды. Здесь чтятся и сохраняются секреты уникальных тканей, дизайн которых отличается приверженностью к традиционному паттерну, по большей части – абстрактному. Т. е., с одной стороны, традиционные ткацкие технологии возрождаются и развиваются, не взирая на объективные трудности, часть из которых обусловлена отсутствием развитой технической и технологической базы и слабостью финансовой целевой государственной поддержки тканевого производства [1; 2; 5; 7]. С другой стороны, мы видим, что на общем фоне межкультурных интеграционных процессов нельзя избежать проникновения в китайскую «провинциальную моду» объективных тенденций популяризации западно-европейских стандартов. Отсюда реорганизация традиционного китайского паттерна идёт в направлении поиска новых методов его композиционного построения, наиболее актуальных для современных инновационных моделей и отражающих запросы общества в новой символике костюма и моды. Символика китайского традиционного текстиля усту-

¹ Заметим, в ряде наших публикаций осуществлялась реконструкция феномена уникальных юаньских тканей в контексте традиции и современности, по мере чего автор исследует инновационное движение в сфере китайского текстильного паттерна, применяемого в процессе юаньского текстильного производства.

пает место более реалистичным образцам паттерна, отвечая новым запросам, предъявляемым китайским обществом к индустрии костюма и моды. Следуя «ветру перемен» и объективной логике развития национальной культуры, постепенно меняется и обогащается инновационными элементами и методами дизайн текстильного производства [6; 9; 10].

Это означает, что в широком поле философской рефлексии этой темы мы должны адекватно оценивать изменения, происходящие в народной духовной культуре, включая такой её интересный пласт, как юаньский текстиль в его традиционном варианте, которому, в нашем понимании, может угрожать частичная утрата его уникальных черт. «Впрочем, описанная нами ситуация не нова – к сожалению, история мировой культуры знает нередкие печальные, а то и трагические для неё примеры того, что соотношение двух тенденций "традиция – новаторство" не всегда решается в пользу первой». «Поэтому, на наш взгляд, нужно обратить особое внимание на диалектику процесса, затрагивающего сегодня феномен юаньского ткачества – то есть на возможность его качественно инновационного развития без ущерба и потерь для традиционного ткачества с его неповторимым колоритом, отражающим существо и «душу» китайской цветовой эстетической психологии. Сказанное касается не только структуры ткани и дизайна, но и цветовых композиций (особо это актуально для «формального языка» и смысловой символики домотканого производства и его применения в современном дизайне одежды).

Строго говоря нам, как авторам данной работы, профессионально занимающимся дизайном, художественным творчеством, представляется, что сегодня важно сохранить и защитить нематериальное культурное наследие «в лице» традиционной юаньской ткани, используя естественные преимущества традиционного ручного мастерства и соответствующих оригинальных методик. При этом, разумеется, мы не отрицаем балансированного и разумного

сочетания «деревенского искусства», стиля и моды с элементами современного дизайна, с тем, чтобы придать данному продукту ручного труда жизнеспособность, возможность соответствовать «капризным» требованиям рынка. Кроме того, мы считаем, что сегодня с учётом мировых стандартов и вкусовых предпочтений в индустрии современной моды, китайской дизайнерской отрасли важно: а) направить усилия в части инновационных дизайнерских решений, чтобы продолжать обслуживать международный рынок; б) одновременно предоставить более широкое пространство для развития традиционного мастерства, образцы которого были заложены древней технологией юаньского ткачества и мастерами прошлых поколений умельцев. Всё это, мы надеемся, позволит миру более глубоко и целостно понять традиционную китайскую культуру в её качественной специфике, включая культуру одежды и моды. Это, на наш взгляд, забота и самих традиционных мастеров, и мастеров современного дизайна, а также всех, занятых в культурной сфере страны.

Вторая часть исследования охватывает проблемные аспекты в современном развитии китайской культуры одежды и индустрии моды, сопряжение данной проблематики с позицией биоэтики и необходимостью воспитания экологического сознания современного человека.

В настоящее время очевидно, что традиционный дизайн, который по-прежнему доминирует в меховой культуре одежды, чреват серьёзными проблемами в части сокращения численности многих популяций класса «меховых животных», истреблению их как поставщиков индустрии моды. Это вызывает особую тревогу глобальной экологической ситуации в мире и в «отдельно взятой стране». Мы вправе сказать: консервативные и (что особенно удручает) зачастую крайне примитивные способы технологической переработки сырья в совокупности с комплексом других негативных явлений в данной сфере оказывают плохую услугу всей меховой индустрии на территории КНР. В этой связи мы привет-

ствуем позитивную тенденцию, связанную с повышением экологического сознания, в рамках которой ношение меховой одежды из натурального меха (а также кожи, замши и пр.) становится своего рода «анти-трендом». Отрадно, что такая мотивация всё больше находит свою поддержку в обществе (а не только в среде правозащитников животного и растительного мира, экологов и других общественных структур). Мы приветствуем такие настроения и тенденции. Однако уверены: это не решит проблемы экологии и биоэтики или решит её лишь частично. На наш взгляд, речь должна идти о формировании и воспитании новой психологии одежды и иного уровня сознания и сознательности человека третьего тысячелетия, т. е. о морально-нравственных императивах в обществе и культуре, включая культуру одежды и моды. В данном контексте мы считаем, что инновационное применение меха и мультиматериалов в дизайне одежды призвано решить ту проблему, как сделать меховые изделия доступными для основной массы потребителя без ущерба для животного мира и одновременно обеспечить «...комфортное пребывание человека в окружающей среде» [7 с. 21; 13, с. 43].

Осмысление ведущих тенденций развития китайской меховой культуры одежды показывает, что на стадии современности (начиная, в частности, с XX в.) мех как материал и готовые меховые изделия (как цельные, так и присутствующие в виде отдельных дизайнерских фрагментов в любых типах одежде) по-прежнему остаются дорогостоящими элитными продуктами. Притом, однако, с развитием промышленного производства, новых технологий ценовая «меховая политика» складывается из множества факторов (бренд или марка фирмы-изготовителя; конкретное направление в развитии индустрии костюма и пр.). Скажем, Шуба «от Fendi» из коллекции последнего сезона, даже если сшита из кроличьего меха, не сравнится по цене с немодным и неизвестно кем сшитым жакетом из куницы. Сегодняшний всегдашней роскошных меховых салонов может

носить дешёвый мех, цена и престиж мехового изделия уже не столько зависят от качества меха, сколько от привлекательности и стоимости хорошо «раскрученного» модного бренда.

Подчеркнём, что в условиях отказа от сугубо натуральных материалов, активной популяризации изделий из синтетического происхождения¹ использование меха стало неприоритетным. Всё это приводит к поиску альтернативных дизайнерских и технологических решений, гармонично приемлемых в рамках парадигмы «человек – природа», за которыми, мы убеждены, будущее как мировой, так и собственно китайской индустрии костюма и моды. Именно за такие горизонты и перспективы борются активисты, микро- и макросообщества, справедливо протестующие против истребления животных «во имя» меховой одежды, вызывая лично у нас чувство солидарности с данным движением.

Заключение

Реализация основной цели и задачи исследования позволяют заключить следующее: на фоне ухудшения «экологического здоровья» планеты крайне актуальна проблема экологического движения в пользу развития гуманистического подхода к промышленному использованию натуральных материалов, а значит, в пользу защиты жизни на Земле. Такая установка лично нам не представляется возможной в рамках «отдельно взятой», изолированной «за железным занавесом» или «китайской стеной» культурно-цивилизационной системы. Здесь нужны усилия всех.

В целом же мы убеждены, что: во-первых, приоритетным, востребованным актуальным направлением развития меховой культуры становится комбинация меха и различных материалов, актуальных в разных группах китайского общества, что, наряду с развивающимися другими модными тенденциями, предоставляет

¹ Рынок завоёвывает искусственный мех, популяризируется окрашенный, что частично решает проблему защиты животных.

больше возможностей для развития меха и смешанных материалов. Во-вторых, сочетание меха и различных материалов в основном представлено комбинированием меха и кожи, тканых и трикотажных тканей, смешением различных дизайнерских методов и технологий в индустрии костюма и моды. Применение элементов древнекитайской культуры одежды в современной костюмной моде [1; 2; 4; 12] не представляется возможным без учёта дизайнерских и инновационных элементов, востребованных потребителем сегодняшнего дня. В-третьих, актуализация древних материалов одежды, расширение возможности сегодняшнего использования оригинальных технологий, уникальных методов изготовления одежды, на наш взгляд, связано с рядом условий, в котором первичное значение имеет принцип дополняемости культурного и эстетического содержания древних образцов одежды смысловыми образами, символикой и другими «культурными смыслами», популярными в духовной жизни современного Китая и отвечающими его национальной доминанте. В целом же «китайский национальный костюм представляет собой яркое воплощение всех образов и понятий, уста-

навливаемых феноменом культуры, обеспечивает тиражирование, передачу, усвоение, потребление накопленных знаний и ценностей» [6, с. 177], выступая «материальной репрезентацией основных параметров космологической китайской картины мира» [6; с. 177–178].

Наконец, в настоящее время популярный стиль одежды из меха всё больше приближается к традиционному, меховые материалы становятся всё более декоративными независимо от стиля или использования популярных национальных элементов. Т. е., в последние годы в КНР сочетание меха и различных материалов и тенденций стало лидирующим направлением в развитии моды. Это делает границы между меховой и многокомпонентной культурой одежды и моды более размытыми, подчёркивая актуальность мультикультурного смешения меховых материалов для отделки и пр. В то же время многокомпонентная одежда и меховая одежда становятся всё более функциональными (а точнее – мультифункциональными).

Статья поступила в редакцию 29.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Цин. Модный Китай: 10-летие ассоциации дизайнеров костюма Китая, 1993–2003. Пекин: Китайское издательство документов, 2003. 220 с.
2. Вэй Жунхуй. Повелитель ветров костюма и декора наций Китая. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2008. 218 с.
3. Насу. Монгольский народный инструмент моринхуур1: культурно-исторический генезис и идентификация // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 2. С. 51–56.
4. Тао Цинь, Сунь Сюн. Основы технологии производства одежды. Пекин: Издательство лёгкой промышленности, 1986. 86 с.
5. Рунге В. Ф., Сеньковский В. В. Основы теории и методологии дизайна. М.: МЗ-Пресс, 2003. 252 с.
6. Хэ Чжюнь. Эволюция китайского традиционного костюма на Севере Китая как репрезентация социокультурных кодов картины мира: дис. ... канд. культурологии Владивосток, 2011. 199 с.
7. Шкиль О. С. Основы эргономики в дизайне среды. Ч. I. Благовещенск: Издательство АмГУ, 2010. 164 с.
8. Чжэн Вэй, Ло Цзинтин. Мода, метод и практика творчества. Шанхайская университетская пресса Донхуа, 2010, С. 5–67.
9. Ян Сюй, Чан Юань. Технология пошива костюма. Шэньян: Ляонинское издательство науки и техники, 2007. 281 с.
10. Ян Пэн Тао. Традиционная инновационная символика дизайна и моды в юаньском тканевом паттере китайских провинций: философско-культурологическая реконструкция // Наука. Искусство. Культура: научный рецензируемый журнал БГИИК. Вып. 2 (26). С. 26–34.

11. Ян Пэн Тао. Эволюция, смысловая символика и мультифункциональность меха как феномена культуры в контексте межнациональных традиций // Наука. Искусство. Культура: научный рецензируемый журнал БГИИК. Вып. 1 (25) 2020. С. 66–74.
12. Nasy. National-cultural features of Mongolian folk music and its humanistic potential // Danish scientific journal. 2019. № 29. P. 55–57.
13. Nasy. National-cultural features of Mongolian folk music and its humanistic potential // Danish scientific journal. 2019. № 30. P. 33–36.
14. Yang Peng Tao. Yuan fabric as an expression of traditional Chinese art form (philosophical and cultural explication) // Danish scientific journal. 2019. № 30. P. 40–43.
15. Yang Peng Tao. Fur as a product of material and spiritual production (evolution and functionality of fur material in early cultural practices of mankind) // Danish scientific journal. 2019. № 30. P. 36–39.

REFERENCES

1. Van Tsin. *Modnyi Kitai: 10-letie assotsiatsii dizainerov kostyuma Kitaya, 1993–2003* [Fashion China: 10th Anniversary of the China Costume Designers Association, 1993–2003]. Beijing, Kitaiskoe izdatel'stvo dokumentov Publ., 2003. 220 p.
2. Vei ZHunkhui. *Povelitel' vetrov kostyuma i dekora natsii Kitaya* [Wei Ronghui. Master of the Winds of the Costume and Decor of the Nations of China]. Beijing, Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta Publ., 2008. 218 p.
3. Nasu [Mongolian folk musical instrument morinhuur: cultural and historical genesis and identification]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2020, no. 2, pp. 51–56.
4. Tao Tsin', Sun' Syun. *Osnovy tekhnologii proizvodstva odezhd* [Basics of clothing production technology]. Beijing, Izdatel'stvo leegkoi promyshlennosti Publ., 1986. 86 p.
5. Runge V. F. Sen'kovskii V. V. *Osnovy teorii i metodologii dizaina* [Fundamentals of Theory and Methodology of Design]. Moscow, MZ-Press Publ, 2001. 252 p.
6. Khe Chzhiiyun'. *Evolutsiya kitaiskogo traditsionnogo kostyuma na Severe Kitaya kak reprezentatsiya sotsiokul'turnykh kodov kartiny mira: dis... kand. kul'turologii* [Evolution of Chinese traditional costume in the North of China as a representation of socio-cultural codes of the worldview: PhD thesis in Culturological sciences]. Vladivostok, 2011. 199 p.
7. Shkil' O. S. *Osnovy ergonomiki v dizaine sredy. Ch. I* [Basics of Ergonomics in Environment Design. Part I]. Blagoveshchensk, Amur State University Publishing House Publ., 2010. 164 p.
8. Chzhen Vei, Lo Tszintin. *Moda, metod i praktika tvorchestva* [Fashion, method and practice of creativity]. Shankhaiskaya universitetskaya pressa Donkhua Publ., 2010. pp. 5–67.
9. Yan Syui, Chan Yuan'. *Tekhnologiya poshiva kostyuma* [Suit sewing technology]. Shenyang, 2007. 281 p.
10. Yan Pen Tao. [Traditional Innovative Symbols of Design and Fashion in the Yuan Fabric Pattern of Chinese Provinces: Philosophical and Cultural Reconstruction]. In: *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. Nauchnyi retsenziruemyi zhurnal BGIK* [Science. Art. Culture. Scientific peer-reviewed journal BGIK.]. Iss. 2 (26) 2020. pp. 26
11. Yan Pen Tao. [Evolution, semantic symbolism and multi-functionality of fur as a cultural phenomenon in the context of international traditions] In: *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. Nauchnyi retsenziruemyi zhurnal BGIK*. [Science. Art. Culture. Scientific peer-reviewed journal BGIK.], 2020, iss. 1 (25), pp. 66–74.
12. Nasy. National-cultural features of Mongolian folk music and its humanistic potential. In: *Danish scientific journal*, 2019, no. 29, pp. 55–57.
13. Nasy. National-cultural features of Mongolian folk music and its humanistic potential. In: *Danish scientific journal*, 2019, no. 30, pp. 33–36.
14. Yang Peng Tao. Yuan fabric as an expression of traditional Chinese art form (philosophical and cultural explication) In: *Danish scientific journal*, 2019, no. 30, pp. 40–43.
15. Yang Peng Tao. Fur as a product of material and spiritual production (evolution and functionality of fur material in early cultural practices of mankind). In: *Danish scientific journal*, 2019, no. 30, pp. 36–39.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ян Пэн Тао (КНР) – аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры;
e-mail: 307745429@qq.com

Калинина Галина Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры;
e-mail: galakalinina@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yang Peng Tao (CNR) – Postgraduate student, Departments of philosophy, cultural studies, science, Belgorod State Institute of Arts and Culture;
e-mail: 307745429@qq.com

Galina N. Kalinina – Dr. Sci (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, Cultural studies, Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture;
e-mail: galakalinina@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ян Пэн Тао, Калинина Г. Н. Аксиология китайской культуры одежды и «модной индустрии» в парадигме «традиция – новаторство» (авторская рефлексия) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 102–110.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-102-110

FOR CITATION

Yang Peng Tao, Kalinina G. N. Axiology of the Chinese Clothing Culture and “Fashion Industry” in the Paradigm “Tradition – Innovation” (Author’s Reflection). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no 1. pp. 102–110.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-102-110

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 316.658:004

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-111-118

ДЕВИАЦИИ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Гурьянов Н. Ю.¹, Коротаева Т. В.²

¹ Самарский государственный технический университет

443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244, Российская Федерация

² Самарский государственный экономический университет

443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Осуществить комплексное рассмотрение процесса воздействия информационных технологий на психику человека, выделить и проанализировать возникающие при этом девиации его когнитивных способностей.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ ряда феноменов, отнесённых к разряду девиаций в сфере когнитивной активности человека, в том числе синдрома рассеянного внимания и информационной перегрузки, интернет-зависимости и номофобии, клипового характера и гипертекстуальности мышления, проблем вербальной коммуникации, концентрации внимания и установки на многозадачность.

Результаты. Проведённый анализ показал, что воздействие информационных технологий на психику человека – комплексное, затрагивающее все стороны его когнитивной активности. Отрицательными следствиями данного процесса являются нарушение концентрации внимания, ухудшение процесса запоминания информации, трудности её анализа и рефлексии. Позитивным аспектом может считаться интеграция творческих начал в процесс использования современных информационных технологий.

Теоретическая и / или практическая значимость. Современный мир характеризуется стремительным развитием информационных технологий. Однако последствия их воздействия на психику человека изучены недостаточно. Масштаб их практического применения намного опережает рефлексию сопряжённых с этим процессом следствий и результатов. Важно понять, как он отражается на физических и умственных способностях человека, какие девиации при этом могут возникнуть.

Ключевые слова: информационные технологии, когнитивные способности, информационная перегрузка, рассеянное внимание, клиповое мышление, гипертекстуальность, многозадачность

DEVIATIONS OF HUMAN COGNITIVE ABILITIES UNDER THE INFLUENCE OF INFORMATION TECHNOLOGIES

N. Guryanov,¹ T. Korotaeva²

¹ Samara State Technical University

244 Molodogvardeyskaya ul., Samara 443100, Russian Federation

² Samara State University of Economics

141 Sovetskoi Armii ul., Samara 443090, Russian Federation

© CC BY Гурьянов Н. Ю., Коротаева Т. В., 2021.

Abstract

Aim. To perform a complex consideration of the process of information technologies' impact on the human psyche, to identify and analyze the deviations of his cognitive abilities arising during this process.

Methodology. The main content of the research is the analysis of a number of phenomena related to the category of deviations in the field of human cognitive activity, including the syndrome of scattered attention and the information overload, the Internet addiction and nomophobia, clip and hypertextual character of thinking, problems of verbal communication, attention concentration and the attitude to multitasking.

Results. The impact of information technologies on the human psyche is qualified to be complex, affecting all aspects of cognitive activity. The negative consequences of this process are concentration disorder, difficulties in the process of memorizing information, its analysis and reflection. The positive aspect is creative principles integration into the process of using modern information technologies.

Research implications. The modern world is characterized by the rapid development of information technologies. However, the consequences of their impact on the human psyche are not sufficiently studied. The scale of their practical application goes far ahead of the reflection of the results associated with this process. It's important to understand the way it's affecting the physical and mental abilities of the human, to find out the deviations that may take place in this case.

Keywords: information technology, cognitive abilities, information overload, scattered attention, clip thinking, hypertextuality, multitasking

Введение

Жизнь современного человека немаловажна без информационных технологий – компьютеров и смартфонов, обеспечивающих беспрепятственный доступ к социальным сетям, мессенджерам и информационным потокам, дающим возможность использования самых разнообразных поисковых систем и ресурсов. В сфере информационных технологий интегрируется интеллектуальный и технический потенциал многих взаимопроникающих областей научного знания, занимающихся исследованием и практическим внедрением различных методик создания, хранения, обработки, передачи и защиты информации. При этом широко используются новейшие технические достижения – девайсы, гаджеты, планшеты, – а также инновационные коммуникативные модели, стратегии и ресурсы, формирующиеся в связи с нарастающей интенсификацией их применения.

XXI в. характеризуется стремительным развитием самых разнообразных средств массовой коммуникации. Так, интернет помогает нам быстро обмениваться данными на огромных расстояниях, находить любую требующуюся информацию и погружать человека (частично или полностью) в па-

раллельный виртуальный или гибридный (смешанный) мир. Последний представляет собой «...результат слияния реального и виртуального миров, отличающийся возможностью совершения всех “жизненно необходимых” действий в реальном мире через виртуальный. Необходимыми условиями для этого процесса являются высокая эффективность и низкая стоимость информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и доступность цифровой инфраструктуры» [1, с. 6].

Разумеется, процесс информатизации развёртывался и набирал обороты постепенно. Он стартовал еще в середине 50-х гг. XX в., когда были изобретены первые транзисторы. Первый транзисторный радиоприемник Regency TR-1 появился в продаже в США в 1954 г. Однако премьера данной модели была провальной, поскольку сама модель оказалась недоработанной. В марте 1955 г. учёные Японии смогли учесть ошибки американских коллег и наладили новое производство. С того времени прошло чуть более 60-ти лет... В нашей современности на базе комплекса прорывных технологий и инновационных достижений в области науки и техники происходит становление особого компью-

теризированного склада бытия и мышления [5, с. 1040], сочетающегося с процессом всемирной гаджетизации, накладывающей отпечаток на все без исключения сферы человеческой жизнедеятельности.

Повсеместное использование современных девайсов и гаджетов уже вошло в привычку, но последствия их воздействия на психику человека, его моральный облик и физическое здоровье ещё недостаточно изучены. Ситуация в этой области такова, что процесс практического внедрения намного опережает рефлексию сопряжённых с ним последствий и результатов. Каким образом все это отразится на физических и умственных способностях человека XXI в.? Данный вопрос сегодня остаётся открытым и дискуссионным.

Синдром рассеянного внимания и информационная перегрузка

Изменения, происходящие с современным человеком и его психическим устройством, получили следующую оценку в рамках Международного телевизионного рынка MIRCОM–2011: «Психика людей, родившихся после 1980-го г., сильно отличается от психики людей, родившихся до. Язык, который они воспринимают и который является для них адекватным, принципиально иной ... Многие из них не в состоянии просмотреть часовую программу до конца ... Синдром рассеянного внимания – диагноз этого поколения» [2, с. 4]. На основании этих слов можно констатировать, что уже как минимум двум поколениям миллениалов свойственна та самая рассеянность внимания, которая не позволяет им сконцентрироваться не только на изучении серьёзной или важной информации (например, на освоении учебных программы ступени среднего или высшего образования), но даже на элементарных действиях, состоящих из просмотра кинофильма или телепередачи.

Такое положение дел свидетельствует о несомненном негативном воздействии излишнего увлечения информационными технологиями на совокупность когни-

тивных процессов человека. Последние включают свой состав память, внимание, навыки анализа и рефлексивной обработки поступающей информации, а также способности понимания, восприятия, принятия решений и др. Серьёзность воздействия на них информационных технологий связана с тем, что все когнитивные процессы непосредственно связаны между собой, а потому рассеянность внимания влияет на все остальные процессы, что делает человека неспособным воспринимать информацию совокупно и целостно, в требуемом объёме, подвергать её анализу и делать выводы.

Главной причиной подобного рода негативных трансформаций психики человека, которая, собственно, и превратила его внимание в рассеянное, является, по всей видимости, такая ключевая особенность современной действительности, как экспоненциально увеличивающийся в ней объём информационных данных [6, с. 27], которые прямо или косвенно вынужден потреблять человек. Это могут быть данные, связанные с его участием в деятельности образовательных организаций и необходимостью усвоения предоставляемой ими учебной программы, а также информация, самостоятельно обнаруживаемая и впитываемая на бескрайних просторах интернета.

Современный человек ежедневно сталкивается с таким количеством информации, которое он оказывается не в состоянии не только «переработать» и, тем более, проанализировать, но даже элементарно сориентироваться в ней. Ему становится всё труднее понимать и самостоятельно выстраивать причинно-следственные связи, восстанавливать хронологию событий. Тот объём информации, с которым повседневно и в течение всей своей жизни имеет дело человек, формирующийся в реалиях современной информационно-технической среды, принципиально недоступен для элементарного усвоения и, тем более, полноценного осмысления: сознание индивида в нём «тонет», а внимание рассеивается.

Коммуникационные девиации и интернет-зависимость

Ещё одним фактором отрицательного влияния современных технологий на когнитивные процессы человека можно считать подмену живого общения виртуальной коммуникацией в таких сверхпопулярных социальных сетях, как «В контакте» или «Одноклассники», и мессенджерах типа «WhatsApp», «Viber» и др. Всё чаще мы узнаем о жизни людей из постов и, так называемых, историй в «Instagram». На смену традиционной вербальной модели общения приходит дистанционная коммуникация, предполагающая возможность взаимодействия между её реципиентами без изменения их пространственной дислокации (например, можно написать и отправить собеседнику сообщение, не только не выйдя его, но даже не выходя при этом из дома).

Сходная проблема коренится в любом способе общения, осуществляемом посредством гаджетов. При таком дистанционном общении, как правило, используется особый язык – язык общения в сети, или, как его ещё называют, «интернет-язык», «электронный язык» или «компьютерный язык». Его применение подразумевает подмену цельных слов сокращениями, игнорирование необходимости соблюдения норм грамотности, правил грамматики, пунктуации и т. д. Характерными для него являются максимально упрощённые речевые конструкции, массовое использование «сленговых» слов и выражений, которые искажают речь, делая её безграмотной, а зачастую и непонятной для представителей старших поколений. Эмоции в общении в сети выражаются «смайликами».

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что общение посредством использования современных информационных технологий наносит ущерб способности человека общаться «вживую», так как им поневоле переносится в жизнь ставшее привычным в электронном формате упрощение речевых конструкций. Усложняется также, а подчас становится весьма затруднительным непосредственное выражение эмоций не «смайликовым» способом, а то-

нальностью голоса, паузами, мимикой, жестикуляцией и пр.

Настоящей проблемой для формирования умения грамотно писать и выражать свои мысли за пределами интернета стало появление такого способа передачи информации, как голосовые сообщения. Если у человека отсутствует желание сочинять объёмные послания и тратить на это драгоценный временной ресурс, он может достаточно быстро записать голосовое сообщение, что, на первый взгляд, несомненно, облегчает ему жизнь. Однако при этом он вовсе не склонен задумываться над тем, что данная процедура при её многократном повторении опять же скрывает в себе негативные последствия и может самым пагубным образом сказаться на его когнитивных способностях и навыках оформления письменной речи. К этой же категории может быть отнесён и такой популярный сегодня способ общения, как видеозвонок, на который в полной мере распространяются те же отрицательные черты, которыми характеризуются голосовые сообщения.

В нашей современности существует также особая болезнь – зависимость от гаджетов, или номофобия [3]. Одним из наиболее часто встречающихся проявлений данного заболевания является чувство тревоги и волнения в ситуации, когда человек не может найти свой телефон, или когда тот разряжен или находится вне зоны действия сети. Практически каждый современный человек в той или иной мере подвержен подобного рода эмоциональным переживаниям: это может быть как минимум раздражение, или, в худшем случае, серьёзный психологический стресс при попадании в сходные жизненные обстоятельства.

Клиповое мышление и гипертекстуальность

Описанные выше трансформации и их комплексное воздействие на психику современного человека приводит к формированию у него так называемого клипового мышления. Последнее предполагает «... процесс отражения множества разнообразных

свойств объектов без учёта связей между ними, характеризующийся фрагментарностью информационного потока, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира» [4]. Данный тип мыслительной деятельности формируется вследствие регулярного проведения времени в интернете и осуществляемого в ней постоянного сетевого общения. В этой связи можно также говорить о гипертекстуальности мышления.

В рассматриваемом контексте гипертекстуальность представляет собой «...последовательную запись. Обычно процесс письма осуществляется последовательно по следующим двум причинам. Во-первых, потому, что он является производным от речи, которая не может не быть последовательной (так как у нас для этого только один канал), и, во-вторых, потому, что книги неудобно читать иначе как последовательно. Однако мысли образуют структуры, которые не являются последовательными – они связаны многими возможными переходами» [7].

Сегодня всё чаще наша речь, а точнее, информация, передаваемая через её посредство, характеризуется подобной гипертекстуальностью. Поскольку человек оказывается не в состоянии последовательно и чётко донести до других собственную мысль, он, вместо этого, осуществляет своеобразную отсылку к другим ситуациям, мыслям и т. д., зачастую теряя при этом нить изначального повествования и начиная рассуждать на совершенно другие темы. Это сбивает с толку его потенциального собеседника, который попросту теряется в хитросплетениях предлагаемого ему повествования, не может понять его смысл и предназначение. Гипертекстуальность как перегруженность отсылками к каким-то иным источникам и ресурсам не позволяет нам точно запоминать информацию. Это происходит: во-первых, по причине её объёмности, так как все отсылки и попутные добавления существенно его увеличивают; а во-вторых – вследствие нелинейности структуры самой подачи информации, что не позволяет выстроить хронологию и запомнить информацию.

Проблема концентрации внимания и многозадачность

От постоянного пребывания в компьютерно-информационной среде страдает также концентрация внимания человека. В условиях гипертекстуальности современной культуры человеку крайне сложно выделить основную мысль и сфокусироваться на ней. Учитывая же фактор постоянно поступающей информации, он не анализирует её и даже не вычленяет необходимых фрагментов. Более предпочтительным является для него поиск новой информации, что само по себе формирует постоянную потребность в ней, которой, собственно, и компенсируется отсутствие концентрации на её сути. Так, формируется качественно новое поколение «многозадачных» людей, которые пытаются делать несколько дел одновременно и, на первый взгляд, неплохо с этим справляются. Однако стремление «всё успеть» зачастую негативно влияет на качество выполнения этих задач.

Многозадачному человеку тяжело сконцентрироваться на основных целях, по причине чего он часто переключается на выполнение второстепенных, которые не являются ключевыми в его деятельности. Если рассмотреть в качестве примера необходимость изучения какого-либо вопроса, многозадачный человек, как правило, не фокусирует внимания на ключевой информации, а постоянно ищет новую, игнорируя при этом уже имеющуюся. В конечном счёте, начатое дело не доводится до конца, а внимание уже переключается на следующие задачи.

Ещё одной девиацией в области когнитивных проявлений психики человека является то, что многие люди сегодня запоминают не саму по себе информацию, а источник, в котором она была найдена и откуда её снова можно будет взять в случае, если возникнет такая необходимость. Иначе говоря, с появлением гаджетов с постоянным подключением к интернету, где имеется максимум всевозможной информации, пропала необходимость знать суть, так как появилась возможность в любой

момент актуализировать любую информацию. С одной стороны, это существенно упростило нашу жизнь, но с другой – наряду с упрощением жизни упрощаются и способности нашего мозга. В данном случае страдает такой важнейший когнитивный процесс, как запоминание информации.

Некоторые специалисты, впрочем, отмечают, что такое положение дел является естественным, поскольку выступает в качестве защитного барьера, оберегающего человека от огромных потоков информации, которые ежедневно проходят через наш мозг.

Заключение

Подводя итоги проведённому рассмотрению, ещё раз подчеркнём, что опасность воздействия информационных технологий на психику человека кроется в их сложности, т. е. в определяющем воздействии на все когнитивные процессы одновременно. Подтверждением этому являются такие взаимосвязанные проблемы, как экспоненциально увеличивающийся объём информации и свойственная ей гипертекстуальность. Последние, в свою очередь, приводят к ухудшению памяти, неспособности даже на элементарном уровне запоминать информационные данные, и особенно большие объёмы информации [8].

Однако, очевидно, что нельзя оценивать проблему воздействия информационных технологий на когнитивные процессы человека односторонне, акцентируя только вызываемые ими девиации и негативные аспекты. Так, например, тот факт, что современный человек стал запоминать не саму информацию, а её «образ» или представление о ней, позволяет косвенно судить о творческих началах его мышления, поскольку ему оказываются присущи образность и абстрактность, связанные с развитием правого полушария мозга, отвечающего за креативность и творческую деятельность.

Были упомянуты также отрицательные стороны «клипового мышления», однако

оно может рассматриваться и как вполне закономерный для современного мира образ мыслительной деятельности, позволяющий быстро изучать большие объёмы информации. Принимая во внимание то, что современный человек пропускает через себя столько информации, сколько его не столь уж давнему предшественнику – человеку двух–трёх предыдущих столетий – хватало на всю его сознательную жизнь, можно говорить о потребности и даже необходимости формирования «клипового мышления», – иначе человек будет находиться в информационном вакууме, страдая от недостатка данных.

По сходному принципу можно «оправдать» и свойственную современному человеку установку на многозадачность, поскольку наравне с объёмом информации пропорционально увеличился и объём стоящих перед человеком задач. А в условиях информатизации и компьютеризации современного общества и перевода практически всех систем в электронный формат человек вынужден справляться со всем этим колоссально возросшим объёмом стоящих перед ним задач посредством ресурсов интернета, в чём ему, несомненно, помогают и установка на многозадачность, и информационные технологии [9].

Итак, воздействие информационных технологий на когнитивные процессы не может быть рассмотрено односторонне – с единственного ракурса их негативно-го влияния на психику человека. Следует уделять должное внимание позитивным аспектам данного процесса, в частности, интеграции творческих начал в процесс использования современных информационных технологий. Однако при этом не следует упускать из вида и обозначенные выше отрицательные факторы, такие как нарушение концентрации внимания, ухудшение процесса запоминания информации, трудности, возникающие с её анализом, рефлексией и пр.

Статья поступила в редакцию 29.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кешелава А. В., Буданов В. Г., Румянцев В. Ю. Введение в «Цифровую» экономику. ВНИИГеосистем, 2017. 28 с.
2. Когда говорят, что Интернет убьет телевидение, это глупость // Коммерсантъ. 2011. 13 окт. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1793394> (дата обращения: 01.02.2021).
3. Номофобия – боязнь остаться без мобильного телефона. URL: <https://psymod.ru/fobii/2334-nomophobia-boyazn-ostatsa-bez-telefona.html> (дата обращения: 30.01.2021).
4. Семеновских Т. В. «Клиповое мышление» – феномен современности // Оптимальные коммуникации (ОК): Эпистемический ресурс Академии медиаиндустрии и кафедры теории и практики общественной связности РГГУ. URL: <http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208/> (дата обращения: 30.01.2021).
5. Guryanova A. V., Khafiyatullina E., Petinova M., Frolov V., Makhovikov A. Technological prerequisites and humanitarian consequences of ubiquitous computing and networking // *Digital economy: complexity and variety vs. rationality. Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020. Vol. 87. P. 1040–1047.
6. Makhovikov A. E., Guryanova A. V., Stotskaya T. G. «Knowledge» and «information» in the structure of modern rationality and human activity // *Current achievements, challenges and digital chances of knowledge based economy. Lecture Notes in Networks and Systems*. 2021. Vol. 133. P. 27–34.
7. Nelson T. N. Complex information processing: a file structure for the complex, the changing, and the indeterminate // *ACM'65: Proceedings of the 20th national conference: Cleveland, Ohio, August 24–26, 1965*. URL: <https://archive.org/details/nelson-file-structure> (дата обращения: 30.01.2021).
8. Бондарева Я. В., Орлова И. И. Цифровое искусство: методология изучения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 1 (51). С. 137–143.
9. Сафонов А. Л., Бондарева Я. В. «Удушающая любовь» неклассики или анализ причин превращения фундаментальной науки в мифологию // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 3 (53). С. 27–38.

REFERENCES

1. Keshelava A. V., Budanov V. G., Rumyantsev V. Yu. Vvedenie v «TSifrovuyu» ekonomiku [Introduction into Digital economy]. VNIIGeosystem Publ., 2017. 28 p.
2. [When they say that the Internet will kill television, it is nonsense]. In: *Kommersant*. [Kommersant]. 2011. October 13. no. 192. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/1793394> (accessed: 02/01/2021)
3. *Nomofobiya – boyazn' ostat'sya bez mobil'nogo telefona* [Nomophobia is the fear of being left without a mobile phone]. Available at: <https://psymod.ru/fobii/2334-nomophobia-boyazn-ostatsa-bez-telefona.html> (accessed: 01.30.2021).
4. Semenovskikh T. V. [“Clip thinking” is a phenomenon of modernity]. In: *Optimal'nye kommunikatsii (OK): Epistemicheskii resurs Akademii mediaindustrii i kafedry teorii i praktiki obshchestvennoi svyaznosti RGGU* [Optimal communications (OK): An epistemic resource of the Academy of the Media Industry and the Department of Theory and Practice of Public Connectivity of the Russian State University for the Humanities.]. Available at: <http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208> (accessed: 01.30.2021).
5. Guryanova A. V., Khafiyatullina E., Petinova M., Frolov V., Makhovikov A. Technological prerequisites and humanitarian consequences of ubiquitous computing and networking In: *Digital economy: complexity and variety vs. rationality. Lecture Notes in Networks and Systems*, 2020, vol. 87, pp. 1040–1047.
6. Makhovikov A. E., Guryanova A. V., Stotskaya T. G. «Knowledge» and «information» in the structure of modern rationality and human activity In: *Current achievements, challenges and digital chances of knowledge based economy. Lecture Notes in Networks and Systems*. 2021, vol. 133, pp. 27–34.
7. Nelson T. N. Complex information processing: a file structure for the complex, the changing, and the indeterminate In: *ACM'65: Proceedings of the 20th national conference*, Cleveland, Ohio, August 24–26, 1965. URL: <https://archive.org/details/nelson-file-structure> (accessed: 30.01.2021).
8. Bondareva Ya. V., Orlova I. I. [Digital arts: a learning methodology]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy]. 2020, no. 1 (51), pp. 137–143.
9. Safonov A. L., Bondareva Ya. V. [“Suffocating love” of non-classics or analysis of the reasons for the transformation of fundamental science into mythology]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2020, no. 3 (53), pp. 27–38.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гурьянов Николай Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Самарского государственного технического университета;
e-mail: nik.guryanow@yandex.ru

Коротаева Татьяна Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и психологии Самарского государственного экономического университета;
e-mail: corotaeva2014@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolay Yu. Guryanov – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Philosophy Department, Samara State Technical University;
e-mail: nik.guryanow@yandex.ru

Tatyana V. Korotaeva – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Sociology and Psychology Department, Samara State University of Economics;
e-mail: corotaeva2014@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гурьянов Н. Ю., Коротаева Т. В. Девиации когнитивных способностей человека под воздействием информационных технологий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 111–118.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-111-118

FOR CITATION

Guryanov N. Yu., Korotaeva T. V. Deviation of Human Cognitive Abilities under the Influence of Information Technologies. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no 1. pp. 111–118.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-111-118

УДК 165.4

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-119-129

КОНВЕНЦИОНАЛИЗМ И КОНСЕНСУАЛИЗМ КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ НАУЧНОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Лебедев С. А.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать одну из главных особенностей динамики современной науки: рост онтологического и методологического плюрализма научного знания и его эпистемологического оправдания.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Осуществлена реконструкция содержания двух главных эпистемологических концепций легитимации научного плюрализма: конвенционалистской и консенсуалистской концепций природы научного познания – и дан их сравнительный анализ.

Результаты. Проведённый анализ показал, что консенсуалистская концепция имеет существенные теоретические и эмпирические преимущества по сравнению с конвенционалистской концепцией научного познания.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён материал по исследуемой теме. Полученные результаты способствуют более адекватному пониманию особенностей структуры и динамики современной науки, а их усвоение – формированию более адекватной методологической культуры современного учёного.

Ключевые слова: современная наука, неклассическая эпистемология, научный плюрализм, научные конвенции, научный консенсус, методологическая культура

CONVENTIONALISM AND CONSENSUALISM AS EPISTEMOLOGICAL LEGITIMATION OF SCIENTIFIC PLURALISM

S. Lebedev

*Lomonosov Moscow State University
27 korp. 4, Lomonosovskii pr., Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze one of the main features of the dynamics of modern science: the growth of ontological and methodological pluralism of scientific knowledge and its epistemological justification

Methodology. The body of texts is analyzed. The reconstruction of the content of two main epistemological conceptions of scientific pluralism legitimation is performed: the conventionalism and consensualist concepts of scientific knowledge nature. Their comparative analysis is made.

Results. It is shown that the consensualist conception has significant theoretical and empirical advantages over the conventionalist conceptions of scientific knowledge.

Research implications. The material on the theme of the research is generalized. The obtained results contribute to a more adequate understanding of the features of the structure and dynamics of modern science, and their assimilation to the formation of a more adequate methodological culture of a modern scientist.

Keywords: modern science, non-classical epistemology, scientific pluralism, scientific conventions, scientific consensus, methodological culture

Введение

В классической науке XVII–XIX вв. одной из её эпистемологических догм был принцип: «Один объект – одна истина». Этот принцип утверждал, что в науке не должно иметь место два различных, противоречащих друг другу суждения об одном и том же объекте. Если это случается, одно из этих суждений, несомненно, является ложным, и его ложность может и должна быть доказана либо эмпирически (в частности, с помощью решающего эксперимента), либо теоретически (например, путём доказательства его логической противоречивости корпусу достигнутого наукой истинного знания). Плюрализм в науке возможен, но это временное явление, свидетельствующее о её незрелом состоянии, которое в развитой науке не должно иметь места. Наука – это множество абсолютно-истинного знания о различных объектах и процессах природы и общества. Истинная наука и плюрализм не совместимы.

Методологический плюрализм научного знания

Однако к концу XIX в. реальное развитие науки всё больше демонстрировало постоянное увеличение не только онтологического, но и методологического плюрализма научного знания во всех областях. И, что характерно, это не только имело место в новых областях научного исследования, но и касалось её зрелых, фундаментальных теорий. Например: в физике это была несовместимость принципов механики Ньютона и электродинамики Максвелла; в химии – соперничество флогистонной теории горения и кислородной теории Лавуазье; в биологии – затянувшееся противостояние эволюционных концепций Ламарка и Дарвина; в оптике – соперничество корпускулярной и волновой теории света; в термодинамике – противостояние концепции теплорода и молекулярно-кинетической теории Больцмана; в геометрии – противоречие между освящённой веками евклидовой геометрией и неевклидовыми геометриями Лобачевского и Римана, ко-

торые одновременно противоречили друг другу; в арифметике – противоречие между архимедовой и не архимедовой теорией чисел; в алгебре – противоречие между коммутативной и некоммутиативной теориями; в теории вероятности – соперничество частотной, логической, диспозиционной и субъективной интерпретаций вероятности. Но одним из самых серьёзных свидетельств фундаментальности и неустраимости онтологического, методологического и эпистемологического плюрализма в науке стало создание в науке начала XX в. частной и общей теории относительности, а позднее квантовой механики, которые противоречили все вместе не только классической механике, но и друг другу. В математике ярким свидетельством фундаментальности плюрализма было обнаружение в теории множеств Кантора, которая стала к концу XIX в. теоретическим фундаментом всей классической математики, явных логических противоречий. Это сразу же поставило под сомнение доказательность и истинность всех её теорий, несмотря на их успешное использование во многих естественных и социальных науках, а также в практической и инженерной деятельности. В результате разразившегося в классической математике кризиса была выдвинута и постепенно реализована альтернативная по принципам и методам построения математических теорий интуиционистская или конструктивистская математика. Она отказалась от использования в математике понятия актуально бесконечного множества, аксиоматического построения математических теорий, а также от признания универсального характера таких традиционных законов классической логики, как закон исключенного третьего и закон двойного отрицания. Ситуация существенного роста онтологического и методологического плюрализма стала наблюдаться впоследствии в динамике всех естественных, социальных, гуманитарных и технических наук. Научный плюрализм отныне стало невозможно трактовать как состояние незрелой науки или как временное, случайное или преходящее для науки явление.

Адекватно природа научного плюрализма была описана и объяснена только в философии науки XX в. Было показано, что онтологический и методологический плюрализм научного знания является не только закономерным, но и необходимым условием его успешного развития. При этом были раскрыты основные причины и факторы, с неизбежностью порождающие плюрализм научных теорий. Среди них в качестве главных факторов были выделены следующие: 1) онтологическое разнообразие предметов научного исследования; 2) конструктивно-проективный характер научного мышления; 3) отсутствие в науке, так сказать, «окончательного», абсолютно надёжного эмпирического и теоретического базиса любых концепций; 4) ограниченная разрешающая сила и принципиальная неполнота любых как эмпирических, так и теоретических моделей по отношению к своему предмету («прототипу»); 5) принципиальная неустрашимость из процесса научного познания неявного и личностного знания; 6) существенное влияние на процесс научного познания мировоззренческих и практических установок; 7) социальный характер субъекта научного познания.

Для современной философии науки стало очевидным, что при описании процесса научного познания необходимо учитывать не только субъект-объектные отношения между учёным и познаваемой им реальностью, но и когнитивные коммуникации между членами научного сообщества, особенно при анализе процесса легитимации научного знания как объективного, общезначимого, истинного и полезного. Оказалось также, что необходимыми элементами процесса научного познания являются разнообразные и многочисленные научные конвенции, используемые учёными в качестве опорных точек в процессе конструирования научного знания. Необходимость использования научных конвенций в познании вызвана тремя главными обстоятельствами: 1) дискурсно-понятным характером научного знания не только на теоретическом, но и на эмпирическом уровне; 2) закреплением на-

учного знания с помощью слов для его хранения и передачи следующим поколениям; 3) обеспечения эффективной коммуникации между учёными в процессе обсуждения ими предмета и методов его познания, оценки адекватности полученного знания, его обоснованности и полезности. Очевидно, что всё это невозможно без чёткого указания значения и смысла используемых понятий и терминов и закрепления их с помощью определений. Но определения любых терминов в принципе являются продуктом свободного решения учёного, так как не существует однозначной связи между словом и его значением, в том числе и тогда, когда в качестве значения термина выступает некоторый объект. Установление связи между словом и его значением всегда есть продукт семантической конвенции или условной договорённости о том значении термина, в котором он будет употребляться в данном тексте или контексте. Например, понятия «прямая» и «плоскость» по-разному понимаются в геометрии как физике и геометрии как математике. В геометрии как физике прямая линия понимается как линейное множество (последовательность) атомов или элементарных частиц, а в геометрии как математике прямая линия – это линейный континуум геометрических точек. Последние же определяются как то, что не имеет размеров или протяжённости. В евклидовой геометрии плоскость понимается как двумерный континуум точек, не имеющий кривизны. В геометрии Лобачевского плоскость определяется как двумерный континуум точек, имеющий отрицательную кривизну, а в частной римановой геометрии – как имеющий положительную кривизну. Столь же различные значения имеет также термин «пространство» в разных физических теориях: в классической физике, теории относительности и квантовой механике. В классической физике пространство – одна из трёх физических субстанций: материя (вещество) пространство, время. Свойства каждой из них не зависят от других субстанций. В классической механике физическое пространство трёхмерно и евклидово по своим свойствам, размеры тела не меняются в процессе движения объектов.

В теории относительности пространство – не субстанция, а только часть более общей реальности: пространственно-временного континуума, свойства которого евклидовы. Оно не зависит от материи. В общей теории относительности пространство – уже одна из форм материи, свойства которой (в частности, распределения масс в некоторой области пространства) влияют на свойства пространства. В частности, на характер его кривизны. Пространство и время непрерывны в общей и частной теории относительности, как и в классической физике. Но они являются дискретными в квантовой физике. Там вводятся такие понятия, как «наименьшая (планковская) длина» и «наименьшее (планковское) время», из которых как из далеких неделимых частиц и состоят реальное физическое пространство и время.

Конвенционалистская концепция природы научного знания

Однако в научном знании конвенциональный характер имеют не только определения всех понятий и терминов (включая определение понятий логики как науки о выводе и доказательности знания), а также эталонов измерения научных величин, но также и истинность аксиом всех научных теорий. Достаточно общее определение научной конвенции как средству научного познания может быть дано следующее. Научная конвенция – это когнитивное решение субъекта научного познания о значении и смысле используемых понятий и терминов, а также истинности исходных принципов и аксиом при построении научного знания.

Конвенциональный характер как эмпирического, но особенно теоретического уровня научного знания был признан многими учёными и методологами уже в начале XX в. Первым это обстоятельство ясно осознал и концептуально развил великий французский математик и физик-теоретик конца XIX – начала XX вв. А. Пуанкаре. Этому способствовала совокупность реальных особенностей развития науки того времени. В качестве основной особенности было резкое возрастание степени общности

и абстрактности научных теорий во всех областях науки, но прежде всего в математике и физике. В математике это было создание серии неевклидовых геометрий, проективной геометрии, не архимедовой арифметики, теории актуально бесконечных множеств, различных систем математической логики, теории функций комплексного переменного. В физике – создание математической электродинамической теории Максвелла, молекулярно-кинетической теории газов Больцмана, статистической физики Гиббса, квантовой термодинамической теории Планка, синтез Г. Лоренцем классической механики Ньютона и электродинамики Максвелла, разработка частной теории относительности Эйнштейном и Пуанкаре. Рост абстрактности и плюрализма теорий чётко демонстрировал их относительную независимость от опыта и творческую роль мышления в создании научных теорий. Осознав этот факт, конвенционалисты сделали вывод, что научные теории в слабой степени детерминированы опытом и суть не что иное, как результат сконструированных мышлением научных постулатов как множества конвенций. Так, Пуанкаре в этой связи писал, что применимые к совокупности процессов всей Вселенной «постулаты сводятся, в конце концов, к простым конвенциям. Эти конвенции мы вправе устанавливать, так как заранее уверены, что никакой опыт не окажется с ними в противоречии» [3, с. 140]. В ещё более сильной форме кредо конвенционализма сформулировал из вестный польский логик К. Айдукевич: «Основное положение обычно венного конвенционализма, представителем которого является, например, Пуанкаре, заключается в утверждении, что существуют проблемы, которые опыт не в состоянии решить, пока не будет введена произвольно принятая конвенция... В настоящем исследовании ... мы хотим выдвинуть и обосновать утверждение, что не только некоторые, но и все суждения, которые мы признаём и которые составляют всё наше изображение мира, не являются однозначно определёнными данными опыта, а зависят также от выбора понятийной

аппаратуры, с помощью которой мы отображаем опытные данные. Эту понятийную аппаратуру мы можем, однако, избрать той или другой, благодаря чему меняется и всё наше изображение мира» [1, с. 231–232]. А. Эйнштейн в «Творческой автобиографии» отмечал: «На опыте можно проверить теорию, но нет пути от опыта к построению теории» [5, с. 101]. И ещё более определён-но: «Нелегко осознать, что и те понятия, которые благодаря проверке и длительно-му употреблению кажутся непосредственно связанными с эмпирическим материалом, на самом деле свободно выбраны» [5, с. 88].

Главным достоинством конвенционалистской концепции природы научного знания было то, что в отличие от эмпиризма и рационализма (априоризма), этих парадигм классической эпистемологии, конвенционализм сумел справиться с особенностями развития реальной науки и её вызовами в конце XIX – начале XX вв. Правда, удалось это сделать частично ценой субъективизма и релятивизма в интерпретации процесса научного познания. Конвенционализму в целом не удалось непротиворечиво объединить идею конвенционального характера научного знания с идеей его объективности. После осознания принципиальной невозможности осуществления такого синтеза в рамках конвенционализма оказалось, что единственным эффективным способом решения этой проблемы является только обращение к консенсусу научного сообщества как естественному средству легитимации не только объективности научного знания, но и его истинности. Постепенно это привело к формированию в эпистемологии XX в. новой альтернативы традиционному эмпиризму и рационализму – консенсуалистской концепции научного познания, где главная роль в легитимации плюрализма научного знания и одновременно его объективности и истинности отводилась не конвенциям, а консенсусу научного сообщества и прежде всего дисциплинарного сообщества [16; 21; 25].

Научный консенсус и научная конвенция

В чём отличие научного консенсуса от научной конвенции? В двух главных моментах: 1) в понимании субъекта научного познания и 2) в понимании механизма принимаемых им когнитивных решений. Тогда как в конвенционализме главным субъектом когнитивных решений считается индивидуальный учёный, в консенсуалистской концепции таким субъектом считается профессиональное научное сообщество, представляющее интересы той или иной научной дисциплины, той или иной науки или области науки. Научная конвенция – однозначное решение субъекта познания: она либо принимается, либо не принимается им. В отличие от неё научный консенсус – результат когнитивных переговоров членов научного сообществ по любым вопросам их дисциплины, в том числе по оценке содержания научного знания, его истинности, новизны, актуальности, полезности. Примерами важной роли научного консенсуса в развитии научного знания является деятельность различных научных коллективов, как формального институционального статуса, так и неформального. К первому типу относятся, например, лаборатории, кафедры, научные отделы институтов, диссертационные советы, экспертные советы ВАК, институты цитирования научных публикаций, грантовые организации по поддержке научных исследований. Ко второму, неформальному типу научных коллективов относятся общественные научные объединения, неформальные коммуникации учёных через интернет, научные конференции разного уровня, включая международный уровень с участием выдающихся учёных в той или иной области науки. В зависимости от характера обсуждаемых проблем, их новизны, глубины и актуальности, количества учёных, принявших участие в экспертизе предлагаемых решений, выработка научного консенсуса может занимать разное время, иногда довольно длительное, особенно если это касается принятия новых теорий или фундаментальных технологий. При этом в

целом научный консенсус, как правило, не является единогласным, а лишь отражает мнение большинства членов соответствующего научного сообщества и особенно его признанных лидеров. Научный консенсус является своеобразным статистическим резюме итогов когнитивных коммуникаций и переговоров об истинности, новизне, теоретической и практической значимости различных единиц научного знания. В силу своей природы научный консенсус является менее жёстким когнитивным решением по сравнению с научными конвенциями. Но зато и более общезначимым, а следовательно, и более объективным, чем конвенции. И как убедительно показывает реальная практика науки, объективность и социальный характер научного познания, а также его результатов не только не противоречат, но и предполагают друг друга. Многочисленные эмпирические исследования реального процесса научного познания свидетельствуют, что на выработку научным сообществом консенсуального решения оказывают существенное влияние не только эмпирические и логические факторы, но также социальные, мировоззренческие и прагматические установки учёных. Особенно значимыми факторы последнего рода становятся в эпоху смены культурно-исторических типов науки и соответствующих представлений учёных о научной рациональности и выработки ими новых идеалов и норм научного исследования [22].

Формирование консенсуалистской эпистемологической парадигмы

Формирование консенсуалистской эпистемологической парадигмы заняло достаточно длительный промежуток времени и фактически завершилось в своих общих чертах лишь к концу XX в. Существенный вклад в её становление и утверждение внесли такие эпистемологические концепции XX в., как когнитивная социология науки [9], аксиология и праксиология науки [8], концепция научно-исследовательских программ И. Лакатоса [9], парадигмальная теория развития науки Т. Куна [2], ради-

кальный конструктивизм [4], уровневая методология науки [6], психология научной деятельности, работы по истории науки и её различных областей [7; 17].

Основное содержание консенсуалистской концепции природы научного знания может быть резюмировано следующим образом. В рамках консенсуалистской парадигмы главным субъектом научного познания считается не отдельный учёный, а научное сообщество, и прежде всего дисциплинарное научное сообщество. Именно оно производит научное знание и оценивает его практическую и теоретическую значимость, в том числе его научность и истинность. Процесс научного познания имеет в качестве своих главных источников и оснований не только взаимодействие ученых с познаваемой ими областью объективной реальности (корреспондентская составляющая процесса научного познания), но и взаимодействие между собой в рамках определённого дисциплинарного сообщества (коммуникационная составляющая). Научное познание в каждой области современной науки и на каждом уровне научного познания имеет плюралистический характер. Время монистического идеала научного познания (один предмет – одна истина) окончательно ушло в прошлое, так как такой идеал противоречит свойствам реальной структуры всего корпуса научного знания, которая является сверхсложной, эволюционирующей, нелинейной. Например, даже парадигмальная теория структуры и развития научного знания Т. Куна применительно к современной системе научного знания является её сильным упрощением. В любой области современной науки одновременно существует множество конкурирующих между собой концепций и гипотез. При столь значительном структурном плюрализме только научный консенсус является единственным эффективным средством поддержания в науке баланса между разнообразием научного знания и его целостностью. Современное научное познание имеет принципиально коллективный характер, когда подавляющее большин-

ство учёных осуществляет познавательную деятельность в рамках определённых научных организаций и коллективов разной мощности, но с достаточно чётким разделением труда в рамках конкретного научного коллектива (от лабораторий и проблемных групп до научных институтов в целом). В рамках научных организаций осуществляются не только планирование научной деятельности, соответствующее их научному профилю, но и оценка полученных результатов на новизну, актуальность и истинность. В подавляющем большинстве случаев такая оценка является итогом критического обсуждения и экспертного заключения, принимаемого на основе консенсуса [13]. В научном познании в силу конструктивной природы мышления неизбежным и закономерным являются не только онтологическое соперничество различных концепций и теорий, но также и методологический плюрализм, состоящий в использовании различного и постоянно расширяющегося множества методов получения и обоснования научного знания [9]. В науке не существует некоего универсального и единого научного метода [17]. В научном познании, как и в любом другом виде творческой деятельности, как и в самой природе, действует единственно возможный механизм порождения нового: это метод проб и ошибок. Разумеется, что в результате последующего отбора только небольшая часть гипотез и предположений проходит сито на пригодность и остаётся в массиве научного знания. Отрицательные результаты в науке, если они точны, также имеют определённую ценность, ибо они навсегда закрывают некоторые логически возможные пробы и предположения как ошибочные.

Согласно радикальному конструктивизму научное знание не является и в принципе не может быть копией объективной реальности [4]. Главной целью научного познания является вовсе не копирование объективной реальности, а проектирование и построение научной реальности, состоящей из конструируемых мышлением абстрактных или идеальных объектов. Она

создается учёными как некая эталонная реальность, соответствующая идеалам и нормам научной рациональности. Согласно этим идеалам и нормам научная реальность должна быть определённой, системной и содержательно богатой. Создание научной реальности полностью контролируется мышлением, являясь его имманентным продуктом. Именно поэтому научная реальность и выступает средством оценки чувственной и объективной реальности, её содержательности, определённости и системности. Истинное описание научной реальности вполне достижимо, так как и она сама и её описание – суть имманентные продукты мышления. Научная истина есть тождество одного содержания мышления (описания научной реальности) с содержанием другого продукта мышления – самой научной реальности. Выход научной теории на объективную реальность также вполне возможен, но не непосредственно, а только через её эмпирическую интерпретацию.

Очевидно, что всякое научное знание является предпосылочным и имеет полную форму «Если ... то». «Если» – это знание, которое является основанием (возможно логическим) знания «то». Иногда знание «если» является априорным для знания «то». Но в науке абсолютно априорного, как, впрочем, и абсолютно апостериорного знания, не существует. Понятия «априорное» и «апостериорное» знание являются в науке сугубо относительными и имеют определённый смысл только по отношению одного конкретного знания к другому знанию. Поскольку последних эмпирических или теоретических оснований у любого знания не существует, постольку всякое научное знание истинно не абсолютно, а только относительно и условно. Консенсуальная оценка некоторого знания как истинного или неистинного также является относительной, исторической и может измениться со временем. В консенсуалистской концепции единственным операциональным критерием объективности знания считается только его общезначимость [13; 21]. В отличие от

конвенционалистского понимания общезначимости как продукта сознательной договорённости учёных, в консенсуалистской концепции общезначимость понимается как результат длительных когнитивных обсуждений и переговоров членов соответствующего дисциплинарного сообщества. Выработка научного консенсуса в отношении новых научных теорий может занимать время от нескольких лет до нескольких десятков лет и даже нескольких столетий (геометрия Эвклида, атомизм Демокрита и Эпикура, теория Коперника, неевклидовы геометрии, общая теория относительности, генетика, конструктивная математика, квантовая механика, теория бессознательного в психологии и др.). Но зато и сохраняется научный консенсус в истории науки значительно более длительное время по сравнению с научными конвенциями. Выработка научного консенсуса опирается не только на чисто рациональные основания, но и на когнитивную волю членов научного сообщества, особенно его лидеров [13; 25]. Консенсуальный критерий истинности научного знания является более сложным, чем эмпирический, логический или практический и выражает позицию не отдельного учёного или их небольшой группы, а всего научного сообщества. Будучи социальным по своей природе, консенсуальный критерий истинности является, тем не менее, объективным в смысле его общезначимости. Однако он также является не абсолютным, а только относительным, выражающим позицию живущего в данную эпоху научного сообщества [23; 24; 26].

Заключение

1. Конвенционалистская и консенсуалистская модели научного познания являются основными концепциями современной эпистемологии, противостоящими всем вариантам классической эпистемологии, как эмпирической, так и рационалистической. Обе модели явились ответом на характерные особенности развития реальной науки во второй половине XIX –

начале XX вв. Одной из главных таких особенностей стал чётко проявившийся к этому времени конструктивно-проективный характер научного мышления, выразившийся в появлении во всех областях науки большого числа конкурирующих гипотез, теорий, научно-исследовательских программ [14; 23]. Другой особенностью, тесно связанной с первой, стало превращение прежней мировой науки из относительно малой социальной системы (состоящей из нескольких десятков тысяч учёных, занятых во всех областях науки), в большую социальную систему, состоящую к началу XX в. уже из нескольких сотен тысяч учёных. А в наше время мировое научное сообщество насчитывает уже более 12 миллионов профессиональных исследователей и непрерывно продолжает расти. Конвенционалистская концепция и появилась как эпистемологическая реакция на осознание явно конструктивного характера научного познания. Консенсуалистская же парадигма появилась как эпистемологический ответ на резкое увеличение численности учёных, их организацию в коллективы на основе предметной специфики разных дисциплин, а её итогом стало создание концепции природы научного знания как продукта коллективной деятельности учёных соответствующей научной дисциплины [19; 20].

2. Консенсуалистская парадигма природы научного знания включила в своё содержание все положительные моменты конвенционализма и стала не только его своеобразным обобщением, но и диалектическим отрицанием [13; 18]. Это произошло по двум направлениям: 1) понимания субъекта научного познания и 2) понимания критерия истинности научного знания. Если в конвенционализме реальным субъектом научного познания и его творцом считался отдельный учёный [12], то в консенсуалистской концепции главным субъектом считается научный коллектив как социальный субъект. Если в конвенционализме научная истина понималась как продукт конвенционального решения отдельного учёного, то в консенсуалистской

концепции научная истина понимается как результат консенсуса научного сообщества и его ответственности за принятое решение [15]. Если в конвенционализме подчёркивался конвенциональный характер истинности в основном научных тео-

рий, то в консенсуалистской концепции утверждается консенсуальный характер истинности не только научных теорий, но и всех других уровней и единиц научного знания [10; 11; 20].

Статья поступила в редакцию 29.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айдукевич К. Картина мира и понятийный аппарат // Философские науки. 1996. № 2. С. 231–254.
2. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2020. 320 с.
3. Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1983. 736 с.
4. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Мюнхен: Phren, 2000. 333 с.
5. Эйнштейн А. Творческая автобиография // Успехи физических наук. 1956. Т. LIX. Вып. 1. С. 71–105.
6. Лебедев С. А. Уровневая методология науки. М.: Проспект, 2020. 208 с.
7. Лебедев С. А. Философия науки: Позитивно-диалектическая концепция. М.: Проспект, 2021. 448 с.
8. Лебедев С. А. Философия и методология науки. М.: Академический проект, 2021. 730 с.
9. Лебедев С. А. Философия научного познания: основные концепции. М.: Московский психолого-социальный университет, 2014. 272 с.
10. Лебедев С. А. Единство естественнонаучного и социально-гуманитарного знания // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2010. № 2(18). С. 5–10.
11. Лебедев С. А. Роль индукции в процессе функционировании современного научного знания // Вопросы философии. 1980. № 6. С. 87–95.
12. Лебедев С. А., Коськов С. Н. Конвенционалистская философия науки // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 57–69.
13. Лебедев С. А., Коськов С. Н. Конвенции и консенсус в контексте современной философии науки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. № 1. С. 7–13.
14. Лебедев С. А. Плюрализм научных истин и их критериев // Вестник Северо-восточного федерального университета. Серия: Педагогика, Психология, Философия. 2020. № 4. С. 133–143.
15. Лебедев С. А., Твердынин Н. М. Гносеологическая специфика технических и технологических наук // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2008. № 2. С. 44–70.
16. Лебедев С. А. Научная истина: консенсуально-экспертный характер // Гуманитарный вестник. 2019. № 3 (77). С. 3.
17. Лебедев С. А. Научный метод: история и теория. М.: Проспект, 2018. 441 с.
18. Лебедев С. А. Природа истины в науке // Гуманитарный вестник. 2017. № 12. С. 2.
19. Лебедев С. А. Плюрализм методов теоретического познания в науке // Известия Российской академии образования. 2017. № 3. С. 5–39.
20. Лебедев С. А. Плюрализм критериев истинности научного знания: уровневая модель // Studia Humanitatis Borealis. 2019. № 1(12). С. 4–14.
21. Лебедев С. А. Консенсуальная природа научных истин // Известия Российской академии образования. 2018. № 2 (46). С. 5–17.
22. Лебедев С. А. Аксиология науки: ценностные регуляторы научной деятельности // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 82–92.
23. Лебедев С. А. Эпистемологический плюрализм как следствие структурной сложности научного знания // Вестник Северо-восточного федерального университета. Серия: Педагогика, Психология, Философия. 2020. № 3. С. 68–82.
24. Лебедев С. А., Коськов С. Н. Логико-исторический анализ конвенционализма // Журнал философских исследований. 2020. № 3. С. 22–27.
25. Лебедев С. А., Коськов С. Н. Конвенциональность и консенсуальность научного знания как эпистемологическая норма // Журнал философских исследований. 2020. № 3. С. 12–21.
26. Лебедев С. А. Основные модели развития научного знания // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 6. С. 506.

REFERENCES

1. Aidukevich K. [World picture and conceptual apparatus]. In: *Filosofskie nauki*, [Philosophical Sciences]. 1996, no. 2, pp. 231–254.
2. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions]. Moscow, AST Publ., 2020. 320 p.
3. Puankare A. *O nauke* [On science]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 736 p.
4. Tsokolov S. *Diskurs radikal'nogo konstruktivizma* [The discourse of radical constructivism]. Munich, Phren Publ., 2000. 333 p.
5. Einstein A. [Creative autobiography] In: *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Advances in physical sciences], 1956, vol. LIX, iss.1, pp. 71–105
6. Lebedev S. A. *Urovnevaya metodologiya nauki* [Layered Science Methodology]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 208 p.
7. Lebedev S.A. *Filosofiya nauki: Pozitivno-dialekticheskaya kontseptsiya* [Philosophy of Science: Positive-Dialectical Concept]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 448 p.
8. Lebedev S. A. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and methodology of science]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2021. 730 p.
9. Lebedev S. A. *Filosofiya nauchnogo poznaniya: osnovnye kontseptsii* [Philosophy of Scientific Knowledge: Basic Concepts]. Moscow, Moscow Psychological and Social University Publ., 2014. 272 p.
10. Lebedev S. A. [The unity of natural science and social and humanitarian knowledge]. In: *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in psychological and pedagogical research], 2010, no. 2(18), pp. 5–10.
11. Lebedev S. A. [The role of induction in functioning of modern scientific knowledge]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1980, no. 6, pp. 87–95.
12. Lebedev S. A., Kos'kov S. N. [Conventionalist philosophy of science]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2013, no. 5, pp. 57–69.
13. Lebedev S. A., Kos'kov S. N. [Convention and consensus in the context of contemporary philosophy of science]. In: *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in psychological and pedagogical research], 2014, no. 1, pp. 7–13.
14. Lebedev S. A. [Pluralism of scientific truths and their criteria]. In: *Vestnik Severo-vostochnogo federal'nogo universiteta. Seriya: Pedagogika, Psikhologiya. Filosofiya* [Bulletin of the North-Eastern Federal University. Series: Pedagogy, Psychology, Philosophy], 2020, no. 4, pp. 133–143.
15. Lebedev S.A., Tverdnyin N.M. [Epistemological specificity of technical and technological sciences]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*, [Moscow University Bulletin. Episode 7: Philosophy] 2008, no. 2, pp. 44–70.
16. Lebedev S.A. [Scientific Truth: Consensual Expert Character]. In: *Gumanitarnyi vestnik* [Humanitarian Bulletin], 2019, no. 3 (77), pp. 3.
17. Lebedev S. A. *Nauchnyi metod: istoriya i teoriya* [Scientific method: history and theory]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 441 p.
18. Lebedev S.A. [The nature of truth in science]. In: *Gumanitarnyi vestnik* [Humanitarian Bulletin], 2017, no. 12, pp. 2.
19. Lebedev S. A. [Pluralism of methods of theoretical knowledge in sciences]. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya* [Proceedings of the Russian Academy of Education], 2017, no. 3, pp. 5–39.
20. Lebedev S. A. [Pluralism of criteria for the truth of scientific knowledge: a level model]. In: *Studia Humanitatis Borealis* [Studia Humanitatis Borealis], 2019, no. 1 (12), pp. 4–14.
21. Lebedev S. A. [The consensual nature of scientific truths]. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya* [Proceedings of the Russian Academy of Education], 2018, no. 2 (46), pp. 5–17.
22. Lebedev S. A. [Axiology of Science: Value Regulators of Scientific Activity]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2020, no. 7, pp. 82–92.
23. Lebedev S. A. [Epistemological pluralism as a consequence of the structural complexity of scientific knowledge]. In: *Vestnik Severo-vostochnogo federal'nogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Filosofiya* [Bulletin of the North-Eastern Federal University. Series: Pedagogy, Psychology, Philosophy], 2020, no. 3, pp. 68–82.
24. Lebedev S.A., Kos'kov S.N. [Logical-historical analysis of conventionalism]. In: *Zhurnal filosofskikh issledovaniy* [Journal of Philosophical Research], 2020, no. 3, pp. 22–27.
25. Lebedev S.A., Kos'kov S. N. [Conventionality and Consensuality of Scientific Knowledge as an Epistemological Norm]. In: *Zhurnal filosofskikh issledovaniy* [Journal of Philosophical Research], 2020, no. 3, pp. 12–21.
26. Lebedev S. A. [Basic models for the development of scientific knowledge]. In: *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2014, vol. 84, no. 6, pp. 506.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедев Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;
e-mail: saleb@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Senior Researcher, Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: saleb@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лебедев С. А. Конвенционализм и консенсуализм как эпистемологическая легитимация научного плюрализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 119–129.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-119-129

FOR CITATION

Lebedev S.A. Conventionalism and Consensualism as Epistemological Legitimation of Scientific Pluralism. In: *Bulletin of Moscow Regional State University. Series: Philosophy*, 2021, no 1. pp. 119-129.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-119-129

РЕЦЕНЗИИ

УДК 168

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-130-136

ПОЗИТИВНО-ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ФИЛОСОФИИ НАУКИ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЛЕБЕДЕВ С. А. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ПОЗИТИВНО- ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ. М.: ПРОСПЕКТ, 2021. 448 С.

Губанов Н. Н.¹, Губанов Н. И.²

¹Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1, Российская Федерация

²Тюменский государственный медицинский университет
625 023, г. Тюмень, ул. Одесская, д. 54, Российская Федерация

POSITIVE-DIALECTIC CONCEPT OF PHILOSOPHY OF SCIENCE. REVIEW OF THE BOOK LEBEDEV S. A. PHILOSOPHY OF SCIENCE: POSITIVE DIALECTICAL CONCEPT. M., PROSPECT PUBL., 2021. 448 P.

N.Gubanov¹, N. Gubanov²

¹Bauman Moscow State Technical University
5, str. 1, 2nd Bauman ul., Moscow 105005, Russian Federation

²Tyumen State Medical University
54, Odesskaya ul., Tyumen 625023, Russian Federation

Введение

Рецензируемая монография включает в свой состав Введение, 18 глав, посвящённых раскрытию содержания всех разделов философии науки, и Заключение. Изложение материала в книге производится согласно определённой логике, диктуемой едиными концептуальными основаниями авторского видения и понимания науки и научного знания. Разрабатываемая многомерная концепция науки, с позиции которой в книге рассматриваются все вопросы и проблемы философии науки, названа автором позитивно-диалектической. Попробуем раскрыть в основных чертах сущность и содержание этой концепции.

Базовые положения позитивно-диалектической концепции

Первый принцип заключается в системном подходе к решению проблемы демаркации научного знания. Согласно ему, научное знание отличается от всех других видов знания не каким-то одним свойством, а системой свойств. Необходимыми и достаточными свойствами научного знания являются: объектность, определённость, обоснованность, истинность, проверяемость, общезначимость и практическая полезность.

Второй принцип состоит в констатации принципиально социального характера процесса научного познания, которое по своей природе не является ни индивидуально-психологическим, ни трансцендентально-субъектным процессом.

Третий принцип утверждает, что научное знание в целом представляет собой суперложную и плюралистическую по своему содержанию систему различных видов, областей, уровней и единиц научной информации. Эта система имеет не только целостный,

динамичный, рефлексивный, но и диалектически противоречивый характер.

Четвёртый принцип: действительным субъектом научного познания, реальным производителем и носителем научной истины является не отдельный учёный, а дисциплинарное научное сообщество. Коммуникационные (субъект-субъектные) отношения между членами научного сообщества играют столь же важную роль в процессе получения научного знания, его обоснования и принятия, сколь и субъект-объектные отношения. Эти виды отношений оказывают друг на друга существенное влияние во всех процессах и на всех стадиях функционирования научного познания, совместно определяя как общую траекторию его развития, так и результативность.

Пятым принципом является положение о том, что научное познание и его содержательный результат (научное знание) детерминированы не только исследуемым объектом, но и наличной культурой и обществом как необходимыми условиями его осуществления.

Шестой принцип фиксирует существенную степень самостоятельности научного (по) знания и его независимости от наличных социальных и культурных условий, в результате чего оно приобретает со временем всё большую силу инерции и ресурс саморазвития.

Седьмой принцип: развитие научного знания регулируется как внутринаучными факторами, так и социокультурными. Оно подчиняется общим диалектическим закономерностям эволюции любой системы: постепенного накопления количественных изменений и перехода системы со временем в новое качественное состояние. В динамике научного знания эти его скачкообразные переходы получили название научных революций. Последние заканчиваются достижением некоторого устойчивого состояния, либо оправданием, либо отторжением (частичным или полным) предложенных изменений в системе научного знания. И то, и другое достигается и фиксируется посредством определённого консенсуса среди членов дисциплинарного научного сообщества, выработка которого занимает часто весьма продолжительное время.

Восьмой принцип. Главными концептами научной эпистемологии являются: антифундаментализм, качественное разнообразие научного знания, методологический плюрализм, единство противоположного, содержательная и эпистемологическая относительность всех главных характеристик научного знания (его истинности, доказательности, верифицируемости, общезначимости, объективности, определённости и др.), единство преемственности и качественных скачков в процессе развития научного знания и др.

Гетерогенность и диалектическая противоречивость структуры научного знания состоит в том, что оно включает в себя противоположные виды знания, а также противоположные методы научного познания: чувственное и рациональное знание, апостериорное и априорное знание, логику и интуицию, рациональную аргументацию и волю, рассудок и разум, стандартную (в частности, алгоритмическую) познавательную деятельность и творчество, индукцию и дедукцию, анализ и синтез, детерминацию познания объектом и когнитивную свободу учёного (как основание его продуктивного воображения), объектное и рефлексивное познание и др.

Девятый принцип. Важнейшим видом познания, составляющим необходимое условие успешного функционирования и развития научного знания, является философская рефлексия над наукой, её структурой, содержанием и динамикой. При этом позитивно-диалектическая эпистемология утверждает относительную самостоятельность и независимость современной науки от философии (как, впрочем, и наоборот). Философия, во-первых, является лишь одним из факторов развития реальной науки, во-вторых, фактором, действующим на науку избирательно (в основном, на теоретическом уровне научного познания), и, в-третьих, фактором, интенсивно влияющим на развитие науки только в период научных революций, в период глубокого кризиса её фундамента и смены парадигмальных теорий.

Десятый принцип эксплицирует отношение между философией и наукой: это диа-

лектическое единство противоположных, но вместе с тем дополняющих друг друга видов рационального познания. В силу качественного различия предметов, методов и содержания философии и конкретно-научного знания последнее принципиально не может быть чисто логически выведено из «истинной» философии, ибо имеет собственные детерминанты своего развития. Верно и обратное утверждение: рациональная философия также не может быть выведена даже из совокупного научного знания о мире, поскольку опирается в своих построениях не только на науку, но и на весь многообразный опыт человеческой жизнедеятельности, на всю культуру. Рассмотрим применение автором указанных выше принципов к рассмотрению основных разделов философии науки.

Основные разделы философии науки

Онтология науки. Одним из её важнейших разделов несомненно является онтология науки. Её содержание включает представления науки об объективной реальности, интегральным выражением которых служит научная картина мира. Последняя не есть нечто застывшее, а находится в постоянном развитии, отражая исторический уровень развития науки. По степени общности и фундаментальности различаются общенаучная и частнонаучные картины мира. Поскольку научный способ познания опирается на непосредственный эмпирический контакт с объектом с целью выработки знания о его свойствах, отношениях и законах, постольку научное познание всегда по необходимости замкнуто и ограничено познанием конкретного множества объектов в соответствующей области. Наука в целом всегда состоит из конечного множества отдельных частных научных дисциплин, которые полагают эмпирически удостоверенным знанием только об определённом фрагменте объективной реальности. Не существует и принципиально не может существовать наука об объективном мире в целом и о его всеобщих законах. Поэтому создание научной картины мира возможно только при тесном сотрудничестве науки и философии.

В свете отмеченного выше остаётся только согласиться со следующим выводом С. А. Лебедева: «В силу предельной общности философии её учение о бытии всегда является априорным по отношению к онтологии науки, предшествующим последней и составляющим одно из оснований её формирования наряду с опытным познанием объективной реальности. Вот почему ученые, создающие основы научной онтологии, а это прежде всего классики науки, всегда вынуждены обращаться к философской онтологии, её содержанию, черпая из него необходимые и важные для научной онтологии общие идеи и прививая их к науке своего времени» [С. 129]. Сказанное подтверждается многочисленными примерами из истории реальной науки, и нет никаких оснований полагать, что и в будущем ситуация здесь как-то радикально изменится.

На протяжении всего развития науки, начиная с Нового времени и вплоть до второй половины XX в., фундамент общенаучной картины мира составляла физическая картина мира. В её развитии выделяется четыре основных этапа эволюции: картина мира античного естествознания, классической физики, неклассическая физическая картина мира и современная постнеклассическая. В монографии выявляется некое общее для всех этих картин мира содержание, а также подробно излагаются моменты, по которым они во многом несовместимы друг с другом.

Методология научного познания.

Основная идея излагаемой методологии заключается в том, что научный метод коррелятивен предмету познания. Поэтому существуют различия между методами познания в качественно различных областях науки (математика, естествознание, социальные, гуманитарные науки, технические и инженерные науки), на различных уровнях научного познания (методы чувственного, эмпирического, теоретического, метатеоретического познания), а также в разных научных дисциплинах. В реальной науке не существует некоего единого и универсального способа получения, обоснования и проверки разных видов научного знания. В структуре современной методологии С. А. Лебедев вы-

деляет пять основных блоков: общенаучная, отраслевая, уровневая, дисциплинарная и историческая методология науки.

Предметом *общенаучной методологии* являются общенаучные методы познания. Это методы, которые применяются во всех основных областях науки (естествознание, математика, социально-гуманитарные науки, технические науки). Вторым структурным блоком методологии науки является *отраслевая методология*. Она состоит из четырёх основных разделов, которые отражают методологическую специфику четырёх областей (отраслей) научного знания: 1) математики; 2) естественных наук; 3) социальных и гуманитарных наук; 4) технических и технологических наук. Третий блок современной методологии науки образует *уровневая методология науки*. Её предметом являются методы, специфичные для различных уровней научного познания – чувственного, эмпирического, теоретического и метатеоретического. Четвёртым блоком современной методологии науки является *дисциплинарная методология*. Её предмет – методы познания в отдельных науках и научных дисциплинах. Это, например, методы физики или биологии, экологии, географии, геологии и т.д. Дисциплинарные методы имеют менее общий характер по сравнению не только с общенаучными методами, но и с отраслевыми и уровневыми методами. Одной из важных задач методологии научного познания является реконструкция методологических оснований различных исторических типов науки. Это предмет пятого блока методологии науки – *исторической методологии*. Дело в том, что в ходе исторического развития науки меняются её методологические основания, появляются новые методы научного исследования, пересматриваются значимость и степень универсальности её прежних методов. В целом по мере развития науки растёт многообразие и плюрализм научных методов и средств.

Закономерности развития науки и научного знания. В рамках позитивно-диалектической концепции данная проблема раскрывается с помощью следующих тезисов:

1) Развитие научного знания представляет собой чередование процесса количественного накопления (кумуляции) истинного знания, направляемого общепринятой фундаментальной теорией (научной парадигмой (Кун)), и качественных скачков (научных революций), вызванных построением новой фундаментальной теории;

2) Она является содержательно и логически несовместимой с прежней теорией (антикумулятивный аспект развития научного знания). В результате научной революции только часть накопленного ранее знания признаётся истинной и сохраняется в неизменном виде, другая его часть рассматривается как ложное с позиций новой фундаментальной теории и отбрасывается. И, наконец, третья часть накопленного ранее знания хотя и сохраняется, но в существенно переработанном и осмысленном с позиций новой теории виде;

3) В целом развитие научного знания обусловлено действием как внутринаучных факторов (новые эмпирические данные, неиспользованные ранее теоретические ресурсы имеющейся системы знания), так и социокультурных (практические потребности общества, социальный заказ, философские и мировоззренческие идеи и др.). При этом внутринаучные факторы являются основной движущей силой динамики научного знания, как правило, в эволюционные фазы его развития, а также для высокоабстрактных областей науки, таких как математика, или для достаточно зрелого состояния науки, способного к существенной самодетерминации. Социокультурные факторы также оказывают существенное, а подчас решающее влияние в периоды становления научных дисциплин, во время научных революций, а также в прикладных научных исследованиях;

4) На динамику научного знания существенное влияние оказывают не только общие закономерности развития научного знания, но также и специфические, учитывающие специфику содержания и методологии различных областей науки.

Праксиология науки. По мнению С. А. Лебедева, современная наука имеет два принципиальных отличия от классиче-

ской науки. Первой особенностью является перенесение главного акцента научной деятельности с процесса получения и обоснования научного знания на его практическое применение, производство новых наукоёмких товаров и услуг и удовлетворение других потребностей людей. Второй её отличительной особенностью является ярко выраженный социальный и коллективный характер научной деятельности. В современной науке главным субъектом стал не отдельный учёный, а научные коллективы и организации разной мощности и направленности, которые представляют собой социальные системы, функционирующие по особым законам. Субъект-объектные познавательные отношения в современной науке существенным образом опосредованы и детерминированы различного рода социальными, коммуникационными, экономическими и организационными требованиями и ограничениями.

«Деятельность отдельных учёных в рамках научных коллективов и организаций подчинена законам разделения труда в рамках функционирования коллективного субъекта науки. Она существенно диверсифицирована, специализирована и организована по принципу взаимодополнения в рамках функционирования целостного субъекта науки (экспериментаторы, теоретики, создатели полезных моделей и опытно-конструкторских разработок, инженеры, математики-прикладники, экономисты, менеджеры, руководители научных программ и т. д.)» [с. 407]. Одним из следствий социального характера субъекта научного познания является то, что субъект-субъектные отношения между членами профессионального научного сообщества стали иметь не меньшее значение для успешного осуществления научной деятельности, чем субъект-объектные отношения между учёным и познаваемой им объективной реальностью. Соответственно, традиционные исследования процесса научного познания в рамках эпистемологии и методологии науки должны быть сегодня существенно раздвинуты и дополнены социологическими,

историческими, психологическими, герменевтическими и праксиологическими исследованиями научного познания.

Аксиология науки. Общенаучные идеалы и нормы исследования оказывают серьёзное и самое непосредственное воздействие на весь ход процесса научного познания, на технологию получения нового научного знания и его оценку. Особенно существенное влияние господствующие в науке идеалы и нормы познания оказывают на построение и оценку фундаментальных научных теорий. В монографии приведены некоторые особенно яркие примеры такого влияния из истории реальной науки.

Идеалы и нормы научного исследования относятся к внутренним ценностям науки, фиксируя господствующие представления научного сообщества о целях научного исследования, средствах их достижения и оценки полученных результатов. Они являются важными внутренними регуляторами научной деятельности наряду с общенаучной картиной мира. Содержание идеалов и норм имеет исторический характер и меняется вместе с изменением содержания науки в процессе её объективного развития, особенно в результате смены фундаментальных теорий в той или иной области науки. Их легитимизация, как правило, по мнению С. А. Лебедева, сопровождается коррекцией прежних идеалов и норм в процессе когнитивных переговоров. Такая коррекция является необходимой формой адаптации философии науки к реальным вызовам самой науки.

Заключение

В фундаментальной монографии С. А. Лебедева «Философия науки: позитивно-диалектическая концепция философии» изложена новая парадигма в этой области знания, охватывающая все её главные разделы и проблемы. Знакомство с ней будет полезно всем философам, но особенно специалистам по философии науки, которые найдут в книге много материала для собственных размышлений и новых возможностей для развития современной философии и методологии науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академический проект, 2008. 692 с.
2. Лебедев С. А. Уровни научного знания // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 62–75.
3. Лебедев С. А. Праксиология науки // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 52–63.
4. Лебедев С. А. Методология науки: проблема индукции. М.: Альфа-М, 2013. 192 с.
5. Лебедев С. А. Философия научного познания. М.: Московский психолого-социальный университет, 2014. 272 с.
6. Лебедев С. А. Методология научного познания. М.: Проспект, 2015. 256 с.
7. Лебедев С. А. Пересборка эпистемологического // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 53–64.
8. Лебедев С. А. Проблема истины в науке // Человек 2014. № 4. С. 123–135.
9. Лебедев С. А. Структура научной рациональности // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 66–79.
10. Лебедев С. А. Основные парадигмы эпистемологии и философии науки // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 72–82.
11. Лебедев С. А. Роль индукции в процессе функционирования современного научного знания // Вопросы философии. 1980. № 6. С. 87–95.
12. Лебедев С. А., Твердынин Н. М. Гносеологическая специфика технических и технологических наук // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2008. № 2. С. 44–70.
13. Лебедев С. А. Основные модели развития научного знания // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 6. С. 506.
14. Лебедев С. А. Культурно-исторические типы науки и закономерности её развития // Новое в психолого-педагогических исследованиях 2013. № 3. С. 7–13.
15. Лебедев С. А. Научный метод: история и теория. М.: Проспект, 2018. 448 с.
16. Лебедев С. А. Философия науки: общие проблемы. М.: Издательство Московского университета, 2012. 336 с.
17. Лебедев С. А. Уровневая методология науки. М.: Проспект, 2020. 208 с.
18. Лебедев С. А. Аксиология науки: ценностные регуляторы научной деятельности // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 82–92.
19. Лебедев С. А. Природа научной истины // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 1. С. 75–85.
20. Лебедев С. А. Философия науки: позитивно-диалектическая концепция: монография. М.: Проспект, 2021. 448 с.

REFERENCES

1. Lebedev S. A. *Filosofiya nauki: kratkaya entsiklopediya (osnovnye napravleniya, kontseptsii, kategorii)* [Philosophy of Science: A Brief Encyclopedia (main directions, concepts, categories)]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2008. 692 p.
2. Lebedev S. A. [Levels of scientific knowledge]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2010, no. 1, pp. 62–75.
3. Lebedev S. A. [Praxeology of Science]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2012, no. 4, pp. 52–63.
4. Lebedev S. A. *Metodologiya nauki: problema induksii* [Methodology of Science: The Problem of Induction]. Moscow, Alfa-M Publ., 2013. 192 p.
5. Lebedev S. A. *Filosofiya nauchnogo poznaniya* [Philosophy of scientific knowledge]. Moscow, Moscow Psychological and Social University Publ., 2014. 272 p.
6. Lebedev S. A. *Metodologiya nauchnogo poznaniya* [The methodology of scientific knowledge]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 256 p.
7. Lebedev S. A. [Reassembling the epistemological]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2015, no. 6, pp. 53–64.
8. Lebedev S. A. [The problem of truth in science]. In: *Chelovek* [Person], no. 4, pp. 123–135.
9. Lebedev S. A. [The structure of scientific rationality]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2017, no. 5, pp. 66–79.
10. Lebedev S. A. [The basic paradigms of epistemology and philosophy of science]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2014, no. 1, pp. 72–82.
11. Lebedev S. A. [The role of induction in the operation of modern scientific knowledge]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1980, no. 6, pp. 87–95.

12. Lebedev S. A., Tverdnyin N. M. [Epistemological specificity of technical and technological sciences]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7: Philosophy], 2008, no. 2, pp. 44–70.
13. Lebedev S. A. [Basic models for the development of scientific knowledge]. In: *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2014, vol. 84, no. 6, pp. 506.
14. Lebedev S. A. Cultural-historical types of science and patterns of its development]. In: *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in psychological and pedagogical research], 2013, no. 3, pp. 7–13.
15. Lebedev S. A. *Nauchnyi metod: istoriya i teoriya* [Scientific method: history and theory]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 448 p.
16. Lebedev S. A. *Filosofiya nauki: obshchie problemy* [Philosophy of Science: General Problems]. Moscow, Moscow University Publ, 2012. 336 p.
17. Lebedev S. A. *Urovnevaya metodologiya nauki* [Layered Science Methodology]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. .208 p.
18. Lebedev S. A. [Axiology of Science: Value Regulators of Scientific Activity]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2020, no. 7, pp. 82–92.
19. Lebedev S.A. [The nature of scientific truth]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2020, no. 1, pp. 75–85.
20. Lebedev S. A. *Filosofiya nauki: pozitivno-dialekticheskaya kontseptsiya* [Philosophy of Science: Positive Dialectical Concept]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 448 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Губанов Николай Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии МГТУ им. Н. Э. Баумана;
e-mail: gubanovnn@mail.ru

Губанов Николай Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного медицинского университета;
e-mail: gubanov48@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolay N. Gubanov – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: gubanovnn@mail.ru

Nikolay I. Gubanov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy and History, Tyumen State Medical University;
e-mail: gubanov48@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Губанов Н. Н., Губанов Н. И. Позитивно-диалектическая концепция науки. Рецензия на книгу: Лебедев С. А. Философия науки: позитивно-диалектическая концепция. М.: Проспект, 2021. 448 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 130–136.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-130-136

FOR CITATION

Gubanov N. N., Gubanov N. I. Positive-dialectic Concept of Philosophy of Science. Review of the Book: Lebedev S. A. Philosophy of Science: Positive Dialectical Concept. M., Prospect Publ., 2021. 448 p. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no 1. pp. 130–136.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-130-136

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
2021. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор Е. В. Доценко
Переводчик Е. В. Приказчикова
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор: И. К. Гладунов

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п.л. 8,75, уч.-изд. л. 11,75.
Подписано в печать: 24.03.2021 г. Дата выхода в свет: 26.03.2021 г. Заказ № 2021/03-06.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А